Лион ИЗМАЙЛОВ

Дорогие мои

ЖИЗНЬ ЗА КАДРОМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

О чем эта книга? «Естественно, о себе. Честно и откровенно. Я высокий голубоглазый блондин, красивый. У меня первый разряд по боксу, второй по плаванию, третий – по лыжам. Меня очень любят женщины. У меня только один недостаток. Я очень люблю приврать», – отвечает нам сатирик Лион Измайлов.

Смешные и трогательные до слез рассказы о себе, своем детстве, своей юности, своих друзьях и знакомых – в этой книге собраны самые лучшие истории Лиона Измайлова, которые понравятся любому читателю.

- Лион Измайлов
  - Автобиография
  - Отчим
  - Первая любовь
  - Майские жуки
  - Смерть Сталина
  - Витька Политов
  - Мой Литинститут
  - Инцидент
  - Дача
  - По дороге в Смоленск
  - Илюша Баскин и Америка
  - Концерты с Беллой Ахмадулиной
  - Владимир Лаптев
  - Сергей Шойгу
  - Валя Гецова
  - Александр Мень
  - Письмо Геннадию Хазанову
  - Геннадий Хазанов
  - Александр Подболотов
  - Иосиф Прут
  - Виктория Токарева
  - Аркадий Хайт
  - Леонид Дербенев
  - Михаил Танич
  - Михаил Жванецкий
  - Ольга Яковлева
  - Михаил Задорнов
  - Аркадий Арканов
  - Феликс Кандель (Камов)
  - В глушь, в Саратов

- Геннадий Андреевич

Лион Измайлов
Дорогие мои

Автобиография

Естественно, о себе. Честно и откровенно. Я высокий голубоглазый блондин, красивый. У меня первый разряд по боксу, второй по плаванию, третий – по лыжам. Меня очень любят женщины. У меня только один недостаток. Я очень люблю приврать. А если серьезно, то я невысокий, не блондин, не очень красивый. Женщины меня любят, но только беременные. Кто-то им сказал, что в этот период им надо общаться с высокими, красивыми. Видите, меня опять заносит. Но если говорить серьезно, то я родился в простой крестьянской семье, мать – русская, отец – киргиз, сам я – еврей.

Не верите? А почему, когда Киркоров говорит, что он болгарин, вы верите?

У него отец – армянин, мать – еврейка, сам – болгарин.

Как говорит Винокур, когда армяне живут с еврейками, получаются такие болгары.

А на самом деле широкую общественность, должно быть, интересует, откуда взялся у меня юмор.

От дедушки. По-моему, мой дедушка обладал хорошим, тонким юмором. Моя тетя мне рассказывала, что он каждый вечер сидел за столом, пил чай и приговаривал:

– Какой вкусный и полезный чай, если этот чай пить сто двадцать лет подряд, можно долго прожить.

По-моему, хорошая шутка.

Когда дедушка заболел, пришел к нему врач, сел на постель и спросил:

– Ну, что у нас болит? Дедушка сказал:

– Не знаю, что у вас болит, а у меня нога, на которую вы сели.

Как и все дети, я учился в школе, причем был отличником. После седьмого класса поступил в авиамоторный техникум. Затем, поработав на заводе, поступил в Московский авиационный институт, который называли театрально-спортивный институт с легким авиационным уклоном.

Закончил МАИ, и как говорит Задорнов, закончивший тот же институт: «Измайлов – интересный человек. Шесть лет проучился в авиационном институте, а до сих пор не может понять, почему самолеты летают, а крыльями не машут».

После института я очень недолго работал в авиационной промышленности, и за одно это общество должно быть мне премного благодарно, сколько жизней я спас, не работая по созданию самолетов.

Я стал писать для эстрады… И мы с вами, дорогой читатель,

знакомы не только потому, что вы меня видели на экране телевизора, но и по моим бессмертным произведениям, которые исполняли наши лучшие эстрадные артисты.

Слегка напомню. Наверное, кто-то из вас помнит монологи учащегося кулинарного техникума. Это в том числе и я. В смысле – автор. А помните монолог, с которого началась настоящая популярность ныне очень известной артистки Елены Степаненко «Письмо Биллу Клинтону»? Это тоже я.

А «Войну и мир» помните? Тоже хороший автор написал.

Кроме эстрады я также писал уроки «Радионяни», «Ералаши». Собственно, с рассказа «Ненужные словечки», написанного нами с Валерием Чудодеевым, и начался детский сатирический журнал «Ералаш».

Но самое главное – я регулярно печатался в «Клубе «12 стульев» «Литературной газеты». Тогда, в 70-е годы, она издавалась тиражом 5 миллионов экземпляров. А это значит, что 15–20 миллионов человек по средам начинали читать эту газету с шестнадцатой страницы, где был «Клуб».

Когда я получил первую свою премию, «Золотого теленка», Валентин Гафт написал на меня эпиграмму. Вы, конечно, знаете, что Гафт пишет обычно добрые, комплиментарные эпиграммы. Вот и про меня такую же сочинил:

Повезло тебе, придурку,
Что попал в «Литературку».

А когда я получил свою третью премию «Золотого теленка»… Кстати, я единственный автор трижды лауреат этой премии. Единственный. Все остальные – четырежды, пятирежды и шестирежды лауреаты.

Так вот, когда я получил третью премию, а время тогда было дефицитное, Гафт написал так:

В стране с продуктами не в жилу,
За мясом полчища стоят.

А вот такой, как ты, чудила
Уже сожрал троих «телят».

Тогда же, в 72-м году, я стал выступать с «Клубом». Это была лучшая в стране юмористическая команда. Арканов, Горин, Хаит, Бахнов. В качестве «самодеятельности» Хазанов и Фарада. Возглавлял эти выступления главный администратор «Клуба»

Виктор Веселовский.

Нам хорошо платили, и улучшившееся материальное положение позволило мне жениться. Жена, Елена, мне досталась симпатичная во всех отношениях. Единственным её недостатком был её муж.

Не знаю, как у вас в семьях, а у нас так повелось: что бы ни произошло, во всем виноват только я.

У вас такого, конечно же, быть не может, это только в моей семье так.

Даже когда американцы вошли в Ирак, она сказала мне:

– Ну что, допрыгался?

А однажды сижу за столом, никого не трогаю, пишу. Она входит в комнату с чашкой в руках. Чашка падает и разбивается. Она смотрит на меня зло.

– Что, – говорю, – ничего не придумала, сижу, молчу.

Она как закричит:

– Молчишь тут под руку! – Нашлась всё-таки.

В 1978 году начала по ТВ выходить передача «Вокруг смеха». В ней стали показывать писателей-сатириков. Нас стали узнавать в лицо.

Но узнаваемость у меня какая-то странная, причем до сих пор. Ко мне как-то подошла девушка, протянула книжку Коклюшкина и сказала:

– Распишитесь, пожалуйста, Аркадий Михайлович, – то есть спутала меня сразу и с Коклюшкиным, и с Аркановым.

Я решил быть на том же уровне, расписался – М. Задорнов.

Она покраснела и сказала:

– Спасибо вам, Михаил Задорнович.

Я понял, что для многих мы, юмористы, все на одно лицо, как китайцы для европейцев.

Что ещё рассказать?.. Выступал в разных странах, везде на языке, понятном их жителям. И в Азербайджане, и в Киргизии, и в Казахстане, в Германии, Швейцарии, Израиле, Турции. Всюду меня понимали. Кроме Англии. Они, англичане, по-моему, плохо знают даже свой собственный язык.

Посудите сами. Я там, в Англии, месяц жил. Месяц с ними разговаривал по-английски – хоть бы кто понял. Я написал около четырехсот рассказов и монологов, напечатал 15 книг, написал 10 пьес, из которых две поставлены, по одному моему сценарию снят полнометражный фильм. Но самым своим популярным произведением считаю маленькую миниатюру. Она входит во многие сборники народного юмора.

Дело было в Ялте. Я вышел из гостиницы, у входа стояли мужчина и женщина. Видно, что они только что познакомились, и

женщина кокетливо говорила:

– Сколько мне лет? Угадайте.

– Даже представить себе не могу.

– Ну, я вам подскажу, моя дочка ходит в детский садик.

– Она что, там заведующей работает?

И ещё один совет, который тоже напечатан в разных сборниках анекдотов «Совет женщинам: ели вы хотите, чтобы он обратил на вас внимание и все время думал о вас, займите у него побольше денег и подольше не отдавайте».

Отчим

Звали его Ефим Вениаминович Бабинский. Он появился у нас в семье в 47 году. Маленький, сухонький – старший лейтенант. Он только недавно демобилизовался из армии. В маленьком городке на Украине погибла вся его семья – жена и ребёнок. Он приехал в Москву к своей сестре. Сестра познакомила его с моей мамой. Он пришёл к нам в гости в нашу 12-метровую комнату. Мама выбрасывала из шкафа одну за другой шляпы и смеялась: «Вот моё приданое». За полгода до этого к нам забрались воры и обчистили нашу комнату как следует. Так что приданое на шляпах и заканчивалось.

Дня через три он привёз мне детский велосипед. Стало ясно, что это мой будущий отчим. Мама была знакома с ним с детства. Давным-давно они жили в одном маленьком городке на Украине. Это ускорило события.

Через день после свадьбы он уже пришёл за мной в детский сад. Дядя Ефим, так я его называл, подошёл ко мне и сказал: «Ленька, пошли».

Потом всю дорогу он мучительно думал, что бы мне сказать, но так придумать и не смог. А может, и не собирался. Он был довольно молчаливым человеком. Он никуда не мог устроиться на работу. В то время уже вовсю боролись с космополитами. Он был бухгалтером. Сначала его брали куда-то, но потом, посмотрев национальность, отказывали. Наконец мама устроила его к нашему родственнику в артель. В народе эти артели называли «золотое дно». В артелях делали ширпотреб и, естественно, часть его сплавляли налево. Время от времени артельщиков сажали, но моему отчиму удалось избежать этой печальной участи. У него были уникальные математические способности. Он быстро решал любые мои школьные задачи. И, наверное, он бы хорошо работал бухгалтером, но пришлось идти работать в артель, где он лет десять и проработал.

Тогда, в 47 году, отчим весил всего 48 кг, а мама весила 75. Сейчас, когда я пишу о них, то есть через 20 лет, отчим весит столько же, а мама слегка пополнела. Я люблю смотреть, как они вдвоём сидят у телевизора. Рядышком – на стульях. Если нарисовать вид сзади, то из-за спинки одного стула видны бока моей мамы. А над вторым стулом видно только голову моего отчима. Такой он худой. Они уже старенькие. Они смотрят телевизор каждый вечер. До тех пор, пока оба не заснут. Потом мама падает со стула и кричит с пола: «Ефим! Ефим! Подними же меня!»

Отчим просыпается, помогает ей подняться, а потом долго ворчит, что ему не дают спокойно посмотреть телевизор.

Мама моя любит посмеяться. Причём смеётся так, что слышно на соседних этажах. Отчим смеётся редко, скорее усмехается, когда мама ругает его или если я попытаюсь его пощекотать.

Нам с ним очень трудно было найти общий язык. Играть со мной он не умел. Разве что в шашки. Шашки в то время были дефицитом, и мы с ним начертили доску на бумаге. Вместо белых шашек брали металлические военные пуговицы, а вместо чёрных – обычные пластмассовые. Вот в шашки мы и играли.

Когда во дворе ребята хвалились своими отцами, мне сказать было нечего. У Витьки Политова отец был моряком, можно было рассказывать о кораблях и морских сражениях. Виталька говорил, что его отец может что угодно стащить. А что было мне рассказать про отчима?

Когда у нас собирались гости, он, выпив, начинал рассказывать про войну, но это были очень странные истории. У него была феноменальная память. Он помнил каждый день войны. Можно было спросить: «А что было 2 января 1942 года?» – и отчим тут же рассказывал, как они в этот день переезжали из одного города в другой. Все его рассказы были о переездах. Он и на войне был бухгалтером. И ни о чём, кроме как о переездах, рассказать не мог.

Когда я во дворе попытался рассказать о его перемещениях, меня просто подняли на смех. «Твой дядя Ефим, видно, стрелял из-за угла из кривого ружья!» – сказал толстый дядька Василёк, который всю войну проработал на овощной базе. Тогда я стал рассказывать о том, что до войны отчим работал джигитом в цирке, и даже довольно складно пересказал его номер. Как они целым коллективом джигитов носились по арене цирка и саблями на лету рассекали всякие штучки.

От того давнего периода у отчима осталась трогательная любовь к животным. Однажды он принёс домой маленького замурзанного котёнка. Котёнка помыли, высушили и начали кормить. Дня три всё было хорошо. Но на четвертый день мама дала ему сырого мяса. Котёнку мясо понравилось. Он стал жалобно мяукать, выпрашивая ещё. Мама швырнула ему второй кусок. Котёнок быстро его съел и замяукал снова. Мама не могла ему отказать и давала снова кусок за куском. Он мяукал до тех пор, пока не съел всё мясо. После этого он начал бегать по комнате и гадить. Гадил и мяукал. Мы остались без обеда. И когда вечером пришёл отчим, мама подняла крик и заявила, что котёнок останется у нас только через её труп.

– Чтобы духу его не было! – кричала она.

Утром отчим положил котёнка в портфель и, ужасно переживая, куда-то унёс его. Вечером он вернулся без портфеля. Мама устроила ему разнос, но он твёрдо стоял на своём: «Портфель потерял», – и всё. Мы с ним вышли во двор. Портфель лежал в кустах. Из портфеля на нас жалобно смотрел котёнок. Целую неделю отчим носил котёнка в портфеле на работу, а возвращаясь с работы, прятал его в кустах. По очереди мы подкармливали несчастного котёнка. Через неделю портфель стащили вместе с котёнком. О новом котёнке, конечно, не могло быть и речи.

У отчима была удивительная нежность ко всему живому. Он не мог убить даже простой мошки. Когда мы все вместе начинали ловить моль и мама кричала: «Ефим, вот же она, прихлопни её!» – он специально мазал, хлопал по шкафу рядом и радостно говорил: «Улетела!»

Вот такие истории я выдумывал про своего отчима. Про то, как однажды он привёз из цирка пони, и этот пони жил у нас, и мы ходили с ведром за ним, чтобы пони не наделал на пол, иначе мама выгнала бы нас вместе с пони.

На самом деле мы с ним не разговаривали годами. Однако он содержал и меня, и маму, и по сравнению с другими нашими соседями мы жили, можно сказать, обеспеченно.

Однажды, году в 58-м, все эти артели прикрыли, и отчиму пришлось искать новую работу. Это было сложно. Его взял к себе его дальний родственник Вайнштейн. Взял на очень маленькую зарплату – 80 рублей. И мама пошла работать в гостиницу. Короче, вместе они получали 132 рубля. То есть доход у нас на одного человека был немногим больше сорока рублей. И когда я начал учиться в МАИ, мне давали стипендию даже с тройками. Но благодаря тому, что отчим работал в тресте Мосводоканал, мы в 67 году получили квартиру в новом доме. Аж целых 22 квадратных метра. И впервые за всю жизнь, в 27 лет, у меня появилась своя комната в целых восемь метров. Первое, что я сделал, – это поставил защёлку на свою дверь. Теперь я мог закрыться в своей комнате. И даже привести туда девушку.

Году в 73-м, когда мой отчим получал уже 180 рублей и мы снова стали жить прилично, поскольку я уже что-то зарабатывал, вдруг всё тот же Вайнштейн сказал отчиму, что ему пора уходить на пенсию. И тут я впервые увидел, как мой отчим плачет.

Он пришёл домой, сел за стол, опустил голову на руки и беззвучно рыдал. Мне было его ужасно жалко. Он был человеком незлым, довольно замкнутым, неразговорчивым, но не злым и не вредным. Он был странный. Маленький, очень быстро ходил,

очень мало разговаривал, но ничего плохого никому не делал. Они прожили с мамой с 47-й по 74-й год. То есть – 27 лет… Я вспоминаю его, как родного, и поминаю его ежедневно в своих молитвах. После этой нанесённой ему обиды он очень скоро умер. Мама очень долго и тяжело переживала.

Первая любовь

Я учился в третьем классе. Наши дворовые ребята уже основательно интересовались женским вопросом, а я был как будто ни при чём. Они были старше и встречались с девочками. У них это называлось «ходить с шалавой».

Однажды кто-то рассказал при мне: «Идёт один пацан на демонстрации с шалавой…» Я переспросил: «С флажком?» Все расхохотались. С тех пор у нас во дворе слово «шалава» заменили на слово «флажок».

И вот однажды наши ребята собрались идти к «флажкам». Самым главным в нашей компании был Вовка Моисеев – любимец всех учительниц в школе, красивый, курносый мальчишка, первый футболист в нашем дворе. Он играл на «Искре» за команду мальчиков. Он был и самым сильным в нашем дворе среди младших. Мало того, что он сам мог побить кого угодно, но ещё у него был старший брат – тот уж точно был грозой всего Ростокино.

Вместе с Моисеевым на дело шли Витька Андреев по прозвищу «Жирик», Валька Таборов – кличка «Килька». Киля жевал таблетки «сен-сен», явно рассчитывая сегодня целоваться. Кроме того, был ещё Юрка Лукьянов, одноногий парнишка с большим носом и полным карманом мелочи, выигранной в чёт-нечёт.

Меня взяли для выучки. Я в то время был полностью неосведомлён по всем женским вопросам. Например, я никак не мог поверить в Вовкину интерпретацию появления детей. А все остальные её отлично поняли и приняли. У всех у них были братья и сестры, а у меня их не было. И все жили в маленьких комнатушках. И вот мы идём на первое в моей жизни свидание, и пусть это свидание не моё, но всё равно я возбуждён и оживлён, болтаю непрерывно и громко смеюсь.

Встречаться мы должны на Яузе, как раз в низине под нашим бугром.

«Флажки» должны прийти с другого берега Яузы через мостик. Мы спускаемся с бугра.

«Жирик» говорит:

– Сейчас встретимся и сразу, безо всяких там…

– Нет, – говорит Моисеев, – «Ля-ля» у нас свободный, пусть сигнал подаст – свистнет или платком махнёт, и тогда начнём.

«Ля-ля» – это я. Это моя кличка. Я всё время напеваю какие-то мелодии. Вот меня и зовут «Ля-ля».

Я радостно соглашаюсь подавать сигнал, хотя понятия не

имею, что после этого будет.

Мы приходим на место встречи. Никого ещё нет.

– Так, – говорит Вовка, – моя «колдунья». «Жирик» чуть не дерётся с Килей из-за какой-то Нинки. Наконец всех распределяют, а мне говорят:

– Какая останется – твоя.

Наконец появляются «флажки». Их четверо. Становится ясно, что мне никого не достанется. Они приближаются и робко останавливаются шагах в десяти от нас.

Мы подходим. Вовка за всех здоровается. Я рассматриваю девочек. Две мне сразу не понравились. Нинка, в общем, довольно симпатичная, но больше всех мне нравится «колдунья».

Она – в коротеньком платьице. У неё вздёрнутый носик, быстрые глазки, и вся она такая весёлая и заводная. Ребята тихо подходят каждый к своей девочке. Вовка сразу удаляется с «колдуньей» в сторону. Она стоит на возвышении, и её фигурка видна мне на фоне неба, а вокруг её головы – луна. Вовка что-то рассказывает ей, а она заливается смехом.

Ребята тоже парами расходятся, а я остаюсь один. Тут я вспоминаю, что надо подавать сигнал. Я что есть мочи свищу, но они как будто не слышат. Тогда я вынимаю платок и машу им, но никто не обращает на меня внимания. Они все очень тихо и скромно стоят со своими «флажками», а я здесь просто лишний.

Я взбираюсь на наш бугор, оборачиваюсь, они по-прежнему мирно беседуют, и никто ничего не начинает.

Я иду во двор. Здесь мои ровесники играют в прятки. Я присоединяюсь к ним и забываю о своей неудаче. Водит Витька Политов. Все бегут прятаться.

Я перебегаю из одного места в другое и наконец забираюсь в курятник. Там сидит Валя Кузнецова. Она мне шепчет: «Тихо!» Я сажусь около неё. Кто-то заглядывает в курятник. Я загораживаю собой Валю. Она дышит мне прямо в лицо, и я вдруг замечаю, что она очень красивая, даже красивее «колдуньи». Мы держимся с Валей за руки, она дышит мне в лицо и вдруг говорит мне: «Пусти».

Я отпускаю её руку, но она остаётся сидеть рядом. Витька Политов что-то там снаружи кричит. Наверное, он всех нашёл, кроме нас. Мы сидим и не говорим друг другу ни слова. Уже все разошлись по домам, и где-то раздаётся крик: «Валя! Домой!» Валя забирает свою руку и выбирается из курятника.

Я выжидаю некоторое время, чтобы нас никто не заметил вместе, и тоже иду домой. Я ложусь спать. Теперь я влюблён. Я точно это знаю, потому что непрерывно думаю о Вале. Я представляю себе разные места, где бы мы снова могли вместе с

ней прятаться.

Так началась моя первая влюблённость. Я был в третьем классе, а Валя училась в пятом. Почти каждый вечер мы играли в прятки, но она почему-то больше не пряталась со мной.

Я делал всё что мог. Я отвлекал от неё внимание водящего. Я подсказывал ей, когда можно было бежать выручаться. Я с нетерпением ждал, когда мы будем играть в ручеёк, чтобы выбирать только её. Каждый вечер, придя домой, я вспоминал, как она на меня посмотрела, что сказала. Я вспоминал её слова и в них искал какой-то скрытый смысл, обращенный лишь ко мне. Я стал ходить с девчонками на болото. Я совсем забросил всех ребят и играл только с девчонками. Я даже заигрывал с Ниночкой – младшей Валиной сестрёнкой. Потом я начал носить Вале разные подарки. Была просто непреодолимая потребность что-то ей дарить. Сначала я принёс ей нитки «мулине». Все тогда вышивали, и такие нитки были дефицитом. Естественно, я стащил их у мамы.

Валя нитки с удовольствием приняла, и за этот подарок я был награждён – мне было позволено на болоте пощекотать травинкой Валину шею. Потом я принёс ей из дома фарфоровую коробочку, и вечером мы опять сидели с Валей в курятнике, и я снова держал её руку. Последнее, на чём меня поймали, была половинка золотого браслета от часов. Я оторвал несколько звеньев и принёс их Вале. Весь браслет я стащить боялся, мне казалось, что это будет заметней. Однако и половины браслета было достаточно. За браслет мне сильно влетело, но я твёрдо стоял на своём – потерял, и всё.

В школе мне ребята сказали, что мной интересуется Тамарка из соседнего класса. Я пошёл, посмотрел. Она действительно таращила на меня свои цыганские глаза, но я остался верен своей Вале. Я даже написал Вале письмо в стихах, где изложил все события: и про болото, и про Ниночку, и всякие обещания свои тоже изложил. Я долго носил это письмо с собой, не решаясь отдать по назначению. А потом решил посоветоваться со старшим товарищем. Вовка Моисеев прочёл стихи и сказал: «Нормально. Давай передам». Но я передал стихи через Ниночку.

У моей симпатии стихи не вызвали никакого энтузиазма, а через несколько дней у нас во дворе начались танцы.

Кто-то из соседей выставил в окно радиолу, и старшие ребята стали «стилять» на маленьком пятачке перед окном. Мы, маленькие, танцевать не умели, поэтому просто стояли по кругу. А я глаз не сводил с Вали.

Потом меня позвали домой, и я вынужден был уйти. А на другой день моя соседка Марьяна сказала: «А твоя Валька вчера с

Вовкой стиляла. Знаешь как он танцует, и Валька тоже, и вообще, она сказала про тебя пусть приносит подарки, может он мне потом машину купит».

Всё! Я был уязвлен в своих лучших чувствах. Она танцевала с Вовкой. Этого я перенести не мог. Обидно было ещё и оттого, что я сам рассказал Моисееву о своей влюблённости. Дурак дураком. В этот же день, когда я пришёл на завалинку, где мы обычно играли в расшибалку, Вовка под громкий хохот читал наизусть отрывки из моего стихотворного послания.

Я больше не дарил Вале подарков и даже не подходил к ней, а она и не обращала на меня никакого внимания. Но года два я не мог выбросить её из головы.

Мы стали старше, и мне уже нравились другие девочки, но всё равно у меня всегда был интерес к этой моей первой.

Потом, когда мне исполнилось 20 лет, мы уехали из Ростокино, но иногда до меня доходили слухи о Вале. Она вышла замуж, прожила со своим мужем несколько месяцев и разошлась.

Потом я стал инженером, приехал в какое-то КБ в командировку и там встретил Валю. Она работала здесь конструктором. Передо мной стояла довольно бледная девушка невысокого роста. Черты лица были те же. Я смотрел и удивлялся, не мог понять, как она могла мне нравиться? То ли вкус у меня стал другим, то ли всё это я тогда себе придумал. Я потом много раз замечал такую метаморфозу. Наверное, эти женщины и не были никогда красивыми, но я этого не замечал.

Валя рассказала мне о себе. А я пошутил, что хочу жениться, но пока не знаю на ком.

Она совершенно серьёзно ответила: «Приезжай к нам в гости. У меня сестра настоящая красавица. Да ты её, наверное, помнишь. Ниночка». Она даже дала мне адрес. И я даже собирался поехать.

Майские жуки

Почему-то сейчас я совершенно не вижу майских жуков. А ведь они наверняка и сейчас летают в мае. Ах, как хорошо они летят! Медленно и тяжело. Низко летят, разворачиваясь у деревьев, обходят препятствия.

Мы в детстве ловили их на волейбольной площадке перед домом. Все ребята высыпали на площадку. Жуки эскадрильями перелетали через наш барак, спускались перед площадкой, чтобы потом снова подняться перед липовой аллеей. Мы стояли между домом и аллеей. Жуков было видно на фоне неба над домом. Мы ловили их кепками. Вдруг кто-то из нас срывался с места, увидев чёрную свинцовую точку.

Все стояли и смотрели, а один – бегал зигзагами. Со стороны это было смешно. Жука не видно, а человек почему-то бегает по какой-то странной траектории. Иногда бегали сразу несколько человек.

Пойманный жук приятно щекотал лапками потную ладонь. Жуков засовывали в спичечную коробку. Они там ворочались и скрипели лапками о стенки. А мы давали друг другу послушать, как они там ворочаются.

Говорили, что крылышки майских жуков принимают в аптеке. Мы мечтали наловить мешок жуков и сдать крылышки. Но никто, конечно, ничего не сдавал.

Мы с Вовкой Моисеевым сообразили, что лучше всего ловить на крыше. Они там летают над самым гребнем. Сиди себе и помахивай кепкой. Все жуки твои. И вот мы с Вовкой осторожно поднимаемся на крышу. Сначала – по лестнице на чердак. Тихо идём не по шлаку, а по брёвнам, чтобы внизу, в квартирах не услышали. Выбираемся через слуховое окно на крышу. По чёрной смоле осторожно забираемся на гребень. Садимся, снимаем кепки и слышим крик снизу:

– А ну, слазь!

Это кричит дед Витальки Хохлова. Услышал всё-таки, как мы шли по чердаку. Дед – здоровенный, крепкий старик. Голос его ни с чьим не спутаешь. Он обычно выходил во двор и кричал: «Вяталька! Домой!»

Виталька, красивый парнишка с глазами-вишенками, всё тут же бросал и бежал к деду. Дед говорил: «Полкилы белого и полкилы чёрного», – трескал Витальку по голове, и тот бежал в хлебную палатку. Дед находился в постоянном поиске.

Когда трактор случайно задел забор нашего палисадника и снёс несколько досок, тут же появился дед Хохлов и стал

собирать наши доски. Я кричал ему в окно, чтобы он их не трогал, но он не обращал на меня ни малейшего внимания. Он так увлёкся, что стал отдирать от забора и другие доски.

Я снова закричал в форточку. Выйти я боялся, потому что был дома один. Дед повернулся к окну и, уходя, сказал всего одно слово: «Убью!»

Перед окном Лукьяновых, живших в угловой комнате, была небольшая яма. Лукьяновы покидали туда весной картошки, и к осени там вырос большой картофельный куст. Дед Хохлов с дочерью днём, когда взрослые были на работе, пришли к этой яме и нагло стали выкапывать картошку. Выскочил из дома одноногий Юрка Лукьянов, стал кричать:

– Это наша картошка! Дед и дочка его Катя деловито копали.

– Тётя Катя, – сказал Юрка, – это же наша картошка!

Они не обращали на него внимания, продолжали собирать картошку. Юрка впрыгнул в яму, пытаясь помешать. Дед вытеснил его из ямы и продолжал своё чёрное дело.

Юрка заплакал. Дед взял ведро, и они молча ушли с ведром картошки.

Витальку мы звали «Полкилы». Виталька был забитым мальчиком, хотя был не меньше нас. Дома его часто били, и среди нас он старался не влезать в споры, если могло плохо обернуться. Зато если он чувствовал чью-то защиту, мог сделать что угодно и даже ударить из-за спины.

Он был ловкий, мог лучше всех залезть в чужой огород и нарвать там моркови или огурцов, двигался незаметно и бесшумно. Влезал в любую очередь и очень боялся деда.

Когда Виталька вырос, он стал мясником. Однажды он, возвращаясь с работы, подошёл ко мне и сказал:

– Хочешь, обыщи меня. – Я стал его обыскивать, но ничего не нашёл. Тогда он откуда-то из брюк вытащил банку консервов. – Понял? – сказал он. – «Приварок» всегда есть.

Тогда он ещё только учился на мясника. А уж когда стал работать в мясном отделе, дела его вообще пошли на лад. Он был красивым парнем и женился на красивой девушке. Он воровал в этом мясном отделе всё, что только можно было украсть. В его комнате появились телевизор, холодильник, ковёр, после чего делать и желать ему стало нечего. Он стал пить и заработал язву. После очередной четвертинки он уснул и больше не проснулся. Никого дома не было, и некому было вызвать «Скорую помощь».

Но это всё будет потом, а сейчас мы сидели на крыше с Вовкой и понимали, что дело наше плохо. Дед стал взбираться по единственной лестнице, ведущей на чердак. Мы кинулись на чердак, но поняли, что деваться там некуда, вылезли снова на

крышу и присели у второго слухового окна. Дед вылез из своего слухового на крышу, а мы юркнули на чердак. Дед тут же вернулся на чердак. Этот манёвр мы повторили ещё несколько раз. Но дед каждый раз перекрывал нам дорогу. В последний раз, когда дед по чердаку направился к нам, мы вылезли на крышу и побежали, но он успел вылезти и стал нас преследовать по крыше. Мы не успевали вдвоём спуститься в окно и вынуждены были отползать по гребню крыши в конец дома. Дед шёл на нас и радовался. Он понимал, что загнал нас. Спрыгнуть с крыши мы не смогли бы – довольно высоко. Единственное дерево неподалёку, черёмуха, было слишком ненадёжно. И вот мы уже на краю крыши, и дед идёт на нас. Остаётся несколько шагов до края. Тогда мы садимся на корточки и спускаемся по наклонной плоскости. Дед за нами на «пятой точке». Мы подползаем к самому краю крыши. Дальше передвигаться уже нельзя, можно свалиться. Дед тоже добирается до нас, но ногами вперёд, поэтому схватить нас не может. Руками он держится за крышу. Он тоже боится двигаться. Он тяжёлый и запросто может скатиться. И вот так мы сидим и смотрим друг на друга.

Он уже не улыбается, он понимает, что ему ещё надо будет лезть назад. Одно неверное движение, и он скатится вниз. Мы сидим так долго и смотрим друг на друга с ненавистью.

Потом слышны голоса наших матерей. Нас ищут. Мы с Вовкой берёмся за руки и прыгаем с крыши. Я вывихнул ногу, а Вовка стукается лицом об землю. У него коленки оказались выше плеч. Но мы счастливы. Дед остался на крыше и спрыгнуть, как мы, он не может. Но мы великодушны. Мы идём к Витальке, и через десять минут, при общем сборе всех жителей нашего дома, деда снимают с крыши. Он спускается по лестнице, говорит неизвестно кому – «Убью!» и, не объясняя никому, как он попал на крышу, по дороге трескает по голове Витальку.

В тот вечер мы не поймали ни одного жука.

Смерть Сталина

Это был самый несчастный день 1953 года. Школа была притихшая. Учителя ходили с красными, опухшими от слёз глазами. Все классы строем куда-то перемещались. И наш пятый класс шёл по коридору на цыпочках.

Все говорили шёпотом. В актовом зале на сцене стоял бюст Сталина, украшенный цветами. Сменялся почётный караул. Через некоторое время меня как отличника тоже поставили в почётный караул. Я стоял в красном галстуке и держал руку над головой, отдавая Сталину последний пионерский салют.

Перед сценой, прощаясь, проходили люди. А напротив меня внизу, под сценой, стоял Перфильев и строил мне рожи.

Я стоял в почётном карауле, а физиономия моя расплывалась в улыбке, и я никак не мог справиться с собой.

Потом начался урок, и Вера Антоновна назвала фамилии четверых ребят, которые должны были на следующей перемене снова стоять в карауле.

– Ага, – сказал Перфильев, – а Поляк там стоял и улыбался и ещё рожи корчил.

– Это подло, – сказала Вера Антоновна и прищурила один глаз. – Ты издевался над самым святым.

– Я не строил, – возразил я.

– Но ты улыбался в карауле, – перебила меня Вера Антоновна.

– Я не хотел, – я не мог сказать, что Перфильев строил мне рожи, тогда он бы побил меня, – я не хотел. – Я уже чуть не плакал.

– Это тебе так просто не сойдёт, – заключила Вера Антоновна.

На перемене я плакал у окна, ко мне подошла наш завуч и стала гладить меня по голове.

– Мужайся, Поляк, – говорила она, – мужайся, нам всем плохо, не плачь, лучше напиши заметку в стенгазету. Напиши о своём горе.

Тут я уже не выдержал и, всхлипывая, сказал:

– Не умею я писать заметки.

– Ну что ж, тогда поплачь, может, станет легче, – сказала завуч и отошла, прикладывая платок к глазам.

Приблизительно в то же время появилась статья о врачах-вредителях – Вовси, Виноградове и других.

У нас дома читали её вслух и готовились к самому худшему. Где-то в Леонове уже ограбили каких-то евреев.

В автобусе к моей маме пристал какой-то пьяный:

– Ну что, госпожа Вовси? Мама ответила:

– А что, господин Виноградов?

Потом в газетах стали появляться фельетоны про «абрамчиков». А «крокодильская» карикатура, где вредители изображены с огромными носами, до сих пор лежит у меня в папке.

На уроке географии, когда мы с моим соседом Борькой Фроликовым, как обычно, жевали хлеб с маслом, учительница вдруг подошла ко мне и ударила меня указкой по голове. Я вырвал указку у неё из рук и переломил её пополам.

Она поняла, что переборщила, и ни слова мне не сказала.

На следующий день, когда я поборол на перемене Свиридова, он сказал мне прямо в лицо «жидовская морда». Я треснул его по физиономии. Он побежал разыскивать каких-то ребят. На следующей перемене в класс заглянул здоровенный парень и сказал мне:

– Это ты, что ли, маленьких бьёшь?

Я понял, что сегодня мне будет плохо. Весь последний урок у меня от страха сосало под ложечкой. Когда я после уроков вышел из школы, меня уже ждали Свиридов и этот его великовозрастный друг и ещё пара ребят помельче.

– Ну что ж, покажи, на что ты способен, – сказал большой.

Я отдал Борьке портфель. Мы со Свиридовым встали в стойку. Сзади меня ударили портфелем, но я набросился на Свиридова. Свиридов медленно отступал. Я бил его боковыми, а перед самыми кустами даже ухитрился сделать ему подножку. Свиридов улетел в кусты.

Я ждал, когда он оттуда вылезет. В это время передо мной вырос большой и врезал мне так, что у меня всё поплыло перед глазами. Я перестал видеть этого типа, и несколько кругов остались вместо его лица. Потом круги уменьшились и снова появилось его лицо.

Я дунул бежать.

Борька потом принёс мой портфель. Помочь он мне не мог. Этот тип побил бы и его.

Потом закончилась четверть, и Вера Антоновна сказала моей маме:

– Конечно, он отличник, но знаете, время сейчас такое, что мы грамоту ему выдавать не будем, осенью уж тогда… Вы уж извините, мне очень неудобно но…

До сих пор у меня лежат грамоты за все классы, кроме пятого.

Витька Политов

Мы жили в бараке, построенном для ИТР ещё до войны моим отцом. Но это был не обычный барак, в котором один коридор и в обе стороны комнаты, а барак состоял из маленького коридорчика поперёк двух квартир, каждая – по две комнаты. В каждой жило по семье. Витька Политов жил напротив нас. Отец его был моряк. Мы завидовали Витьке. Отец его, Степан, спокойно гнул руками железную трубу. Он был широкоплечим, красивым и ходил в тельняшке.

У Витьки были ещё две сестрёнки и младший брат. Когда родились сестрёнки-двойняшки, из деревни приехала бабка. Вместе с матерью их стало семь человек в такой же, как у нас, двенадцатиметровой комнате. Отец Витьки работал на другой стороне Яузы на Ферманской фабрике. Ферман – это дореволюционный владелец камвольно-отделочной фабрики.

Однажды, проходя мимо фабрики, я видел, как Степан ворочал там во дворе огромные газовые баллоны.

Витька был самый старший из детей, и Степан очень надеялся на него.

Как говорил Витька, отец любит его и всегда из супа даёт ему самые лучшие куски мяса. Витька тоже любил своего отца и учил уроки как следует, чтобы оправдать надежды.

Тогда мы сдавали экзамены с 4-го класса.

Витька к экзаменам выучивал всё наизусть. Он шпарил целыми страницами из учебника по ботанике, иногда даже не понимая, что он говорит. Порою от такой зубрёжки у него начинала болеть голова. Тогда он опускал голову под холодную воду и снова начинал зубрить.

Мы учились в параллельных классах. Я был отличником, а он еле-еле вытягивал на четвёрки. Каждый день мы вместе шли в школу, а потом вместе возвращались.

В школе мы виделись мало, зато после школы до ночи гоняли в футбол.

Мы играли по нескольку часов подряд, пока уже не видно было мяча. В футболе я тоже был первым из маленьких. И дрались мы с ним редко, потому что было уже установлено, что я сильнее его.

Иногда мы встречались с бараковскими. Три барака стояли где-то в полукилометре от нас. Мы с ними состязались в футболе. Это были дни большого футбола. Сначала играли большие ребята, а потом мы – маленькие.

Мы, маленькие, всегда выигрывали у бараковских. С Витькой

у нас всё было отрепетировано, все слажено. Мы оба хорошо мотались и играли в пас, поэтому нас всегда держали троечетверо противников.

Иногда им надоедало наше мастерство, и они просто били нас по ногам. Витька был спокойнее и не обращал на удары внимания, а я тут же бросал мяч и начинал драться. Большие ребята нас разнимали.

Однажды бараковский парень Ермаков подставил мне ножку. Я, встав с земли, развернулся и дал ему в глаз. Лет через десять я смотрел на этого Ермакова, огромного парня, и думал, как я мог его тогда ударить. Сейчас он уложил бы меня одним ударом наповал.

Я до сих пор не могу понять, как мы постольку играли в футбол. Иногда из дома раздавалось: «Лёня! Домой!» или «Витя! Домой!». Мы бежали домой, хватали по куску хлеба с сахаром и снова летели на футбол.

В одно лето Витька уехал в пионерский лагерь, а вернувшись из него, вдруг стал мотать меня как хотел.

Я ничего с ним поделать не мог, он играл лучше. Он и вымахал за это лето, стал и выше меня, и здоровее. Упорство у него было великое. Он часами стоял перед забором и отрабатывал удар. Это была не ботаника, тут он всё понимал как следует.

Став взрослым, Витька играл за профессиональную футбольную команду. Но когда-то мы были на равных.

Однажды мы гоняли в футбол, а нам под ноги всё время лезла какая-то курица. Витька взял камень и швырнул в неё. Курица обиженно закудахтала и похромала домой.

Вечером разразился скандал. Курица оказалась нашей соседки тети Маруси.

– Ты подбил курицу? – спросила она меня.

– Нет, – честно ответил я.

– Ты подбил, я знаю, Витька говорит, что ты. Позвали Витьку.

– Кто подбил курицу? – спросила тетя Маруся.

– Он, – сказал Витька.

– Как же так, – закричал я, – это же ты подбил!

– Нет, ты, – твердил Витька. Тетя Маруся тоже вступила в бой:

– Ты говорил, что терпеть не можешь моих кур? Я действительно так говорил, но только Витьке.

– Говорил, но курицу он подбил.

Тетя Маруся пошла ругаться с моей мамой. Вышел дядя Степан.

– Это же ты подбил! – выходя из себя, кричал я. – Дядя Степан, это он подбил, а говорит на меня.

– А ты говори на него, – сказал дядя Степан, – вот она ничего и не поймёт. Друг на друга валите, и будет порядочек.

Он, конечно, знал, кто подбил.

Так Витька начал хитрить. Стыканья у нас происходили очень часто.

Не помню уж почему, но подрались Витька с Борькой Фроликовым. Оба – мои друзья. Мы все вместе вышли из школы. Во главе шёл Кидямкин, главный наш хулиган, всегда ходивший с финкой. Он был за Фроликова, но в драку не вступал. То ли потому, что Витька боялся Кидямкина, то ли потому, что Борька действительно был сильнее, но Витька быстро получил своё и убежал домой. Мы попрощались с Кидямкиным и тоже направились с Борькой в сторону дома. Мы шли, мирно беседуя, и вдруг в низине у речки Тухлянки нам навстречу вышли Витька с Вовкой Моисеевым. Они вдвоём сразу стали избивать Борьку. Вовка Моисеев был старше нас, поэтому Борька даже не сопротивлялся, он только закрывал лицо руками. Как я ни заступался за Борьку, как ни пытался доказать Моисееву, что драка была честной, ничего не помогало.

Они вдвоём отметелили Борьку, и тот, плача, побежал к своим баракам. Мы сидели на завалинке. Витька с Моисеевым обсуждали драку. Откуда-то из-за угла появился Борька. Узнать его было трудно. Лицо распухло. Вместо глаз – одни щелочки.

За ним шёл его отец.

– Этот? – спросил он, показывая на Моисеева. Фроликов кивнул. Отец схватил Моисеева за шиворот. Теперь они вдвоём начали лупить Моисеева. Вовка все же вывернулся и убежал к брату.

На следующий день в низину под бугром пришли ребята Кидямкина. На бугре стояли наши ребята во главе с Моисеевым. Вначале кидались камнями, потом кидаться надоело. Кидямкин крикнул:

– Эй, ты, иди сюда!

Вовка был не трус, он пошёл.

Они с Кидямкиным встретились, о чём-то поговорили. Потом позвали Витьку Политова. Витька подошёл. Кидямкин треснул его по голове. И на этом дело закончилось. Все вместе мы пошли на Яузу кататься на плотах. Я тоже пошёл, хотя плавать не умел.

Плот был квадратный с маленькой площадкой, выпиравшей из одной стороны квадрата. Я что-то не в меру развеселился, когда мы плыли к середине реки. Вместе со всеми кричал: «Переворачивай!» Но когда стали переворачивать плот, вспомнил, что не умею плавать. А плот уже переворачивался. Спасла меня площадочка. Я упал в воду, но держался за неё. А поскольку она

была как раз посредине плота, то как ось осталась посредине. Плот перевернулся, но я сумел не хлебнуть воды. А тех, кто был сбоку, тех накрыло плотом, и они на некоторое время скрылись под водой. Но они умели плавать и выплыли, а я бы там и остался. Бог спас.

Но вернёмся к Политовым. Их, как я говорил, уже было семеро, и Степан просто выбивался из сил, чтобы прокормить эту большую семью. Он всё время пытался подработать. Как-то, я помню, он предложил моему отчиму несколько килограммов ртути, естественно, ворованной. Отчим отказался. Степан решил, что отчим просто не хочет иметь с ним дела хотя зачем бухгалтеру ртуть? Мы считались зажиточными, и Степан всё время хотел подружиться с моим отчимом, чтобы что-нибудь подзаработать. Он звал отчима пить пиво, но тот пива не пил, и Степан опять обижался. Мать мою Степан уважал, считал интеллигенцией.

Наконец он придумал как заработать. Он привёз из деревни быка. Бык несколько дней пасся у нас в низине. Потом пришли какие-то мужики и долго колуном убивали быка. Потом Степан с женой Полиной ездили на рынок и продавали говядину. Затем Степан завёл свинью. Они долго откармливали в сарае эту свинью, а потом снова пришли всё те же мужики и мастерски зарезали свинью.

Двое держали её за ноги, а третий прирезал её одним ударом ножа.

Я сидел в комнате у Политовых и три часа ждал, вдыхая запахи пелёнок, когда сварится домашняя колбаса. Наконец она появилась, горячая, с чесноком, только что изготовленная. Ничего вкуснее в жизни не ел. Но мясо скоро кончилось, и надо было Степану снова что-то придумывать. И он придумал. Он стал каждую субботу и воскресенье куда-то пропадать. А через некоторое время к нам в комнату пришёл какой-то незнакомый человек. Он долго расспрашивал мою маму, куда ездит Степан, где он пропадает по выходным, и не замечала ли она чего-то подозрительного.

Мама ничего не говорила, хотя, конечно, знала, что каждую субботу Степан ездит в свою деревню, набрав туда продуктов. Там он всё это продавал, а на вырученные деньги кормил свою многочисленную семью.

Через несколько дней, уже ночью, к нам постучался сам Степан:

– Полина, пройди к нам, пожалуйста, с обыском пришли, очень прошу, будь понятой. Знаю, никому не расскажешь.

Ему было стыдно за этот обыск.

Я зашёл к ним уже тогда, когда обыск закончился. На полу валялись телогрейки, бельё, наволочки. Степан сидел в углу, опустив голову на руки. Сестрички не плакали. Они ползали по этому имуществу и смеялись. Оказалось, что кто-то из их знакомых или родственников что-то где-то украл, и у Политовых искали чужие вещи, но ничего не нашли.

А вскоре всё разрешилось само собой. В очередную субботу мы услышали из коридора крик Полины, жены Степана.

– Убили! – кричала она. – Убили!

Все соседи выскочили в коридор. Полина колотила руками по стене и по-деревенски выла. Старуха-бабка показала телеграмму. Степан ездил в деревню на поезде. Остановки там не было, но поезд замедлял неподалёку от деревни ход, и Степан на ходу спрыгивал с площадки. На этот раз прыжок оказался неудачным. Степана не убило, ему отрезало поездом обе руки.

Через месяц появился он сам. Ещё месяц назад гнувший руками трубы, он сразу стал маленьким и потемневшим.

С этого несчастья у него началась новая жизнь. Он ходил по каким-то собесам, райсоветам и прочим организациям. Через полгода они переехали из нашего барака в новую двухкомнатную квартиру. Ещё через год получили трёхкомнатную. Он даже устроился на работу и руководил каким-то цехом. Когда мне было 22 года и я уже учился в МАИ, я встретился случайно с Витькой Политовым.

В футболе он не удержался, хотя данные у него были отличные. Рост – метр восемьдесят, и бегал хорошо. Он играл уже за дубль «Спартака», но сломал ногу и вынужден был из футбола уйти.

Поступил в цирковое училище. Он играл там на концертино и пел куплеты.

Он как-то пришёл ко мне домой и попросил эти куплеты написать. И я писал их ему, пока он бегал в магазин за бутылкой. Но и артист из него не получился.

Они жили недалеко от меня, на проспекте Мира. И я как-то встретил Степана в магазине. Они с двумя мужиками разливали на троих. Степан взял стакан культей. Увидел меня. Я поздоровался.

– Вот так-то, Лёник, – сказал он, – не смотри лучше на меня, – и опрокинул стакан в рот.

Потом, лет пять спустя, я вновь встретил его возле магазина на Мало-Московской. Он сказал, что Витька сейчас устроился хорошо. В Палате мер и весов проверяет магазинные весы.

– Ну, а это, сам понимаешь, отцу на стакан всегда хватит.

Мой Литинститут

Это было в конце шестидесятых годов. Пятьсот шагов от улицы Горького. Чугунная решётка старинного дворянского особняка. Садик в пожелтевших листьях. Памятник знаменитому писателю и дверь в Литературный институт. Я так много слышал об этом институте. Дом, в котором были Платонов, Горький и большинство наших, современных. О нём написано столько стихов и рассказов!

У меня когда-то был друг, поэт. Он был принят в этот институт и почему-то не стал в нём учиться. Мне это казалось кощунством. Я шёл к этому институту три года, по страничке набирая конкурсные тридцать пять страниц машинописного текста. Мастер Лев Кассиль, с которым меня познакомил Андрюша Пирлик, прочёл пятнадцать и сказал мне:

– Я беру вас, вот записка в приёмную комиссию. Не знаю, правда, что вы будете делать у нас? Вы пишете юмор вполне профессионально. Хотите, я ваши монологи покажу Райкину?

Я знал, что Кассиль дружил с Райкиным. Поговаривали, что Райкин, приезжая в Москву, даже жил у Кассиля, хотя номер в гостинице ему снимали.

Показывать свои монологи Райкину я не хотел, я уже понимал, что они для него недостаточно смешные.

– Не знаю, правда, что вы будете делать у нас? Высшее образование у вас уже есть. А научиться писать… Пишите, вот и научитесь. Институт вас этому не научит.

Но слишком долго я шёл к этому институту, к этим дверям, чтобы не войти в них. И я вошёл.

Я прочитал от точки до точки студенческие публикации, что висели на стене. Я прочитал все расписания и все объявления. Я вошёл в аудиторию и увидел десятерых будущих писателей. Они обсуждали рассказ моего приятеля Пирлика.

Рассказ о тоске двух старушек, которых переселяли с Арбата на окраину Москвы. Дом их снесли, вот их и переселили.

Началось обсуждение.

Встал парень лет тридцати, угрюмый и сосредоточенный.

– Не первый раз приносит нам Пирлик такой рассказ. Я тоже езжу на электричке и вижу, как радуются люди, переселённые в новые дома. Это хорошо – новые квартиры. И я не понимаю, для чего надо писать об этой тоске?

Второй выступала девушка.

Это, говорила она, мне понравилось, а это – не понравилось. То – понравилось, а это – не понравилось.

Потом встал ещё один будущий писатель и, глядя в окно, заговорил:

– Это… рассказ… как будто бы… вообще-то… конечно… но если, значит, а так в общем-то ничего.

И ещё много-много междометий.

Мужчина сорока с лишним лет говорил точно и строго. Он произносил мои мысли, но только лучше формулировал.

А затем выступал парень с небесно-голубыми красивейшими глазами. По всей видимости, он был поэт, потому что «ходил по потолку». И единственная фраза «время шло и вдруг побежало» запомнилась мне только потому, что он повторял её много раз. Так много, что Кассиль не выдержал и спросил:

– А что, собственно, вы вкладываете в эту фразу?

Мастер подвел итог и объявил перерыв. Я взял сборничек Бабеля и стал читать рассказ «Иисусов грех».

«Вода течёт, звезда сияет, мужик ярится…»

«И был промежду них стыд, между Ариной и младшим дворником Серёгой…»

«Арина говорила Серёге: – Сергей Нифантьич, я себе сейчас ноги мыю и просю вас без скандалу удалиться».

Ах, это «мыю»! И как ей, беременной, говорил Исай Абрамыч, что только полежать и может с ней.

«Ему бы в матери сырой земле лежать, а не то чтобы как-нибудь иначе, однако и он в душу наплевал».

Перерыв заканчивался, но я не мог не дочитать этого замечательного рассказа.

Я ушёл в садик к знаменитому писателю, я наслаждался фразами Бабеля. Я не мог вернуться и читать там из уважения к Мастеру.

Я понял, что никогда не научусь писать так, а по-другому я здесь точно писать не научусь. И я ушёл.

Так закончилась моя дорога длиной в три года. Так закончился мой Литературный институт.

И до сих пор с удовольствием вспоминаю кабинет Кассиля с картой Швамбрании на стене.

Инцидент

Когда-то, в 70-х годах, в Доме литераторов со мной произошла такая история. Там был вечер сатиры и юмора в двух отделениях. Я присутствовал в качестве зрителя. В антракте я случайно встретил одного парня, с которым мы учились на одном факультете в МАИ. Институт я закончил в 1967 году, стало быть, прошло пять лет.

В институте мы с этим парнем никогда не разговаривали, но друг друга видели часто.

– Здорово! – сказал он и панибратски хлопнул меня по плечу.

– Здравствуй, – ответил я.

– Ну, ты как?

– Да ничего.

– Где работаешь?

– Да, в общем-то, нигде.

– Как это – нигде?

– Бросил я инженерную деятельность.

– Ну, ты даёшь!

– Как концерт? – попробовал я перевести разговор.

– Да мы с другом в ресторане просидели. – Теперь я заметил, что парень был довольно пьян.

Я сказал, что меня ждут, и отошёл от него.

После концерта мы с моей подругой Тамарой ждали, когда рассеется народ, чтобы получить в гардеробе пальто. Вдруг я увидел одну давнишнюю знакомую. Мы стали с ней разговаривать. Она рассказала мне, что стала актрисой, разводится с мужем, и так далее.

Вдруг мой знакомый опять хлопнул меня по плечу.

– Извини, – сказал я, – мне надо поговорить. Он отошёл.

Мы закончили разговор, и он подошёл снова.

– Ну, мы-то ждём тебя с друганом, – и снова он хлопнул меня по плечу.

Мне хотелось поскорее от него избавиться, но было как-то неудобно, ведь всё же учились вместе, на одном курсе.

– Ну, ты как? – опять пристал он.

– Да нормально.

– Я смотрю, ты артистом стал.

– Нет, – говорю, – артистом я не стал.

– Да нет, я смотрю, ты туда-сюда, ваще-то всё здесь знаешь. А где работаешь-то всё-таки?

– Дома, сижу – пишу.

– Значит, ты литературой занимаешься. Как бы мне тоже этот

завод бросить. А где ты деньги-то получаешь?

– Как напишу что-нибудь, так и продаю.

– Получается, когда – густо, когда – пусто.

– Получается так.

– А это Боря – мой дружбан, – он показал рукой на амбала, который тоже был пьян.

Я не знал, что сказать, и спросил:

– Тоже МАИ закончил?

– Нет, пищевой, – откуда-то сверху ответил Боря.

– Да ладно, – сказал парень, – ты лучше познакомь меня вот с этой. – Он показал на мою знакомую актрису.

Только этого мне не хватало.

– Знаешь, – сказал я, – как-то неудобно.

– Да брось ты, познакомь!

– Я её не очень хорошо знаю, чтобы знакомить. Тут приблизился Боря и сказал:

– Кого бить будем?

– Да кого хочешь, – сказал мой знакомый, – вот хоть его.

Он показал на меня. Боря захохотал.

– До свиданья, – сказал я и отошёл.

Мы с подругой Тамарой получали пальто, и она заметила, что настроение у меня испортилось.

– В чём дело? – спросила Тамара.

– Да вот, поговорил с парнем, учились вместе, но так противно поговорили.

– Я слышала, как он ругался, они оба пьяные. Мы оделись и вышли из ЦДЛ.

Эти двое стояли у выхода. Я сказал им:

– До свидания.

Они ответили:

– Пока, – и пошли за нами.

Мы молча идём по тёмной улице. Вокруг – никого. Я слышу, как Боря говорит своему другу:

– Вообще-то, этот малый не сделал мне ничего плохого.

– Ну что, может, не пойдёшь?

– Пойду! – отвечает Боря. И они идут за нами. Остаётся шагов десять до поворота, и там уже свет и люди.

Боря догоняет нас.

– Извините, – говорит он моей подруге. – Можно тебя на минуточку? – это уже мне.

Я остаюсь.

Боря откуда-то сверху хватает меня за пальто, притягивает к себе и говорит:

– Ну что, Валер, бить?

Что мне было делать? Прохожих нет, кричать бесполезно, стыдно. Сопротивляться бессмысленно. Он в полтора раза больше меня. Я и до лица-то его не достану, тем более что их двое, и второй стоит наготове рядом.

– Бросьте, ребята, – сказал я, наверное, дрожащим голосом.

– А пусть он сам скажет, – произнёс Валера, уже готовый ударить.

– Бросьте, ребята, – снова сказал я и стал выдирать своё пальто из его цепких лап.

Я видел, что Валера вот-вот ударит, но, видно, ещё не совсем решился, а может, сообразил, что я могу его разыскать. Я вырвал пальто и пошёл. Ударить они так и не решились.

Вот и всё. Было очень стыдно за свой страх и беспомощность. Чего я только потом не придумывал. И как я со своими ребятами приеду к его заводу и встречу его. Я только спрошу его, за что они хотели меня избить. Я представлял себе, как я врежу ему по его ненавистной физиономии. Я это лицо видел ежеминутно в течение нескольких дней.

Чего я только не представлял себе! Ну, да ладно. К чему это всё? Главное, что мне тогда было страшно. Там, в темноте, когда один держал меня, а второй готов был ударить.

В детстве это всё как-то было проще. Подрались. Треснули тебя. Заплачешь и уйдёшь. Или подерёшься.

Однажды мы играли на дороге в хоккей. И я всё время мотал одного здоровенного парня. Я его обводил и забивал голы. А ему, видно, надоело, что я маленький, а играю лучше, чем он. Он взял и треснул меня по голове. А я, естественно, заплакал и пошёл домой. У дома меня, плачущего, встретила моя мама. Она взяла меня за руку и повела на дорогу, где мы играли. Хоккей там всё ещё продолжался.

– Кто? – спросила меня мама.

Я показал на Антипова. Она подошла к нему вплотную. Он стоял и улыбался. Он был на голову выше неё. Что она могла ему сделать?

Она не спрашивала: «За что?» Она развернулась и влепила ему пощёчину.

Улыбка слетела с его лица. Они стояли в сантиметре друг от друга. Лицом к лицу. У него сжались кулаки. Вокруг собрались ребята. Проходящая мимо бабка сказала:

– Дайте-ка ей, ребята!

А они стояли лицом к лицу и смотрели друг другу в глаза.

Вовка Моисеев сказал:

– Проваливай, бабка.

Антипов думал ударить или не ударить. Он мог сбить мою

мать одним ударом, но не решился. Не смог её ударить. Он отошёл и больше никогда не трогал меня. Мама взяла меня за руку, и мы пошли домой. Я чувствовал, как дрожит её рука.

Наверное, ей тоже было страшно.

1972 год

Дача

В 84-м году я познакомился с ясновидящей Раисой Константиновной. Очень симпатичная женщина, экстрасенс, религиозный человек, пела в церковном хоре. Мы с ней и с её другом дьяконом ездили по разным подмосковным источникам. Однажды поехали под Загорск на водопад Гремячий.

Доехали до Малинников на моих «Жигулях». Сразу после автобусной остановки повернули в сторону водопада. Сейчас, прожив столько лет в тех местах, я знаю, что это самая плохая дорога, через торфяник, а тогда не знал. Где сказали повернуть, там и повернул. Мы спускались с горы, и пошел дождь. Под дождем мы проехали ещё километра два и застряли в развороченной тракторами дороге. За нами приехала «Победа» и тоже застряла. Из «Победы» вышел парень, и мы стали выбираться. Чем дальше мы пробирались вперед, тем сильнее мы увязали в глине. Застряли мы в 12 дня, а выбраться нам удалось только в 12 ночи. Сначала нас вытаскивал на коне дядя Ваня из Воронина. Потом дядя Ваня посоветовал мне пойти в деревню Ботово, там живет его племянник, Лёшка Махов, с трактором. Я нашел этого народного умельца, который сам собрал трактор, и вот к 12-ти ночи Лёшка Махов вывез нас на тракторе, и мои «Жигули», и «Победу» назад, в Малинники, потом по бетонке, и затем уже мы приехали к Лёшке домой, в деревню Ботово, и ночевали в деревенской избе на русской печке вместе с кошками, которых у Маховых множество.

Наутро Лёшка на тракторе отвез нас все же на водопад.

Мы ехали по полю в густейшем тумане, и в этом тумане стояла лошадь. Это была картина из фильма «Ёжик в тумане», точь-в-точь.

Затем мы через лес доехали до ключа. Вода бьет прямо из горы двумя струями. На водопаде никого не было. Была полуразваленная лестница, ведущая к верхней струе, и перила в виде лиан.

Вода в этом родоновом источнике холодная, всего 9 градусов и летом, и зимой. Я искупался и, несмотря на то, что легко простужаюсь, не простудился.

Мы всё-таки добрались до источника.

Я подружился с Лёшкой Маховым и его родителями.

Через участок от них стоял заброшенный дом. Лёшка мне его показал. Маленькая, но довольно крепкая избёнка, участок соток двадцать, вишневый сад, и даже пруд на участке.

Я стал добиваться этого участка. Познакомился с юристом

Загорского райисполкома. Он проверил по документам – наследников не было. На дом никто не претендовал. Я поехал в сельсовет. Председатель, бывший шофер, сказал: если в райисполкоме разрешат, мы отдадим. Я сказал, что открою в этой избе библиотеку и буду всей деревне давать книги.

В те времена, 1987 год, купить дом было невозможно. Свободная купля-продажа ещё не существовала. Нужно было специальное разрешение.

Я поехал в райисполком. Попасть к председателю, Попову Геннадию Филипповичу, было нелегко, но я попал.

Он сказал:

– Если сельсовет согласен, мы не возражаем.

И так они меня стали футболить туда-сюда. Надо было пойти к Тучемскому – директору совхоза, но все мне говорили: «И не вздумай, он такой, что ты с ним не договоришься».

Чего я только им ни обещал: и концерты, и всяческую помощь, и деньги – ничего не помогало. Я понимал, что мне эту стену не прошибить.

У меня есть друг, Геннадий Федорович Моисеев. Он в то время был главврачом горкомовской поликлиники.

Сидим у него в кабинете. Он спрашивает:

– А как у тебя дела с дачей? Я говорю:

– Никак, – и рассказываю всю эту ситуацию. Он говорит:

– А какой это район?

– Загорский.

– Погоди, – говорит он, – так все эти председатели и секретари у меня в поликлинике состоят. Как его фамилия?

– Попов.

Он звонит Попову. Попова нет. Он записывает себе на листочке, что надо позвонить в Загорск Попову насчет Измайлова.

Где-то через неделю у меня дома раздается звонок.

– Слушаю.

– Это Попов говорит.

– Какой Попов?

– Ну, из Загорска. Я говорю:

– Да бросьте вы меня разыгрывать. – Я подумал, что кто-то из артистов шутит.

– Да, это я, Попов Геннадий Филиппович из Загорска.

– Слушаю вас.

– Что там у тебя?

– А что у меня? Так и не могу добиться разрешения на участок.

– Я ж тебе сказал – бери, и всё.

– Ну как «бери», если сельсовет не отдает.

– Приезжай, всё сделаем.

– Да к вам же на прием не попадешь.

– Жду тебя завтра. Я говорю:

– Хорошо, приеду.

– А то, понимаешь, ты жалуешься Геннадию Федоровичу. Зачем, что, мы сами уладить не можем?

Я говорю:

– Ну а что мне было делать, если ничего не сдвигается?

И вдруг он говорит:

– А кто этот Геннадий Федорович? Я говорю:

– О-о-о, Геннадий Федорович – это большой человек.

– Я чувствую, что большой, а кто – вспомнить не могу.

– Ну, я приеду, расскажу.

Звоню Геннадию Федоровичу. Он говорит:

– Понимаешь, у меня лежит эта бумажка «Попову про Измайлова». А я забыл, в чем там дело. Я звоню и говорю: «Попов?» Он говорит: «Да». А у Геннадия голос басовитый, начальственный. «Что у тебя там с Измайловым?» Тот говорит, испугавшись: «А что с Измайловым?» «Ну, вот ты и разберись, что у тебя там», – и повесил трубку.

Попов тут же нашел мой телефон, а дальше вы знаете.

Я приехал на другой день к Попову, и тот при мне позвонил в сельсовет, наорал на председателя и сказал мне:

– Всё, езжай к нему, все сделает.

Я приезжаю домой к председателю. Он сидит, плачет:

– Меня с работы из-за тебя выгоняют. Мы с ним выпили, и я говорю:

– Ну неужели вам легче вылететь с работы, чем дать мне участок, тем более, что я хочу сделать полезное, нужное всем дело.

– Да ты пойми, – он мне говорит, – наши против, сельсоветские.

Я пошел в сельсовет, поговорил с секретарем. Она была не против. Против был директор совхоза, к которому я не ходил. Мотив был понятный: вот, сатирик будет жить, ещё напишет чего-нибудь.

Вскоре по моему поводу собрали райисполком, и директор завода из Хотькова заявил, что деревенские против того, чтобы я занял этот дом. А деревенские, я-то точно знаю, были как раз не против.

Месяца через три директор сам получил в деревне Ботово участок, где и построился.

А мне так и не дали. И хорошо.

Через год я купил участок в 5 км от водопада, в дачном

поселке, где Лёшка Махов построил мне дом. А в деревне точно бы всё зимой разворовали. Потом я в этом убедился. Там воровали по-чёрному, даже у своих.

Лёшка строил дом с помощниками и где-то уже в конце стройки раздробил палец на руке пилой. Я его отвез в Березники, ему там оказали помощь.

Мы с женой Леной собирались в Ялту, в Дом творчества, я взял и купил ещё одну путевку, пострадавшему нашему Лёшке.

Лёшка в Доме творчества быстро освоился. Среди престарелых писателей он был единственным сексуально озабоченным мужчиной. И женщины этим пользовались.

Там он познакомился с женщиной из Мелитополя. Загулял с ней и через полгода на ней женился. Уехал в этот Мелитополь, но там не прижился, а теперь живет с женой и сыном в Сергиевом Посаде. Недавно приходил ко мне на дачу, предлагал забор сделать и дом подремонтировать. Руки у него золотые. Сам два трактора собрал.

Как-то у меня машина не заводилась, так он взял вилку, как-то её отломал, завернул, сунул в замок и завел.

Выпить может литра два и подраться большой любитель. Когда-то боксом занимался, поэтому никто с ним драться не решается. Вот так и живем.

Когда я его спрашиваю: «Ты чего не звонил целый год, обиделся, что ли?», он говорит: «У меня вообще такого нет, чтобы я обиделся».

По дороге в Смоленск

Обычно мы с Леной ездили на Рижское взморье на машине. Из Москвы в Ригу за тринадцать часов, правда, потом неделю мелькало в глазах, и ещё много-много лет вдруг появляются виды дороги Москва– Рига.

И вот возвращаемся мы уже из Риги через Белоруссию, до Смоленска оставалось километров сто пятьдесят. Едем по довольно узкой дороге со скоростью 120 километров в час. Слева и справа – лесопосадки.

Вдруг со мной поравнялась «Волга». Шофёр явно пытается меня обогнать. Я решил с ним не соревноваться. Дорога узкая, решил сбавить скорость. Но не успел сделать этого, как почувствовал удар. «Волга» ударила в наши «Жигули» и продолжает двигаться параллельно с нами. Я еле удержал руль и тут же – второй удар и «Волга» улетает с дороги влево, и дальше мы едем по шоссе, а «Волга», параллельно нам, по лесу, срезая на ходу молодые деревья. Я, ничего не понимая, дал газу, «Волга» где-то там в лесу остановилась. Мы проехали ещё километра два, и Лена сказала:

– Поедем назад, с ними наверняка что-то случилось.

Я развернулся. Мы поехали назад. Я представлял себе страшную картину, однако действительность оказалась интереснее. Лобовое стекло было всё в трещинах, а из машины, матерясь, вылез какой-то парень лет тридцати пяти.

– Ну ты подумай, – сказал он мне, – какая невезучая машина. Третий раз на ней в аварию попадаю.

– А зачем вы в меня врезались? – наивно спросил я.

– Так это не я, это машину повело.

– А какое у вас давление в шинах? – сообразил я.

– Две с половиной, – сказал он.

То есть в том, что его как мячик швыряло в разные стороны, не было ничего удивительного.

И что интересно, на нём не было ни царапины, ни ушиба. Везёт дуракам. Мы доехали до ближайшего ГАИ и отправили к нему гаишников. А сами поехали дальше, собираясь заехать в Смоленск, в собор, помолиться, поблагодарить Господа за то, что не попали в аварию.

Однако припозднились и Смоленск объехали стороной.

А дня через три, уже в Москве, выезжая из Астраханского переулка на Переяславскую, встал я на дороге так, что троллейбус второй своей половиной въехал мне в бензобак и помял мою машину. Мы долго стояли на противоположной

стороне дороги в ожидании ГАИ. Что за бесы кружились на этом перекрёстке? На повороте у такси вдруг открылась задняя дверь, и из машины вывалился цыганёнок. Машина на секунду остановилась, цыганёнок встал с асфальта, впрыгнул в такси, и такси унеслось.

Мы дождались возвращения троллейбуса, потом приехала ГАИ. Ещё неделю я ремонтировал машину.

А заехали бы в смоленский собор, поблагодарили бы, и ничего бы плохого не случилось.

Илюша Баскин и Америка

Когда-то в начале семидесятых годов жил в Москве актёр Илюша Баскин. Он работал в Театре миниатюр. Играл небольшие роли. Иногда он встречал меня в саду «Эрмитаж», где тогда находился Театр миниатюр и показывал свои умения. Он как-то смешно разводил руки и делал какие-то пантомимические этюды.

Естественно, он, как и многие артисты, просил что-нибудь ему написать смешное. Но разведённых рук явно было недостаточно, чтобы я сделал для него монолог, тем более, что неясно было, кто будет за этот монолог платить.

Наконец через несколько лет знакомства пришёл с гонцом от Илюши режиссёр и автор Семён Каминский и предложил нам, с моим соавтором Юрием Воловичем, написать целую программу для артиста Баскина. Постановщик тоже был определён – Илья Рутберг – известный в то время мим и режиссёр.

Мы собрались у меня дома в 10 вечера. Опаздывал только великий режиссёр. Он позвонил в дверь только в одиннадцать, но мы уже были готовы. В полной темноте я, в трусах, открыл дверь, Рутберг изумился моему виду. Я сказал:

– Так все уже разъехались, а я лёг спать, но раз уж приехал – заходи.

Он вошёл в темноте, я его провёл в комнату и только потом включил свет. За столом сидела вся компания. До трёх ночи мы сидели, выдумывая программу для Илюши Баскина. Придумали, написали заявку, Баскин повёз эту заявку в «Росконцерт», а через месяц мы узнали, что Илюша уезжает в Америку навсегда.

Прошло пять лет, и я услышал от Рустема Губайдулина, редактора телевидения, рассказ о начале эмигрантской жизни Илюши.

Известный оператор, снявший фильм «Шестое июля», Суслов, провёл с только что приехавшим Илюшей беседу. Он сказал ему, что есть три правила, которые в Америке ни в коем случае нельзя нарушать. Первое – не лечиться без страховки. Второе – не покупать подержанных машин. Третье – искать работу актёра только через агента.

Илюша в первую же неделю нарушил все три правила. Он пошёл на свалку и увидел там шикарную, как ему казалось, машину и тут же купил её за сто долларов. На ней с шиком подкатил в дому Суслова. Тот схватился за голову:

– Верни её сейчас же на свалку!

Илюша поехал возвращать. Но это чтобы купить, надо было заплатить сто долларов, а чтобы поставить назад, надо было

заплатить все пятьсот… Тогда Илюша поехал к океану и столкнул свою машину с горы в безлюдном месте. Нашли его часа через три и заставили заплатить штраф, который пришлось платить, естественно, Суслову. Затем он пошёл предлагать себя в качестве актёра. И можете себе представить – ему повезло. Заболел какой-то актёр, и взяли на три дня Илюшу, который по фигуре очень походил на этого актёра, и целых три дня Илюша снимался в настоящем американском фильме. Ему хотели заплатить по минимуму, но тут вступился профсоюз и заставил заплатить Илюше так же, как артисту, которого он заменял.

Через какое-то время, уже в восьмидесятых, я видел американский фильм, в котором Илюша снялся в эпизоде. Потом я слышал, что он совладелец журнала «Панорама» и где-то снимается.

Увиделись мы уже в 1996 году. Я приехал в Лос-Анджелес на гастроли. И он меня нашёл. Мы очень хорошо посидели с ним в ресторане. Он был с красивой девушкой, которую привёз незадолго до этого из Москвы, кажется, они должны были пожениться.

В начале нашего общения он был довольно важным, изображая из себя крутого американского актёра. Но потом понял, что это лишнее в нашем общении, и мы прекрасно поговорили. Я ему рассказал легенду о нём. И он сказал, что почти всё верно. Что так оно и было, теперь он уже довольно основательно осел в Голливуде, снимается в телесериалах и почти стал американцем.

– Эх, – сказал я, – а не уехал бы – до сих пор играл бы ту программу, которую мы тебе хотели написать, и был бы в полном шоколаде.

К конце беседы я ему окончательно понравился. И он даже звонил мне на другой день с предложением снова встретиться. Однако мы уже из Лос-Анджелеса уезжали.

Концерты с Беллой Ахмадулиной

1980 год. Арканов с Луговым уехали, а я остался в Ташкенте. В день концерта должны была приехать Ахмадулина. Она прилетела. Её в аэропорту встречал секретарь горкома и повёз сразу угощать. У Беллы Ахатовны был непростой период. Её преследовали за подпольный альманах «Метрополь». Не издавали, не давали выступать с концертами. А здесь, далеко от Москвы, мы могли спокойно выступать от общества «Знание».

Мы ждали её в обществе. Она приехала сильно под шофе. Она еле говорила. Нас познакомили, мы должны были работать по отделению. Видя такую ситуацию, я сказал:

– Белла Ахатовна, может быть, вам лучше принять таблетку аспирина?

– Что вы имеете в виду? – с вызовом сказала Белла.

– Я имею в виду аспирин, а вы что подумали? Белла промолчала. Аспирин я предложил, потому что уже имел подобный опыт общения с А. Ивановым. Иванову аспирин помогал.

Вечером состоялся концерт. Почему-то в зале была половина зрителей. Причём левая половина зала была полностью заполнена, а правая почти пуста. Оказалось, что левые билеты продавали в университете, где Ахмадулину знали, а правые – там, где о ней в Ташкенте понятия не имели. Так мы и выступали – то левая половина пустая, то правая.

Я выступал первым, но все, естественно, ждали знаменитую поэтессу.

Она с трудом дошла до микрофона и стала на автомате довольно чётко читать стихи, но когда она между стихами стала что-то говорить от себя, зрителям всё стало ясно.

Это был единственный раз в моей жизни, когда после концерта меня зрители встречали на лестнице, и кто-то из них сказал:

– Как вам не стыдно?

А что я мог сделать? Только остановить концерты.

На другой день администратор сама это сделала. Она сказала: либо трезвые, либо отменяем концерты.

Деньги Белле были очень нужны. Собственно, других заработков не было, и она тут же завязала.

Мы выступали ещё два дня, и всё шло хорошо. Мы с ней очень подружились. Очень умная и обаятельная женщина.

Она рассказывала, как ездила на пароходе по Черному морю, и какой-то кагэбэшник хвалился ей, что он поймал армян-

террористов, которые взорвали бомбу в Москве, в метро.

Белла спросила:

– И кто же взорвал бомбу? Кагэбэшник сказал:

– Как кто? Вот эти армяне. На что Белла сказала:

– А может быть, вы сами?

Это по тем временам было очень смело. Она просекла, что это была провокация, устроенная органами.

Я заканчивал своё отделение детским номером, в конце которого были слова «Классный Днепр при клёвой погоде», после чего я объявлял Ахмадулину. Я слушал всё её отделение. Она читала потрясающе. И я навсегда запомнил её стихи:

Всё остальное ждёт нас впереди.
Да будем мы к друзьям своим пристрастны.
Да будем думать, что они прекрасны.
Терять их Бог не приведи.

Потом, когда мы встретились в Москве, Белла мне рассказала, что из Ташкента поехала в Тбилиси, где выступала в филармонии на 2500 человек. Грузины говорят ей:

– Вам пора выходить на сцену.

А Белла им:

– Как выходить? А где же «Классный Днепр при клёвой погоде»?

В последний день мы уже вместе выпили, сидели в её номере, и всё время приходили поэты и приносили ей стихи. А нам хотелось поговорить. И ещё нам должны были принести деньги за концерты. Деньги принесли, я эти деньги запрятал Белле под подушку, потому что пришёл очередной поэт. А дальше мы сидели, разговаривали, и каждые пятнадцать минут к нам входила дежурная по этажу. Она блюла нашу нравственность.

Наконец Белла не выдержала и сказала:

– Дорогая моя, вы зря нас стережёте, то, о чём вы думаете, мы могли сделать и в Москве.

В Москве мы очень редко, но видимся, и я всегда рад видеть Беллу Ахатовну.

Владимир Лаптев

Рассказывал Владимир Николаевич Лаптев – глава Ногинской администрации.

У него был знакомый академик, мануалист, который творил чудеса исцелений. Садился на спину человеку, находил неправильно стоящий позвонок, бил по нему, вправлял, и человек выздоравливал.

Лечил даже косоглазие.

Один его друг, Михаил Самуилович, повез его в Израиль:

– Отдохнем, а заодно и заработешь. Приехали. Академик каждый день, не разгибаясь, лечит, вправляет позвонки, к нему очередь. Наконец ему это надоедает, и он начинает отдыхать. И тут появляется какой-то тип и начинает умолять Михаила Самуиловича, чтобы академик принял двоих его сыновей. Им по 18 лет. Высокие, красивые, но косые. Врожденное косоглазие.

Он просит принять его детей. Академик упирается. Ему надоело работать, он хочет отдыхать. Наконец сердобольный папаша говорит:

– Плачу по 500 долларов за каждого, только пусть примет.

Академик соглашается. Приезжает папаша с двумя сыновьями:

– Начинайте.

Академик говорит:

– Сначала деньги, 1000 долларов за двоих.

– А вдруг ничего не получится? – начинает торговаться израильтянин.

– Верну деньги, – говорит академик.

Сошлись на том, что деньги дадут Михаилу Самуиловичу, и если не вылечат, то Михаил Самуилович вернет.

Но и тут израильтянин не смог расстаться со всеми деньгами. Он сказал:

– Давайте так, я даю 500 долларов, а там посмотрим.

Академик уходит с одним сыном в соседнюю комнату. Занимается с ним десять минут. Выходят. Сын не косой, с нормальными глазами. Михаил Самуилович отдает академику 500 заработанных долларов. Надо идти второму. Папаша в задумчивости.

– Послушайте, – говорит он, – вы за десять минут заработали столько, сколько я зарабатываю за день. Это так не годится.

Академик говорит:

– Ну, идите к обычному врачу, и пусть он его лечит год, и за каждый приём вы будете платить ему по 30 долларов, посчитайте,

сколько будет за год, и никакой гарантии, что он вылечит.

– Нет, я всё-таки не могу, – говорит папаша, – за десять минут 500 долларов.

Они втроем уходят. Один сын с косыми глазами, другой – с нормальными.

Видно, дома шла большая война, потому что уже на другой день они пришли снова. Но академик жутко разозлился и сказал, что теперь он и за 5000 ничего делать не будет. Теперь папаша собирается приехать в Россию и всё-таки заплатить 500 долларов.

Сергей Шойгу

Декабрь 2000 года. Я пришел на телевидение. Раздал подарки разным людям и зашел к одному телевизионному начальнику. Начальника не было, был заместитель. По внутреннему ТВ показывалась запись выступления Сергея Шойгу.

Я понял, что мой начальник там.

– Они, наверное, сюда придут? – спросил я зама.

– Наверняка.

Через некоторое время они появились, Шойгу и начальник.

Шойгу протянул мне руку и, смеясь, сказал:

– Шойгу. Я сказал:

– Измайлов.

– Это, конечно, смешно, – сказал Шойгу, – мне и вам представляться.

Начальник пригласил Шойгу к столу, а мне сказал:

– Извини, нам надо кое-что обговорить.

Я подумал, что это ненадолго, и не взял свою сумку со всеми документами и всяким барахлом. Десять минут я просидел в приемной спокойно. Через пятнадцать стал нервничать. Дело в том, что ровно в 3 меня должна была ждать налоговый инспектор. Оставалось пятнадцать минут. Они тоже пролетели быстро. Я спросил секретаршу:

– Как мне быть, я там сумку оставил, а мне уже надо бежать.

Секретарша сказала:

– Да зайдите и возьмите свою сумку. Я вошел:

– Извините, мне только сумку взять, и всё. Они сидели за столом и пили коньяк. Шойгу сказал:

– Выпейте с нами. Я не удержался:

– Не могу, мне же начальник сказал, что вам надо поговорить.

Видно, лицо у меня было расстроенное настолько, что Шойгу сказал:

– Ну вот, обидели человека. Я вас прошу, присядьте с нами.

Я уперся:

– Нет, не могу. Меня через десять минуть человек будет ждать.

Начальник тоже стал уговаривать:

– Не обижайся, заговорились.

Я стоял на своём, но Шойгу, видно, поставил себе задачу не отпускать меня:

– Я вас прошу. Сегодня у нас юбилей.

– Какой юбилей?

– Десять лет МЧС.

Тут уж ничего не оставалось, как подойти. Мне налили. А я и пить не могу, потому что за рулем.

Шойгу говорит мне:

– Я вам сейчас пару анекдотов расскажу, вы их точно не знаете.

– А я вам десять расскажу, вы их не знаете, – похвалился я.

– Начали, – говорит Шойгу, и рассказывает анекдот. Посредине анекдота я говорю:

– Знаю.

– Чем кончается?

Я говорю, чем кончается, и начинаю свой анекдот, дорассказал до конца. Шойгу говорит:

– Я его знал.

– А что же не перебили?

– А я вежливый, – говорит он.

И мы хохочем, потому что он меня подловил. Хитрый Шойгу. Мы рассказали по анекдоту и разошлись.

Недели через две мы в ресторане за одним столом встретились с начальником, и, надо отдать ему должное, он напомнил этот случай и при всех извинился. А это с начальниками случается редко.

Валя Гецова

Я увидел эту девушку весной 1965 года. Был фестиваль искусств в МАИ, на нашем факультете «системы управления». Девушка показалась очень скромной, серьёзной и красивой. Она пыталась играть в какой-то студенческой миниатюре. Уже на репетиции было видно, что она очень волнуется. Я не осмелился подойти к ней, настолько она мне показалась красивой и недосягаемой.

Потом, уже через полгода, она мне говорила:

– Ты был с каким-то огромным портфелем и всем строил глазки.

– И тебе строил?

– И мне, но я не люблю таких, которые всем глазки строят.

На концерте они провалились. Она говорила очень тихо, её не было слышно в зале. Посреди миниатюры занавес закрыли. Мне эту девушку было очень жаль.

Потом я её иногда встречал в институте, но подойти к ней боялся.

Познакомились мы с Валей уже осенью, 15 сентября 1965 года. Я её остановил на улице и сказал, что давно хотел с ней заговорить, но не решался.

– Вы, наверное, сейчас торопитесь, дайте мне свой телефон, я позвоню.

Она продиктовала свой номер телефона.

Я записал: «Валя, фестиваль, 4 курс, Г68511, красивая».

Всё получилось очень просто. Позже она мне говорила, что запомнила меня с репетиций фестиваля и замечала всё это время в институте.

– И ты видела, как я на тебя смотрел всё это время?

– Конечно.

У меня с тех пор, с 66-го года, остался дневник. Дневник этот я писал уже после 9 января. Именно в этот день Валя Гецова погибла.

Дня через два после знакомства я позвонил Вале и пригласил её в Архангельское.

Она должна была идти к отцу в больницу и поэтому отказалась ехать со мной. Через день я позвонил снова:

– Вы теперь понимаете, какой я настойчивый?

– Да.

Я пригласил её на концерт оркестра Казанского авиационного института. Она согласилась. Дальше по дневнику. Мы сидели близко к сцене. Я спросил:

– Ты есть хочешь?

– Я обедала у одного парня. Он живёт на Соколе. В антракте я услышал про этого парня.

Ко мне подошел мой приятель Слава Куликов.

– Я видел, с кем ты здесь.

– Мне эта девушка нравится.

– Так она всем нравится. Только у тебя не получится ничего. Она с парнем четыре года встречается. Коля его зовут. Он на лошадях катается.

У казанцев один парень по фамилии Калина пел так здорово, что весь зал кричал и топал ногами от удовольствия. Парень этот лопоухий, некрасивый, но так живо и экспансивно пел, что его заставляли повторять каждую песню по два раза.

Через какое-то время я провожал Валю до дома. Мы сели на скамейке во дворе. Я взял её руку и поцеловал.

– Не надо, – сказала Валя.

Я ничего не ответил и продолжал целовать её руки. Она уже ничего не говорила, а только слегка отстранялась, и это было очень приятно.

Записи из дневника… Наивные такие описания, но я ничего не хочу менять и переписывать. Так я тогда думал, так записал, так оно и было. Я писал это всё спустя три месяца и всё помнил очень хорошо.

Кстати, Коля – это сын генерального конструктора Бабакина – доктора наук, академика, лауреата, директора огромного оборонного предприятия в Химках.

26 сентября.

Мы гуляли по парку Горького, я читал ей стихи Есенина:

Свищет ветер, серебряный ветер
В шелковом шелесте снежного шума… —

и говорил:

– Какой иностранец может передать на чужом языке прелесть этих слов – «…в шелковом шелесте снежного шума…»

Она рассказывала о том, что папа её постоянно болеет, хотя занимался до этого горными лыжами, а теперь плохо с сердцем и повышенное давление. Папа её был кандидатом технических наук, зав. отделом и лауреатом авиационной премии имени Жуковского.

Она рассказала мне и про Колю.

Они с ним давно встречаются, но она его не любит, просто привыкла.

А знали они друг друга с детства. Жили недалеко друг от друга в дачном поселке.

Я сказал:

– Вот так и выходят замуж.

– К сожалению, да.

– Я не говорю о своём интересе. Но во всех случаях так не делай. Ведь ты кого-то полюбишь обязательно.

– Давай не будем об этом.

– Не будем.

Через день встретились в институте. Она мне рассказала, что ей обо мне говорят очень многие.

Я даже и не знал, что так известен на её четвёртом курсе. Сам я уже был на пятом.

Каждый, кто знал меня, считал своим долгом подойти к ней:

– Ты с Поляком была на концерте?

Слава Куликов подошел к Коле и стал над ним смеяться.

– Ты был на КАИ?

– Нет.

– А как же, я вроде там Валю твою видел.

– Не знаю.

– А, ну да, она же с Лионом была.

Коля навёл обо мне справки и сказал Вале:

– Он не чист на руку в отношении женщин.

Ничего себе формулировочка.

Валя спросила:

– Это правда?

Я сказал:

– На руку я чист, ничего не украл и ни одной девушке не сказал ни слова неправды.

– На моё отношение к тебе Колины слова никакого влияния не имеют.

Я приходил в институт и сразу смотрел расписание группы СУ-4-10. Приятно было знать, где Валя сейчас учится.

Коля не давал Вале встречаться со мной. Он ругался, скандалил. Однако ничего поделать с ней не мог.

Я просил бросить его, отказать ему, но она не решалась, боялась его обидеть.

Мы встречались на углу у Библиотеки Ленина. Я туда приезжал на троллейбусе с Полянки, где жил. Она жила в Обыденском переулке у Кропоткинской. Мы шли пешком до Дома культуры университета, смотрели там афишу, потом по улице Горького до бульвара, а потом по бульварам до её дома.

В её доме мы стояли между третьим и четвертым этажами. Просто болтали.

Однажды я сказал:

– Давай свою щёку на прощанье, – и поцеловал не только щёку, но и губы.

Мы гуляли по улицам и всё время болтали. С ней всё было интересно. А она вдруг как-то сказала:

– Тебе, наверное, скучно со мной?

– Да ты что? Наоборот, я хожу, болтаю и думаю, как бы тебе со мной не было скучно.

Я купил два билета на «Таганку», на гремевшую тогда постановку «Десять дней, которые потрясли мир», правда, с нагрузкой на «Палубу».

Денег катастрофически не хватало. Пошёл на Добрынинскую продавать билеты на «Палубу».

– А что это за «Палуба»? – спросила одна женщина.

– Замечательный спектакль, – сказал я.

– А про что?

Я и сам не знал про что.

– Ну, там один парень полюбил девушку, а их родители были в ссоре, – стал я пересказывать «Ромео и Джульетту».

– Да, интересно, а при чём здесь палуба?

– А все дело там происходит на корабле, а на нём, как известно, есть палуба.

Продал билеты. Пошли на «Таганку».

Однажды Валя сказала:

– Ты ко мне в институте лучше не подходи.

– Из-за Коли?

– Да.

Я и так к ней подходил из-за этого редко, чтобы скандалов не было, но тут возмутился:

– Обязательно буду подходить!

– Вредный. – А сама улыбается. – Прошу тебя, не подходи.

Как-то прибежал к той аудитории, где она училась. На переменке Валя вышла ко мне, и только мы пошли вместе, как нас догнал Коля и сказал:

– Лион, у тебя есть телефон, вот и звони. Мы пошли дальше.

– Что это за идиотизм? – спросил я.

– Не обращай внимания, он такой. Она разволновалась.

На следующей перемене я опять пришёл. Он, Коля, просто схватил её за руку и не пускал ко мне.

Она никак не могла решиться убедить, уговорить его, чтобы он отвязался.

– Я ему говорю, а на него не действует.

– А ты со злостью скажи, решительно.

Ей не хотелось меня терять и жаль было Колю.

15 октября.

Мы пошли втроём в шашлычную на Пушкинской. Я, мой друг Володя и Валя.

В шашлычной оказалось неожиданно много моих знакомых, какие-то ребята с другого факультета, дядя мой, Григорий Ефимович, жена друга моего Лифшица.

Володька мой, которого я предупредил, чтобы вел себя прилично, был очень мил и веселил Валю.

Дяде моему Грише так понравилась Валя, что он прислал нам бутылку коньяку. Как-то веселее было.

За соседним столом пускали редкую по тем временам игрушку – заводной бульдозер.

– Тебе он нравится? – спросил я Валю.

– Да.

– Завтра у тебя будет такой же.

Где-то на четвертом этаже её дома есть на окне низенькая решётка. Окно на лестничной клетке. Две батареи. Мы вдвоём. Я сам себе не верил. Девушка, на которую я несколько месяцев смотрел издали и только мечтал познакомиться с ней… Девушка, ещё совсем недавно недосягаемая… а сегодня целует меня и не хочет уходить. И Коля её будет пилить, Коля, с которым она никак не может расстаться…

16 октября.

С утра поехал в «Детский мир» и купил Вале бульдозер. А ещё купил собаку. Мне надо было в этот день идти на свадьбу к приятелю.

Еду в метро, а все спрашивают, где я купил такую красивую собаку. Приехал в институт, а Валя уже уехала домой. Алла, Валина подруга, сказала:

– Подари ей лучше собаку. Или нет, лучше бульдозер… или собаку.

Позвонил Вале:

– Можешь выйти к метро на десять минут?

– Только на десять.

Мы пошли на Гоголевский бульвар. Коля уже сообщил ей по телефону, что по институту ходит Лион с какой-то собакой.

Я сказал Вале:

– Ты выбери, что тебе больше нравится – собака или бульдозер.

Она выбрала собаку.

Я с бульдозером поехал на свадьбу.

В какой-то день октября ходили на вечер песни в МГПИ.

Были мы с Лифшицем и Хлебниковым. С Лившицем я пел бардовские песни, а с Хлебниковым играл в миниатюрах. Я очень волновался, там, в пединституте, должна была быть Яшкина – женщина, с которой я до этого два года встречался.

Яшкина должна была прийти со своим парнем. До этого я её видел только с собой.

Огромная аудитория. Лифшиц сидит в четвёртом ряду. Мы стоим у стенки. Мы с Лифшицем должны здесь петь.

Оглядываю зал, ищу очки Яшкиной. Но нигде не вижу. Я не знал, как я буду реагировать на Яшкину. А вдруг брошу всё и кинусь к ней. «Нет, – думаю, – не побегу, от Вали я никуда не побегу».

Стоим, слушаем.

Моего знакомого барда Вериго не приняли.

Я говорю Лифшицу:

– Я петь не буду, здесь авторы свои песни исполняют, я здесь ни при чём.

А он и рад. Ему больше славы достанется.

Уже несколько человек провалились. Лифшиц радуется, это же соперники.

Хлебников смешит Валю, очень удачно смешит.

Наконец Лифшиц на сцене. Спел под гитару. Одну песню – не приняли. Спел вторую – мимо. Ушел со сцены красный как рак. Подошёл к нам и демонстративно, чтобы все слышали, сказал:

– Поеду в иняз, меня Стеркин пригласил. (Стеркин – автор песни «Если у вас нет собаки», пел эту песню на стихи Аронова задолго до рязановского фильма.)

Стеркина, который пел под аккордеон, здесь принимали замечательно. Я оглядываюсь, ищу Яшкину и вижу её в двух рядах от себя. Она смотрит на меня в упор. Сердце заколотилось, а потом, минут через пять, стало так спокойно.

Хлебников говорит мне:

– Ты бы смог здесь выступить?

– Запросто.

– Испугаешься.

– Нет.

– Тогда пошли.

И мы пошли на сцену. Подходим к устроителям:

– Мы хотим выступать.

– Петь будете?

– Нет. Смешить.

– Хорошо.

А зал уже обалдел от песен. Мы вышли с Хлебниковым на сцену, стали делать миниатюру «Осциллограф». Хлебников

старался вовсю. Зал хохотал. Потом я прочитал стихотворение «Шумел станок». Смеялись ещё сильнее. И закрепил успех Хлебников «Лекцией о спорте». Приняли нас здорово. Мы вернулись к Вале.

Хлебников спросил:

– Ну, как мы?

Валя говорит:

– Очень здорово. Особенно ты, Боря.

Я расстроился. Так неприятно стало, что она его выделяет. Я, конечно, понимаю, что он лучше играл, но всё же было неприятно.

А про Яшкину я и не вспоминал.

Валя всем моим друзьям очень нравилась. Она всем нравилась.

Потом я ей как-то говорил:

– Мне, чтобы понравиться в компании, надо молоть языком, петь и шутить, а тебе просто сидеть и улыбаться. И можно даже ничего не говорить.

Позвонила Валя и спросила, как считать комплексные числа. Мы с ней встретились, я ей что-то объяснил про эти числа.

Она накануне была у своих школьных друзей на дне рождения. И её все агитировали бросить меня и встречаться с Колей. А один женатый парень убеждал её, что любовь – это ерунда и поэтому надо быть с Колей.

Валя возмущалась:

– Представляешь, я думала, что он так любит свою жену, а он такое говорит…

У меня было скверное настроение, я с кем-то поругался. Стоял у Библиотеки Ленина и позвонил Вале.

– Я хочу тебя видеть.

– Я не могу, у меня гости.

– Коля?

– Да, и с другом.

– А ты можешь хоть на пять минут к метро выйти? Мне очень нужно.

– Не могу.

И тут он вдруг заорал в трубку что-то непотребное.

Я поехал домой.

Дома не выдержал, позвонил ей, высказал все свои обиды: и что мне подходить к ней в институте нельзя, и что я не могу её увидеть, когда хочу, а ему разрешается даже кричать мне в трубку оскорбительные вещи и не пускать её ко мне. А мне она не даёт никакой возможности ответить ему как следует. И вообще, я больше не позвоню. До свидания.

Через полчаса она позвонила. Гостей она уже выпроводила. Мы встретились.

Она согласна, что нельзя было позволять ему кричать в трубку. Но с ним ничего нельзя поделать. Он слов не понимает. Всё усугубляется тем, что их родители дружат и школьная компания у них общая.

– Но неужели ты бы мне никогда не позвонил?

– Ни за что.

– Никогда-никогда?

Я понял, что она очень боится потерять меня. Но с Колей она поссориться не могла.

А он встречал её на лестничной площадке, после того, как мы с ней расставались, и устраивал скандалы.

На свой день рождения Коля, кроме Вали, пригласил какую-то девушку.

Валя сказала, что девушка красивая:

– Красивее меня.

– Так не может быть. Ты ревновала?

– Нет, я очень обрадовалась, что у него теперь есть девушка. Отстанет от меня.

Но он не отставал.

В конце ноября мы договорились встретиться в институте. В этот день мы должны были ехать на свадьбу к моему приятелю Пирлику. У него в гостях должен был быть Анчаров.

Стою, жду её возле третьего корпуса. Они выходят из корпуса втроем. Какой-то парень, Коля и Валя.

Я догнал их. Иду рядом. Валя говорит:

– Он меня не отпускает.

А Коля действительно держит её под руку и ведет за собой.

Она как-то искусственно улыбается, пытается вырваться, но не очень настойчиво.

Я её спрашиваю:

– А ты сама хочешь, чтобы он тебя отпустил?

– Хочу, – говорит она тихо-тихо.

– Коля, отпусти её, – говорю я, – а то будет хуже.

Волнуюсь ужасно.

– Хуже не будет, – говорит Коля и тащит её дальше.

Что мне было делать? Начать драться? Вокруг люди. Мы внутри института – полный идиотизм. Вырывать Валю у него – ещё больший идиотизм.

А потом, если она очень не хочет идти с ним, она может разозлиться и потребовать отпустить её.

Я оставил их и пошел вперёд. Шагов через пятьдесят Валя догнала меня. Мы ехали в метро молча. Расстались, едва

попрощавшись.

Приехал домой, позвонил ей: – Знаешь, мне всё это было очень неприятно, и я не смогу идти с тобой на свадьбу. Всё.

На другой день она позвонила сама:

– Нужно поговорить.

Встретились на углу возле библиотеки. Пошли по обычному маршруту. Она молчит. Я тоже. Потом всё же Валя начала:

– Мне тоже было неприятно, что всё так получилось. Больше этого не будет. Мы всё выяснили.

Когда Коля ей снова позвонил, она попросила его больше не звонить.

После этого мы с ней ни разу не ссорились. Потом я дурачился:

– Вот, не стало Коли, и как-то скучно, чего-то не хватает.

Мы встречались довольно часто.

В конце ноября мы совершенно случайно попали в ДК МГУ на спектакль «Старье берём и показываем». Смеялись до слёз. Я думал, что задохнусь от смеха.

После спектакля Хлебников развёз нас по домам.

На этом дневник мой того времени заканчивается, и дальше пишу, что вспомню.

Однажды мы стояли в её подъезде на своей лестничной клетке. Она спела мне песню про девушку, которая поливала из лейки цветы. Я что-то пел, шутил. Говорил о том, что мы с Лифшицем где-то выступали.

Она сказала:

– Вы и на могиле моей, наверное, будете петь и плясать.

Я сказал:

– Обещаю, что у тебя мы будем петь свои лучшие песни.

Дурацкие шутки. Кому они нужны? Не надо на эту тему шутить.

Потом был Новый год, и мы его встречали вместе у Евзерихиных. Какая-то шумная компания. Был там поэт Игорь Волгин. Была девушка, большая и красивая, по фамилии Русина. Валя вошла в комнату, а я с этой Русиной. Валя расстроилась.

Мы поехали ко мне, остались ночевать. Это была наша единственная ночь. Мы лежали в обнимку, но никаких сексуальных дел не было.

Дня через два у Вали был экзамен, и она получила двойку. Впервые с жизни. Что-то застопорилось, и она не могла ответить, просто от нервов заклинило.

Мы с ней встретились. Я как мог веселил её, успокаивал.

На другой день она, не сказав мне ни слова, поехала к Коле, готовиться к следующему экзамену. Видно, она привыкла с ним

готовиться.

А девятого января они занимались дома у Наташи Ансимовой.

Ансимов – главный режиссер Театра оперетты. Наташа училась с Валей в одной группе. Симпатичная девушка. Валя звала её к себе, но Наташа настояла, чтобы Валя приехала к ней. Дело в том, что Наташу преследовал её однокурсник. Он был в неё влюблён, но произошел какой-то разлад и Наташа от него бегала. А он поджидал её всюду и преследовал.

Девочки занимались у Наташи. Пришёл этот парень. Вытащил самодельный пистолет. Сказал Вале: «Ты уходи!» Валя ответила, что не уйдёт. Тогда он в неё выстрелил. Пуля попала в голову. Валя упала. Он наставил пистолет на Наташу и заставил её отдаться ему. После этого Наташа выскочила на балкон и закричала. Парень выстрелил себе в голову и скончался. Всё это мне уже потом рассказала Наташа.

Все трое попали в больницу. Парень мёртвый. Наташа в шоке, а Валя с ранением в голову.

Я сидел дома небритый и готовился к экзаменам. Мне позвонил Коля и сказал:

– Валя ранена. Приезжай в Первую Градскую больницу.

Я оделся и поехал в больницу. Меня встретил на улице Коля и привёл в какую-то комнату. Там сидели родители Вали – Леонид Наумович и Алиса Моисеевна, Ансимов, отец Коли – генеральный конструктор Бабакин, ещё кто-то.

Шла операция. Мы все сидели и молчали. Потом вышла медсестра и сказала, что операцию сделали, а что будет дальше, никто не знает. Был уже час ночи. Все поехали по домам, а я один остался. Часа через полтора вышла медсестра и сказала, что Валя умерла. Это случилось 9 января.

Я пошел домой к её родителям от Градской до Кропоткинской. Общественный транспорт не ходил, а денег на такси у меня не было. В их комнате, а они занимали две комнаты в коммуналке, сидели люди и молчали. Точно такую же сцену я видел потом в фильме «Июльский дождь».

4 апреля у Вали был день рождения, и мы, её друзья, собрались у неё дома. И так много лет собирались там, в день её смерти – 9 января, и в день рождения – 4 апреля.

Я очень любил её родителей, подружился с ними. Когда я закончил МАИ, в 1967 году, я не мог никуда устроиться на работу. Как только видели мой пятый пункт, мне давали от ворот поворот.

Устроил меня к КБ «Родина» именно Леонид Наумович.

Он раньше, когда был здоров, катался на горных лыжах. Они

у него стояли в кладовке. Большие, окантованные железом. На них в тридцатые годы где-то в Австрии был установлен мировой рекорд. Леонид Наумович отдал их мне. Куда они потом делись, не помню.

Они были милые, умные люди. Он был ученым с премиями, работал в авиационном институте начальником отдела.

Леонид Наумович умер лет через двенадцать после Вали. Мы, её друзья, продолжали ездить два раза в год к Алисе Моисеевне. Она переселилась в Строгино. Мы ездили и туда.

Алла, подруга Вали, вышла замуж за Колю, у них дети и внуки. Мы с Колей стали друзьями. Он очень приличный парень. Работает и по сей день на предприятии давно уже ушедшего в мир иной отца своего, Бабакина.

Где-то году в девяносто пятом умерла и Алиса Моисеевна. Царство ей небесное.

Вот такая грустная история.

Я понимал, почему Бог отнял у меня Валю.

Александр Мень

Мне всю жизнь везло на людей. Не могу сказать, что я это чем-то заслужил. Нет, просто Бог посылал. Самой большой удачей в своей жизни я считаю встречу со священником Александром Владимировичем Менем.

Мой отец погиб в 1943 году на войне. Я его не помню совсем. Отчим у нас появился в 1947 году. Он меня и мою маму содержал, дал мне возможность учиться, но отца мне он заменить не мог, слишком разные мы были люди.

Феликса Камова я ощущал как старшего брата. Я его любил, как брата. Он мне очень много дал. Мне хотелось видеть его, общаться с ним. Он мне давал умные советы, учил писать.

К сожалению, он в 1977 году уехал в Израиль, а в то время это было будто навсегда и без надежд на встречу. У меня всегда хватало ума понимать, что я не очень умный, поэтому мне необходим был наставник. Может, особенно остро это ощущалось мной из-за безотцовщины.

Воспитывала меня мама, и это было женское воспитание.

И вот в 1981 году, осенью, я познакомился с Александром Владимировичем.

Меня привёз в церковь Новой Деревни под Пушкино мой знакомый поэт, Владимир Львович. Вернее, привёз-то его я, на «Жигулях», но именно Владимир Львович был прихожанином Сретенской церкви, где служил Александр Мень.

Он на меня сразу произвёл очень большое впечатление. Такое ощущение, что он меня ждал. Он так радостно улыбался мне и так доброжелательно разговаривал, что я сразу в него влюбился.

Он сказал, что сразу мне, взрослому, креститься нельзя, а надо пройти катехизацию. Я стал ездить к Андрею Бессмертному. В группе у него было человек десять, таких же, как я, желающих креститься.

Нет, не таких же, как я. Я был совсем тёмным. Я не знал ничего ни о церкви, ни о религии вообще, ни о христианстве в частности. А Андрей Бессмертный, вместо того чтобы рассказывать азы, рассуждал о чём-то высокоинтеллектуальном, чего я не понимал никак. Хорошо, что можно было какие-то вопросы задать и Андрею, и ребятам, и получить конкретные ответы.

Кроме того, регулярно на эти собрания приезжал и Александр Владимирович, который очень просто и доходчиво объяснял порой самые сложные вещи.

Я вообще заметил, что когда он объясняет, или что-то

рассказывает, или произносит проповедь, я всё слышу и не отвлекаюсь и почти всё понимаю. Вот у него был Божий дар преподавания. Господь одарил его щедро и красивой внешностью, сильным голосом, ораторскими способностями, а главное, таким светлым умом, который все сложные вопросы может переработать в простые ответы.

Крестил нас Александр Владимирович на частной квартире, где-то на Преображенке. Нас было человек тридцать. Кроме нашей группы присоединились ещё и не знакомые мне люди. Всё было очень торжественно. Замечательный наш умный и красивый преподаватель Андрей Бессмертный стал нашим крёстным отцом.

Александр Владимирович, крестя меня, спросил Андрея, какой святой Лев ближе к нашей дате крещения, то есть к 23 января. Андрей вспомнил Льва, Римского Папу. Вот этот Лев и стал моим святым. А день его празднуется 3 марта.

При крещении отец Александр подарил мне крестик. Католическое распятие. Тогда и крестик-то купить было трудно. А крестили нас дома по очень простой причине – такого количества людей никто бы не дал крестить в церкви. Но и домашнее крещение было чревато последствиями. Отца Александра могли просто посадить, однако Бог миловал.

После крещения пили чай, и отец Александр вёл свои захватывающие беседы. Всё, что он говорил, было всегда интересно. Никогда никакого пустословия. Всегда по каким-то жизненно важным и религиозным проблемам.

Я стал довольно регулярно ездить в Новую Деревню по воскресеньям на службу. После службы мы собирались в домике при церкви, там у отца Александра был кабинет. Потом Зоя Афанасьевна, скульптор и художник, стала снимать неподалёку дом, и мы собирались у неё. Никакого спиртного никогда не было. Привозили кто что мог. Пироги, закуски, пили чай и опять же беседовали.

После общей беседы Александр Владимирович принимал каждого индивидуально и имел с каждым беседу. И на него мы выливали все свои проблемы, а он пытался их разрешить. Хотя у него самого проблем было больше, чем у всех. У него были сложные отношения с отцом Стефаном, настоятелем храма. Сказать сложные – это не сказать ничего. Отец Стефан просто выживал отца Александра. Он настраивал против него прихожан, доносил на него.

Я думаю, отцу Стефану было трудно. Рядом с ним служил гений. К отцу Александру отовсюду приезжали толпы людей. На исповедь к нему стояла очередь, а к отцу Стефану – несколько местных старушек.

Иногда Александр Владимирович просто просил нас ходить на исповедь и к другому священнику, чтобы не вызывать у него раздражения.

За отцом Александром всегда пристально следили органы, а году в 1983-м начали просто давить его. Всё шло к тому, чтобы А. Меня посадить. Пошли «заказные» статьи. Усилилось внутреннее давление в приходе. Против отца Александра выступила староста с надуманными обвинениями. Отца Александра вызывали в КГБ и вели с ним многочасовые допросы. В одной из газет появилась статья, чуть ли не обвиняющая Александра Владимировича в связи с иностранными агентами. Я помню, что тайно перевозил на своей машине церковную библиотеку. Вёз и очень боялся. Спокойно могли за это «пришить» какое-нибудь дело.

Андрея Черняка, нашего прихожанина, уволили с работы, из «ящика», только за то, что он ходит в церковь. Он, инженер, перешёл на другую работу.

А мне закрыть все пути – а их так немного было у писателя: радио, газеты да выступления – вот и всё, конец деятельности, – ничего не стоило. Один звонок в «Литературку» – и всё, никто бы не печатал.

В то тяжёлое для Александра Владимировича время его духовные дети взяли на себя труд молиться за него. Разбили сутки по часам, и каждый час кто-то непрерывно за него молился. Бог спас. И КГБ от него в конце концов отстал, отец Стефан заболел, и его перевели в другой приход. Староста просто умерла. А автор подлой статьи впоследствии спился.

Когда мы встречались где-то в городе или, допустим, я заезжал в Новую Деревню на вечернюю службу, то потом я вёз на машине Александра Владимировича домой. Жил он неподалёку от Загорска, в Семхозе. У него был очень уютный дом, прекрасная жена, Наталья Фёдоровна, и двое детей: дочка сейчас живёт в Италии и стала там живописцем, а сын Миша в то время учился в Институте культуры и имел свой вокально-инструментальный ансамбль. Этот юноша, которому тогда было лет двадцать, теперь – вице-губернатор Московской области.

Эти поездки, от церкви до дома Александра Владимировича, были для меня и интересны, и полезны. Отец Александр так обо всём интересно рассказывал. Познания у него были энциклопедические. Он учился в Пушном институте, переведённом из Москвы в Сибирь, поэтому хорошо знал естественные науки. Он очень много читал. Я просто поражался тому, как много он успевал читать. А он говорил, что всё это – в электричке. Сорок минут на работу, сорок минут с работы. Он

успевал и посмотреть телевизор. Он мне говорил, что обязательно смотрит какие-то интересные передачи, поскольку должен знать, чем живут и интересуются его прихожане.

Он следил также и за художественной литературой. Хорошо знал историю. Я очень много материалов прочитал по Смутному времени, потому что писал пьесу про Самозванца.

Однажды рассказал об этом Александру Владимировичу, и вдруг он мне выдал такое количество информации по этому вопросу, что я просто не ожидал. Видно, у него была фотографическая память. Когда-то он об этом прочитал, и так навсегда эти знания и запечатлелись где-то у него в голове, а теперь он открыл эту ячейку и мне всё это выдал.

Удивительно, что он разговаривал не подлаживаясь с самыми разными людьми: от академиков – достаточно вспомнить, что он дружил с Надеждой Мандельштам, крестил Александра Галича и даже соборовал Тимофеева-Ресовского, – до простых тётушек из Пушкино.

Однажды мы с ним поехали в обычную пятиэтажку, где нас угощала какая-то бабулька. Она в этот день крестила внука и пригласила Александра Владимировича в гости. Мы очень мило посидели, и бабулька посвятила отца Меня во все свои дела, а он заинтересованно в них разбирался. Когда этот человек всё успевал?! Он говорил: «Чем больше делаешь, тем больше успеваешь». А успевал он много. С утра надо было ехать на службу, к семи. Всякие требы, отпевания, крестины, свадьбы. Никому не отказывал в беседе. Самым разным людям. Причём приезжали к нему не только православные, но и католики, и даже мусульмане.

Приезжали иностранцы, потому что слава о нём давно уже перешла все границы.

И самое главное, что отец Александр писал книги. Ещё юношей он написал книгу о Христе «Сын человеческий». Написал так, что трудно поверить, будто это такой молодой человек мог так здорово написать. Это тоже Божий дар – писать научную книгу настолько художественно.

Он написал «Историю мировых религий» в восьми томах и многотомный библиографический словарь по Библии, который подарил Духовной академии.

Интересно, что Академию он заканчивал заочно и сдавал экзамены преподавателю, который потом признался ему, что очень хотел обсудить с ним какие-то теологические вопросы. Наверное, чтобы справиться с таким вот словарём, должен несколько лет работать целый коллектив, а тут – один человек. Но какой феноменальный человек! И всё это легко для

окружающих и без натуги.

Я, помнится, как-то приехал к нему в Семхоз без предупреждения. Он сидел во дворе без рубахи, за деревянным садовым столом, вокруг него лежали бумаги. Он работал. Увидел меня, всё отложил, стал угощать чаем.

Я, конечно, побыстрее постарался уехать. С одной стороны, жалею, что мало с ним общался, когда это можно было. А с другой – как-то и неудобно было отрывать его от работы.

Однажды попросил его дать интервью для моей передачи «Взрослые и дети». Александр Владимирович детям уделял очень много внимания. При церкви работала воскресная школа. Мы договорились встретиться в одиннадцать и до двенадцати всё снять. Я приехал заранее. В одиннадцать телевизионщики не появились, и в полдвенадцатого их не было. В двенадцать, когда отцу Александру надо было уже уезжать, они появились. По пути сломалась машина. Я понимал, что интервью уже не будет, но отец Александр остался ещё на полчаса и замечательно говорил о детях. Но на телевидении впоследствии эту плёнку «загубили», всё ушло в брак. Вот такие у нас на телевидении «мастера».

А как-то мы с ним поехали крестить дочку Марины Неёловой. Марина долго не решалась это сделать, боялась идти в церковь, а священников знакомых у неё не было. Наконец я её уговорил и сказал, что приеду с моим другом-священником. Не знаю уж, кого они ожидали увидеть. Марина была со своей подругой, актрисой и писательницей Катей Марковой.

Когда мы вошли с отцом Александром, они обе просто онемели. Вот такое он производил на людей впечатление. Высокий, красивый, глаза умные, и такое от него шло обаяние, что люди просто поражались его облику.

Когда отец Александр пошёл мыть руки в ванную, Марина от смущения только спросила меня:

– А почему он такой красивый?

– Такой получился, – ответил я не очень остроумно.

Перед тем как крестить, Александр Владимирович усадил нас всех и минут двадцать рассказывал о крещении, о значении его для человека. Мы трое сидели и слушали, завороженные. А потом, конечно, отметили это дело и ещё поговорили. А Катя даже подарила Александру Владимировичу свою книжку. Я думал, он её не прочтёт. Что ему эта Катя и её книжка? Однако недели две спустя он сказал:

– Передайте Кате, что книжку её я прочитал, она мне понравилась, если хочет, пусть позвонит мне, поговорим подробнее, и с сыном она хотела приехать – пусть приезжает.

Увы, как часто мы пропускаем что-то очень важное для себя.

Катя так и не собралась к нему.

В ЦДЛ прошёл вечер Александра Меня. Вечер этот организовал я. Уже началась перестройка, и Александру Владимировичу разрешили публичные выступления. Обычно он минут сорок читал лекцию, а потом отвечал на записки. И лекция была прекрасная, и на записки он отвечал блестяще. Конечно, среди публики иногда попадались люди, которые обязательно присылали вопрос: «Кто вы по национальности?» Но ответ был достойный: «Я – еврей. И горжусь тем, что в моих жилах течёт кровь Апостолов и Девы Марии».

Вечер в ЦДЛ прошёл очень хорошо и без провокационных вопросов. Я должен был вести этот вечер, но за день до вечера директор ЦДЛ Владимир Носков, мой приятель, сказал:

– Знаешь, мы тут посоветовались, лучше пусть кто-нибудь другой ведёт. Ты еврей, он еврей, давай лучше кого-нибудь другого.

Мы позвали Тамару Жирмунскую. Она давняя знакомая Александра Владимировича. Да и не имело это никакого значения, кто ведёт. Главное – кто выступает. Кстати, Александр Владимирович неоднократно предлагал мне выступать с ним вместе. Он сказал: «Я расскажу о юморе и христианстве, а потом вы выступите со своими рассказами». «Ничего себе сочетание», – подумал я и вежливо от совместных выступлений уклонился. Я представил себе – придут люди поговорить с отцом Александром о жизни и смерти, о религии, о Боге, а тут я со своими эстрадными шутками. Совсем мне это показалось неуместным. Теперь, конечно, жалею. Мне бы пришлось тянуться. Пришлось бы что-то придумывать, чтобы не ударить лицом в грязь, чтобы не опозориться рядом с отцом Александром.

За месяц до его гибели я, проезжая мимо церкви к себе на дачу, всё-таки свернул в Новую Деревню, и благодаря этому остался жив. После службы мы ехали в Семхоз. Я разогнался. Александр Владимирович попросил ехать помедленнее, поскольку впереди был пост ГАИ. Это нас и спасло. На скорости девяносто километров в час у меня отвалилось колесо, я еле удержал руль. А если бы ехал один, то точно выжал бы все сто двадцать и наверняка вылетел бы на встречную полосу.

А через месяц, 9 сентября, его не стало.

Утром, когда он шёл на работу, кто-то остановил его в лесу и убил ударом по голове.

Это случилось 9 сентября 1990 года. С тех пор прошло двенадцать лет. Теперь я понимаю, что отец Александр был святым человеком. Думаю, что рано или поздно Церковь канонизирует его как святого мученика.

А многие его прихожане и при жизни понимали, что отец Александр – святой. Мне он заменил отца, и думаю, не только мне. Мы его так и называли – отец. Я рад тому, что Александр Владимирович дожил до признания: ему разрешили выступать, и он выступал. Он читал воскресные проповеди по телевидению, и читал прекрасно. Он открыл университет, где и преподавал. Он организовал шефство над больницей, он даже съездил в Италию, где читал лекции при большом стечении верующих.

Говорят, его убийство было одним из звеньев общего заговора с целью переворота. Может быть и так. Однако ничего у заговорщиков не получилось. Потому что ежегодно собираются люди в вечер памяти отца Александра. Полный зал обычно бывает в Доме культуры им. Серафимовича. Издаются книги, и «История…» восьмитомная издана. И книги об отце Александре издаются. И община его живет и процветает в церкви Косьмы и Дамиана. И в Новой Деревне построена новая церковь, о которой мечтал отец Александр. 9 сентября там бывает битком. И даже В. Спиваков в этой церкви выступает со своими учениками.

Так что убить отца Александра не удалось.

Письмо Геннадию Хазанову

Гена, ты просил написать тебе письмо. Вот я и пишу. Письмо – это, конечно, не совсем точно. Скорее, письмо-воспоминание.

Где-то я слышал, что для омолаживания человек должен подробно вспоминать счастливые минуты, часы и дни своей жизни. Память – это тот художник, который золотит картину времени. (Это я стараюсь показаться умным.) Короче, должно же быть что-то приятное и для меня в этом письме. Вот я и пишу. Тем более ты давно не звонишь и есть потребность пообщаться.

Начнем. Знаю тебя, Гена, очень давно, но ничего хорошего сказать о тебе не могу. Такая вот старая, испытанная шутка. Можно было бы в таком духе и продолжать, но не хочется. И одно хорошее писать тоже не хочу, поскольку только хорошее – это о покойниках, а ты, как говорится, «живее всех живых».

Мог ли я подумать 23 года назад, что из этого хилого, носатого еврейчика получится большой русский артист! Нет, правильно говорил когда-то член Государственной думы, забыл его фамилию, а может, он и не был никаким членом никакой думы, но говорил верно: «Бойтесь евреев, потому что в каждом из них может скрываться большой русский писатель».

23 года – это только знакомства с тобой. А знаю-то я тебя дольше. Впервые я тебя, Гена, увидел в коридоре ДК МГУ в 68-м году. Я тогда работал инженером КБ «Родина» и приехал приглашать театр Розовского в наше КБ на «халтуру».

И вот стою я в коридорчике, жду, когда будет перерыв в репетициях, а ты, хилый и носатый, рассказываешь про Райкина. Про то, что он всегда входит в зрительный зал, когда все уже сидят, последним. Чтобы его видели и, встав, аплодировали.

Еще ты тогда рассказывал, что он весь седой, красит волосы, оставляя только белую прядь спереди. То ли это юмор был, то ли всерьез. По-моему, ты уже тогда, в 68-м, относился к нему не только с восхищением, но и с ревностью. Уже тогда его успех не давал тебе покоя. А ведь были в то время и другие артисты, и очень даже неплохие, однако ты прицелился в первого. В короля.

Следующая встреча уже была в саду «Эрмитаж». Лето 1968 года. Я с Лифшицем и Левенбуком. Они тогда исполняли первый наш, Измайловых, номер «Бабье лето», а ты был с Розовским и тоже хотел в этой программе участвовать. Ты жонглировал тремя предметами. Один из них – яблоко, которое ты по ходу номера благополучно съедал, что-то при этом приговаривая. В программу тогда ты не попал. Потом на сцене МГУ вы втроем пародировали Райкина, выскакивая по очереди из-за ширмы.

А дальше я тебя увидел уже в Театре эстрады. Выступал «Клуб «12 стульев»: Арканов, Горин, Розовский, Владин, Суслов, Веселовский. Вот тут я в тебя и влюбился. Ты делал «куплетиста». Сам себе аккомпанировал на рояле, сам пел и танцевал.

Роль Снегурочки без спора
Дали тёте режиссера.
А пора бы ей играть
Дед-Морозовую мать.

До сих пор помню. И приятно вспоминать. Не для тебя, ты-то вряд ли забудешь. Для читателей.

Потом пародия на цыгана. Выходил с бельевой прищепкой на ухе. «Если у цыгана отнять жену, он засмеется. Если у цыгана отнять коня, он заплачет. Если у цыгана отнять песню, он умрет. Послушайте, пожалуйста, песню, которую я недавно отнял у одного цыгана».

И дальше «Цыганочка». Успех был оглушительный. Я тогда, сидя в зале, подумал: «Вот бы этому парню что-нибудь написать». Не прошло и двух недель, как ты позвонил и попросил написать тебе номер. И с тех пор, как только я подумаю о тебе, ты и появляешься. А может, наоборот.

Я когда-то приходил к тебе с женщиной-экстрасенсом. Она сказала мне потом, что у тебя очень сильное поле, что через тебя из космоса идет очень большой энергетический поток. Кто его знает – поток, не поток, но что-то через тебя идет, это точно. Я, правда, и без экстрасенсов всегда это чувствовал.

Стоял как-то в очереди за вином в Трубниковском переулке и думал про тебя. Оглядываюсь, ты идешь и говоришь: «Только что про тебя подумал». Не случайно это все, ох, не случайно.

Вот и приехали вы ко мне в 1969 году вместе со Златой. А у нас дома и покормить-то вас было нечем. Стыдоба-то какая! У меня зарплата в то время 110 рублей и авторские 18 рублей в месяц. У мамы пенсия 52 рубля. В общем, полный порядок. И мама моя, царство ей небесное, испекла из картошки какие-то блинчики. Вот мы и ели их втроем, сидя у круглого стола за холодильником на кухне 6 кв. м. Съели мы эти драники и договорились дописать твой номер «Вечер встречи». Было у тебя там три строчки от учащегося кулинарного техникума. Мы с соавторами написали текст для нескольких персонажей. А пригодилось только несколько строчек, которые я для этого учащегося накропал:

Профессор налил тарелку супа и спрашивает:

– Чего в супе не хватает?

А я суп съел и говорю:

– Хлеба.

Что-то в этом роде.

И чего только потом я для тебя не писал. Помню, для телевидения на 23 Февраля пародию на Анофриева:

А глаза как кнопки на баяне.
В кепке ты похож на Мастроянни.

Очень нам нравились эти «кнопки на баяне». А вот еще пародия на махрового куплетиста – на мотив популярной тогда песни «Сердце на снегу». Это, как говорится, «вообще атас».

Белый снег, битый лед,
Под Москвой шофер живет.
Этот парень удалой
На дороге столбовой
Бросил на снегу
Свою супругу.
Он стыд и срам потерял,
От алиментов сбежал,
Как слеза по щекам.
И только лишь ветра свист,
Как исполнительный лист,
Догоняет алиментщика!

Сегодня кто-то прочтет и подумает – вот бред, разве могло быть такое? А оно, такое, почти не отличалось от того, что исполняли настоящие куплетисты.

Помнишь, Набатов пел, лауреат Государственной премии:

Поговорить о чем бы?
Может быть, о Чомбе?

Или еще один очень в то время популярный артист пел на правительственном концерте под гром аплодисментов:

В магазинах наших недостатки есть,
Но достоинств больше,
Всех не перечесть.
Вот уже подряд который год
Партия к победам нас ведет,

Партия к победам нас ведет.
Хорошо!

Надо тебе сказать, Гена, что тогда ты был прижимистым по части расплаты за номера. Причём деньги были не твои, а государственные. Утёсовского оркестра. А может, тебе их и не давали. А номера-то нужны, вот тебе и приходилось хитрить. К тому времени относится и первый наш конфликт. Слава богу, недолгий.

Потом, помню, идем мы по Сокольникам с какого-то нашего общего концерта. Мне на тренировку надо по конному спорту. И ты мне толкуешь про какие-то новые пародии. А я тебе толкую, что за номера платить надо. И так мы дошли до моего дома на Новоалексеевской. Оба обиженные, но ссориться не хотелось. Уже тогда была симпатия. Дело было 4 мая, и я тебя позвал к себе на завтра на день рождения. Но ты не пришел. Работал ты тогда в оркестре Утёсова, и был я однажды на концерте этого оркестра в ЦСКА на «Аэропорте». А я почему-то на этом концерте оказался с Альбертом Писаренковым. Ты тогда исполнял рассказ «Мытищи» Марка Захарова, в то время еще юмориста. Мало кто теперь помнит такого юмориста, который тогда чуть ли не в каждом «Добром утре», шепелявя, читал свои юмористические рассказы. Кстати, несколько лет назад, случайно подвозя Марка Анатольевича на машине, я спросил, почему он бросил это дело. Рассказики-то были очень смешные. Он сказал мне, что однажды выступал в одном концерте с Аркановым и Гориным, и эти «добрые мальчики», в то время опытные эстрадные волки, пошли выступать перед ним. А он после них провалился так, что навсегда бросил этот жанр. А зря, очень милые были миниатюры. Не эстрадные, но очень симпатичные.

Кроме «Мытищ» ты исполнял пародию Хаита на Николая Озерова. Пародия была блеск. Делал ты ее превосходно. А Писаренков злобствовал. Помню только одну фразу: «Чтобы Генка закончился как артист, надо отравить Хаита».

А потом был конкурс, на котором ты провалился, не прошел даже на второй тур. Как сказал когда-то Станислав Ежи Лец: «Сатира никогда не может взять призовых мест, потому что в жюри сидят ее персонажи». Так оно и получилось.

А дальше ты ушел от Утесова. И теперь я хочу признаться тебе в одной подлянке. Помнишь, мы с тобой были в «Литературке». Я открыл дверь и впустил тебя в комнату «Клуба». А там сидел Утесов, от которого ты ушел. Теперь могу признаться: я знал, что он там сидит, но мне хотелось услышать,

что он тебе скажет и что ты ему ответишь. У тебя была своя версия ухода. Утесов тебе платил 160 рублей. Тогда это казалось огромной суммой. Но ты считал, что уже перерос амплуа конферансье. Денег на репертуар тебе не давали, а заработать вне оркестра ты мог уже больше. Надо было уходить – так думал ты. У Утесова наверняка было другое мнение. А я хотел понять, что на самом деле. И вот ты входишь в «Клуб». Утесов тебя увидел и сказал редактору Суслову своим особым сиплым голосом:

– Вот, посмотрите на этого мальчика. – Все посмотрели. Мальчик уставился в пол. – Я его взял в оркестр, когда его не брали никуда. Я его спас от армии, когда его должны были туда забрать. Я дал ему деньги на тексты и хорошую зарплату. А чем он мне ответил? Он ушел. Что этой молодежи надо, я не знаю.

Ты стоял, опустив голову, и ни слова не говорил. Мне стало жутко стыдно за свой эксперимент. Положение было не из легких. Мы с тобой вышли в коридор, и я спросил:

– Почему ты ему не ответил? У тебя же есть что сказать.

Ты возразил:

– А что толку, его же все равно не переубедишь.

В то же приблизительно время выступали мы с тобой в каком-то НИИ возле Курского вокзала. Мы с Хавронским миниатюры студенческие разыгрывали. Леша Черный пел «В Красном море красных рыб», тараща на публику зубы. Ну, а ты уже проходил на любой публике как бомба. Вот вспоминаю и думаю: все же с возрастом уходит какое-то замечательное озорство. Конечно, у тебя теперь все выверено до миллиметра, а тогда могло быть и так, и иначе. Но было в то далекое время какое-то обаятельное хулиганство, необузданное и непредсказуемое, и публика это чувствовала и заводилась.

Почему я вдруг вспомнил этот концерт? Потому что получили мы тогда по 30 рублей. И рады были до невероятности, поскольку у тебя разовая ставка была, кажется, 9 рублей. А я свою первую ставку 12 рублей получил года через три. А затем еще лет через пять за 2 бутылки коньяка получил 13 р. 50 коп., а уже году в 1988-м – 18 р. и право на сольный концерт за ресторан, но это уже никому не было нужно. А тебе году в 84-м, чтобы получить эти самые 18 рублей, надо было выпустить филармоническую программу, для чего ты и стал читать Зощенко. Программу ты так и не выпустил, но зато я для тебя специально написал два рассказа под Зощенко – «Свинство» и «Летаргический сон». Так что иногда преодоление бюрократических преград давало очень неплохие результаты.

Ну что ж, поехали дальше. В 74-м году ты все же получил свое первое место на конкурсе артистов эстрады. Это было в

декабре. А в феврале мы с Ю. Воловичем, при твоем, естественно, участии, написали поздравление военным к 23 Февраля, в него входила история про то, как учащийся кулинарного техникума ходил в военкомат. Успех «учащегося» был громовой, и Феликс Камов, учитель, посоветовал сделать серию.

К 8 Марта мы, опять же втроем, у меня дома, в моей 8-метровой комнате, написали историю про то, как учащийся ходил жениться. За два месяца, февраль и март, эти две серии крутили по ТВ 8 раз.

И когда мы в апреле приехали с «Клубом» в Баку, ты уже был звездой. Никогда не забуду, как в ресторане «Интурист» к нам за стол присылали бутылки коньяка. В филармонии выламывали двери, чтобы попасть на концерт «Клуба «12 стульев». Вот времечко было!

А когда мы с тобой гуляли по бакинскому Старому городу, во дворце шаха к нам подошла одна девушка и, обращаясь к тебе, то ли в шутку, то ли всерьез сказала: «Женитесь на мне!» Но ты почему-то жениться на ней не стал. Правда, от такого всенародного успеха крыша у тебя слегка поехала. Мы были на гастролях в Светловодске, шли втроем по улице: я, Волович и ты, остановили какую-то девушку, что-то там шутили, а ты сказал: «За кого из нас троих вы бы вышли замуж?» Естественно, она ответила: «За вас». Попробовал бы ты этот вопрос задать года два назад. Когда популярным был только в своем подъезде. Догадываешься, кого бы она выбрала? Правильно, самого красивого из нас – Воловича. А с кем бы ушла? Тоже правильно.

Году в 75-м был эпизод в городе Хмельницком. Команда была такая: Хазанов, Арканов, Иванов, Волович, Альтов, Измайлов. Заметь, себя ставлю последним. Ты нас, своих авторов, повез на гастроли, давал заработать. Тогда-то в Хмельницком и сказал Саша Иванов свою знаменитую фразу. Сидели в номере у тебя, пили чай, приготовленный Златой. Саня долго объяснял нам: «Чтобы в нашей стране началась нормальная жизнь, ее, эту страну, должны лет на сто завоевать цивилизованные народы». Волович спросил:

– Саня, а не хочешь с полной военной выкладкой и винтовкой посидеть под дождем в окопе?

На что Сан Саныч ответил так, будто этот вопрос у него был решен очень давно:

– Во время военного конфликта мое место в плену!

Помнится, мы перемывали друг другу косточки, и Злата потом мне призналась:

– Я боялась выйти из комнаты. Понимала: как только я выйду, меня тут же с головы до ног… обсудят.

Златка – умная, как змея. Когда я так говорил, она всегда замечала мне, что говорю я это только для того, чтобы произнести слово «змея».

Вот там, в Хмельницком, и произошел досадный инцидент. Ты договорился с директором филармонии, что нас повезут на базу, где мы сможем купить какие-то дефицитные шмотки. Удивительно, что сегодня это кажется дикостью. Как быстро человек привыкает к нормальной жизни. Все эти шмотки сегодня можно купить на каждом углу, были бы деньги. А тогда – не купишь ни за какие деньги, только по блату. Вот директор филармонии и составил нам такой блат.

Приехали, подошли к складу. Выскакивает начальство и сообщает, что приехала комиссия. Короче, пройти внутрь можно только Хазанову с супругой. И вот мы стоим и ждем. Мне-то что, хотя тоже противно, настроился на новые туфли и джинсы. А Арканову и Иванову противно вдвойне. Они-то не я, известные писатели, и вдруг… Однако стоим, а куда деваться? Нам и уехать-то не на чем. Выбежал какой-то «шестерка» и отвел нас всех в автобус. Потом появились вы со Златой. И несмотря на то, что вы принесли каждому по новым американским джинсам, можешь себе представить, какие чувства испытывали твои авторы.

Потом в самолете ты отдал мне еще пару туфель и брюки. В них я и был на своей свадьбе. Долго тебе потом аукалась эта база. А что было делать? Вообще туда не ходить? Глупо. Взять и разделить на всех? Еще глупее. Никто не виноват. Система чудовищная.

17 мая 1975 года мы с Леной на «Чайке» поехали расписываться в ЗАГС. До свадебного обеда оставался еще час, и Златка предложила поехать в Донской монастырь. Так и сделали. Идем по монастырю мимо памятников, а навстречу экскурсия. Провинциалы увидели Хазанова – половина группы пошла за экскурсоводом смотреть достопримечательности, а вторая половина пошла в другую сторону – смотреть на Хазанова. Вот такая вот популярность была в 75-м году.

А в 92-м году Феликс Камов, приехав уже из Иерусалима, сказал, погуляв с тобой:

– Это что-то невероятное, они на него показывают пальцем, трогают его, кричат, машут из машин. Слушай, его все знают.

Я ответил:

– Знают и меня, но его еще и любят.

И что же тут удивительного? 20 лет артист Хазанов делает свои лучшие миниатюры на телевидении, а огромный народ, 200 миллионов, сидит у своих ящиков и умирает со смеху. Ну не 200, пусть 100 миллионов – и все хохочут – жуткое дело.

Возвращаясь в 72-й год, вспоминаю, как в сентябре ходили мы на концерт Райкина в Концертный зал «Россия». Я, моя девушка и ты. В курилке ты, продолжая вечный свой спор с Райкиным, сказал:

– Мне это уже неинтересно, я вижу швы.

Девушка моя потом возмущалась:

– Да кто он такой, чтобы так говорить о Райкине?!

А в 73-м году, в марте, ты приехал на наш авторский семинар в Рузу и со сцены показывал свою пародию на Райкина. И Александр Аронович Хазин, мудрейший человек, автор Райкина, сказал:

– Он нарушил герметизацию, он вошел внутрь Райкина.

Я очень люблю, когда ты говоришь голосом Райкина: «Але! Слушаю вас, ихто там?» Я сразу начинаю смеяться. При всей своей ревности к нему я думаю – ты его по-своему любил. Это была любовь отвергнутого. Он тебя к себе не допускал и преемника в тебе не признавал. Он со своим звериным чутьем и не мог допустить к себе раньше, чем стал уступать в успехе. А уже в Риге, когда вы вместе работали: Пугачева, Костя, он и ты, – Райкин не выдержал и сказал, что пойдет в программе до тебя. Вот это было признание. Других слов, я думаю, от него дождаться и нельзя было. Кремень человек.

Знаешь, как я перед ним опростоволосился? Он на Маяковке принимал меня. Предлагал написать ему что-нибудь. Что-то на тему о зверях на полянке, какие-то разговоры на тему экологии. А я-то знал, что этот номер ему уже писали Настроевы. Он сказал: не обращайте на это внимания, вы будете автором, – но я отказался. Обещал написать что-нибудь другое. Потом он водил меня по квартире, показывал картины, а я делал вид, что разбираюсь в живописи. И вот тут-то и опростоволосился. Он подвел меня к скульптурному портрету, и я с видом знатока произнес:

– Как здорово, удивительно похож на Костю. Он расстроился и сказал:

– Ну что вы, это же я.

Я готов был провалиться сквозь землю.

Некстати об энергетике. Эта женщина, экстрасенс, права была. Я заметил: если ты со мной задумываешь номер, то я его пишу лучше. И дело не только в том, что для тебя мне хочется сделать лучше, хочется сдать очередной экзамен большому артисту. И не только в том дело, что с тобой точнее определяем исходную позицию. Ты, как и все, можешь в этом ошибаться. Дело в энергии, которой ты меня заряжаешь. Все идет значительно легче.

А что касается ошибок, то при всем твоем высоком профессионализме тебе очень мешает твое настроение, твое отношение в этот момент к автору. Вот у тебя плохое настроение, давление низкое, или, допустим, я тебе сегодня несимпатичен, ну, сказал тебе что-то не то три дня назад. Или, предположим, начался у тебя очередной приступ величия, как я это называю, – и все, номер тебе не нравится.

Например, написал я в 85-м году в Кисловодске номер «Дармоеды» – о том, чтобы всех наших бездельников послать в Америку, и они там ее тут же разложат изнутри. Я попробовал его на публике, на «театральной субботе» нашего с тобой товарища Розенфельда. Публика от смеха падала со стульев. Но я тебе об этом не сказал. Профессионал сам должен разбираться. Прочел я тебе этот номер где-то в июне. Ты поморщился, сказал что-то невразумительное, однако текст забрал. Златка, стоя у плиты и стрельнув в меня умным глазом, иронично прокомментировала:

– В этом номере не отражены судьбы мира.

По всей видимости, тебя в это время волновали глобальные мировые проблемы и этот номер не вписывался в твою концепцию всеобщей космической гармонии. Короче, номер ты не взял. Но текст все же себе оставил. Ну, не взял и не взял, с кем не бывает. Я монолог этот записал в передаче «Вокруг смеха», но он там не прошел, как будто Кто-то сверху следил.

В октябре я этот номерок продал одному артисту в Кисловодске, и он должен был с ним выступать в феврале на конкурсе в Москве. А буквально через две недели ты позвонил мне и сказал:

– Поздравляю. Я исполнил «Дармоедов». В зале была истерика.

Я ответил:

– Я тебя тоже поздравляю. Две недели назад я продал номер другому артисту.

Пауза, переход на другую тему. А через неделю голосом Райкина по телефону:

– Леня, я этот номер буду делать иногда, на небольших площадках и без телевидения.

Это нехорошо, но я соглашаюсь, хотя отлично знаю, что зал «Дружба» на 3000 человек маленьким не назовешь. А дальше кисловодский артист запивает и на конкурс в феврале не попадает (будто Кто-то за этим следит). А уже в апреле ты исполняешь этот номер на юбилее МХАТа, и «случайно» там оказывается телевидение. И хотя ты «повесил пиджак на объектив», они все равно снимают и номер появляется на экране, правда, без объявления автора. Виноват, естественно, не ты, а

телевидение, которое ухитрилось через пиджак снять все, кроме фамилии автора. И когда я теперь припоминаю тебе это, ты при своем самолюбии все равно не можешь признать, что пропустил хороший номер. Твердишь, что пока не придумал актерского решения, тебе номер был не нужен. Нет, ты действительно придумал замечательное решение. Это верно. Однако верно и то, что монолог этот пользовался успехом и в моем исполнении. Ясно, что у тебя он проходил в десять раз лучше, но так оно и должно быть. На то ты и Хазанов.

Да, а сердиться я не могу, несмотря на то, что все это неправильно и плохо по отношению к тому же кисловодскому артисту. Но вот смотрю, как от смеха слезы текут по лицу Ефремова, и что тут поделаешь?

У меня такой разговор был, не помню уже с кем. Я жаловался, что ты не объявляешь автора, и даже сказал, что вот этот номер тебе ни за что не отдам. Мой собеседник соглашался со мной и говорил:

– Да, это нехорошо, автора надо объявлять. – Потом подумал и сказал: – А номер этот ты ему все-таки отдай, он у него хорошо получится.

Его можно понять, он хочет увидеть хороший номер в хорошем исполнении. Но самое главное, что и я этого хочу.

Пойдем дальше. За эти годы нашего с тобой сотрудничества у тебя появилось много побочных связей. То есть время от времени ты влюбляешься в других авторов, что, впрочем, естественно для здорового артиста. Ну, Хаит – это ладно. Он был первым, до меня. Ну Альтов – тоже ладно. Этот практически появился почти в одно время со мной. Чуть попозже.

Но вот вдруг ни с того ни с сего появляется Городинский, и нет никого, кроме Городинского. Ты читаешь его «Стриптиз» и все остальное, что он накопил до встречи с тобой. Естественно, немало. И мне приходится перестраиваться и соперничать с Городинским. Я перестаю писать миниатюры «а-ля Хаит» и пишу девятистраничный рассказ «Американцы в колхозе», и он весь идет на хохоте. Затем Городинский куда-то исчезает, а я продолжаю тебе писать рассказы. Потом появляется Розин, и я опять в стороне. Но вот Розин в Канаде, а я по-прежнему здесь. Теперь в любовниках Шендерович, потом одесситы и еще кто-то, кого я даже не знаю. Но я, как верная жена, продолжаю ждать тебя.

Когда-то в Ленинграде, в церкви, кладя свою бумажку «За здравие», где были и ты, и твоя супруга, я случайно увидел другую бумажку, тоже «За здравие», и на ней были среди прочих имена Геннадий и Злата. Трудно представить, что у кого-то

другого может быть такое же сочетание. А поскольку ничего случайного в этой жизни нет, то и эта бумажка показалась мне не случайной.

Гена, мы с тобой много прошли. Что-то вместе сделали, что-то вместе сказали. Были у нас и ссоры. А как же иначе, при наших-то характерах. Три года мы с тобой вообще не разговаривали. Маме моей жить оставалось три месяца, она очень хотела, чтобы я с тобой помирился, и я позвонил первым. Три года прошло, а мы встретились, будто и не расставались. И снова идем пусть не по одной дороге, но в одном направлении. Я понимаю, у тебя теперь другая компания. И люди вокруг тебя другие. Наверное, умнее и интереснее. Но я хочу, чтобы ты понял – мы с тобой вместе не случайно. Как у Пушкина: «Я знаю, ты мне послан Богом».

Все. Вот такое получилось у меня грустное письмо.

Будь здоров. Звони.

16 марта 1993 г.

Геннадий Хазанов

Предыдущее письмо я писал для книги о Хазанове в 1994 году. Книга не вышла, а письмо пригодилось.

Сегодня – 2014 год, то есть прошло двадцать лет.

Тогда, 20 лет назад, он был на вершине своей эстрадной славы. Я помню, как году в 95-м проходила в зале «Россия» «Юморина», где выступали лучшие юмористы. Четыре концерта. Все исполняли одни и те же номера, все четыре раза. А Хазанов на каждом концерте делал новый номер. И каждый раз имел самый большой успех.

На следующий год он все в той же «Юморине», но уже в Кремле, делал мой рассказ «Людоед». Рассказ довольно длинный и не очень эстрадный, скорее литературный, то есть без эстрадных реприз.

Однако Хазанов упорно делал его каждый день, пока не дотянул шестистраничный рассказ до кондиции.

Одновременно с эстрадной деятельностью Хазанов все чаще и чаще в 90-х годах выступал на торжествах-юбилеях. Он дружил с сильными мира сего. Они с удовольствием приглашали его на дни рождения.

Гена очень серьезно относился к этим выступлениям, делал с авторами классные тексты, гримировался в знаменитых персонажей.

Так, на юбилее Лужкова он выступал в образе Гоголя, на юбилее Аросевой в образе Сталина и так далее.

Публика на этих корпоративах была специфическая, особая: чиновники, артисты, бизнесмены. Текст, как правило, был «капустным». Публика домысливает недосказанное, понимает намеки. Естественно, эта публика тоньше той, которая приходит по билетам в Театр эстрады.

Хазанов очень чувствительный артист, он как следует настроился на эту более тонкую публику и постепенно стал всё дальше отходить от обычной кассовой аудитории.

Тем более что она, эта публика, в 90-е годы стала вести себя довольно по-хамски, могли распивать прямо в зале пиво, вино, есть прямо на глазах артиста. Хазанова это жутко раздражало. Даже несколько раз он вступал в полемику с подобными плохо воспитанными людьми. Делал им замечания, но это мало помогало. «Свобода, блин!»

В 1997 году умер главный режиссер Театра эстрады Борис Брунов. Началась борьба за кресло руководителя театра.

В этой борьбе победил Хазанов. Лужков именно его назначил

худруком театра. До этого он никогда не был администратором, более того, никогда и не хотел брать на себя ответственность за других людей. Даже когда с ним работал танцевальный ансамбль, коллектив этот был не хазановский, а Театра эстрады.

Он мне говорил: «Не хочу ни за кого отвечать».

И правильно, по-моему, делал. Он занимался творчеством и отвечал только за себя.

Но тут ситуация изменилась. Раньше был социализм, а теперь сами знаете что. Хазанов взял театр. До своего прихода в театр Гена уже попробовал сыграть в драматическом спектакле. Это была пьеса «Игроки» во МХАТе.

Там Хазанов играл в великолепном ансамбле: Евстигнеев, Филатов, Калягин, Невинный. Сыграл там хорошо. Конечно, он уступал по неопытности своей этим грандам театра.

Однако весь спектакль был хорош, и Хазанов его не портил, а украшал.

И вот началась его административная деятельность. Он открыл Малый зал при Театре эстрады на фабрике «Красный Октябрь». Это ещё километр пути по набережной. Кто туда пойдёт зимой?

Там должны были выступать Караулов, Вульф, Минкин Измайлов, Камбурова.

Из этой затеи, конечно же, ничего не вышло. Не пошел зритель в клуб «Красного Октября».

Кроме того, Хазанов почистил коллектив Театра эстрады, уволил некоторых сотрудников. Набрал новых.

В 1997 году Хазанов снялся в фильме Досталя «Полицейские и воры». Ремейк итальянского фильма. Когда снимался фильм, Хазанов со многими действиями режиссера был не согласен. Фильм получился плохой, хотя артист старался вовсю. Но основа драматургическая была слабая.

Я присутствовал на премьере. Мы поговорили со Славой Невинным, который в фильме снимался. Ему тоже фильм не понравился.

Когда Хазанов спросил меня о фильме, я сказал, что думал. Гена обиделся и больше мне не звонил. Я тоже звонить не стал. Так мы расстались на 7 лет.

А Хазанов, придя в должность, пытался расширить поле деятельности театра. Устроил представление «Геликон-оперы» «Летучая мышь». На спектакль продали 300 билетов. Остальные были приглашенными. У Театра эстрады есть своя аура, своя публика. Те, кто ходит в оперный театр, вряд ли пойдут слушать оперу в Театре эстрады. То же самое с опереттой.

Но Хазанов – человек упорный. Он наладил рекламу. По

всему городу висели афиши спектаклей. И по каналу «ТВ-Центр» шла реклама репертура. Но параллельно как-то не сложились отношения у худрука Театра с юмористами. Постепенно все они перестали выступать в ранее родном театре.

Причины разные.

С одними были личностные конфликты. Кто-то не мог перенести того, что такой же артист вдруг стал начальником над остальными.

Певцы-«звёзды» стремились делать свои сольники в «России», а не-«звёзды» зала не собирали.

Вот это основная причина. Я знаю, что Хазанов перед началом сезона рассылал всем юмористам приглашения работать в театре. Но по сравнению с прошлыми годами положение изменилось. Подорожала аренда, подорожала реклама. Для того чтобы что-то заработать, надо было повышать цены на билеты. А по дорогим ценам публика не хотела идти. Тем более, что в 1998 году случился дефолт и народ считал деньги.

На этот период приходится и кризис Хазанова как эстрадного артиста. Пару раз Хазанова даже сгоняли со сцены с криками «Уходи!». Так публике не нравилось то, что делал артист.

В чем тут дело? Причин много.

Хазанов к тому времени разошелся со многими авторами – с Хаитом, Альтовым, со мной, со Смолиным. Перестал писать на эстраду Шендерович. Новый автор Шестаков, человек, безусловно, талантливый, но порой не для эстрады. И очень неровный, он не мог обеспечить Хазанова репертуаром. А без хорошего репертуара нет эстрадного артиста. Но не только в этом дело. Публика, как я уже говорил, несколько разболталась, могла позволить себе в зале что угодно – и выпивку, и выкрики. Хазанова это выводило из себя. Он имел большой успех на юбилеях и даже в дальнейшем сделал целую телепередачу из поздравительных номеров. Но кассовый зритель – это совсем другое. Все должно быть проще и даже грубее. Хазанову это претило.

Мы все, выходя на сцену, хотим понравиться публике. И даже если в зале позволяют себе реплики, желательно переводить это в шутку, а не доводить до скандала.

Хазанов стал выходить на сцену с другим отношением к публике. Он перестал любить эту эстрадную публику, а она перестала любить его.

Как-то на концерте он стал читать тексты по бумажке новые, неопробованные тексты. Публика не смеялась. Кто-то из зала крикнул:

– Может, вам авторов поменять? Хазанов ответил:

– Лучше публику.

Авторов поменять можно, а публику уже не удастся.

Очень наглядный пример, говорящий о характере зала.

Когда-то Гена прочитал мне рассказ Шендеровича «Лужа». Мне рассказ очень понравился. Хаит, которому Гена тоже читал этот рассказ, сказал, что он никогда не будет проходить на публике. Хазанов читал его на кассовой аудитории и провалился. Не смеялся народ. А рассказ просто очень хороший. Я бы даже сказал – написанный современным Салтыковым-Щедриным. После провала в зале «Октябрь» Хазанов не успокоился. Ему, как и мне, рассказ нравился. Он прочитал его в Доме кино. И имел потрясающий успех. Вот что значит разный уровень сидящих в зале людей.

Но сколько у нас таких домов кино? Один. Ну, можно ещё прочитать в Доме актера, а Доме литераторов, и всё. А в обычный зал надо выходить постоянно и работать так, чтобы был успех.

Вот почему Гена и поменял эстраду на театр.

В эстраде всё, что произносит артист, адресовано разуму. На эстрадном концерте публика смеется над репризами.

В театре всё обращено к сердцу. Там, в театре, тоже есть репризы, но не только от них зависит успех, а ещё и от ситуаций, чувств, нюансов отношений между персонажами.

Первый спектакль, сыгранный Хазановым в Театре эстрады, был «Ужине дураком». Я думаю, это один из лучших спектаклей в нашей стране. Достаточно сказать, что он идёт с 1998 года по сегодняшний день. А это значит уже 16 лет при полных аншлагах. Все сошлось: и замечательная пьеса, комедия положений, высокопрофессиональная режиссура Л. Трушкина, и великолепная игра Геннадия Хазанова. Не будем также забывать и партнера – Олега Басилашвили.

Дай бог каждому артисту такой дуэт. Были потом какие-то неудачи – «Птицы», «Убийство на корте». Но удач больше. Очень хорошие спектакли «Всё как у людей», «Смешанные чувства» с Чуриковой, «Морковка для императора» с М. Ароновой и «Крутые виражи» с А. Большовой.

Я ходил на все эти спектакли, и не по одному разу.

Недавно снова был на «Крутых виражах». На премьере это был хороший спектакль, а через три года стал очень хороший. Просто другой спектакль, столько найдено новых нюансов, столько придумок. Я смотрел так, будто в первый раз.

Если в театре неинтересно, то у меня сразу отключается внимание. Я думаю о другом. Здесь за весь спектакль я не отвлекся ни на секунду.

В связи с этим хочется вспомнить передачу Познера с Хазановым. Как всегда, Познер многозначительно смотрел на

собеседника, делал вид, что ему интересна беседа, но не задал Хазанову ни одного вопроса о его театральной деятельности. Хотя к моменту передачи Хазанов уже более десяти лет был театральным актером.

Где-то году в 2003-м произошел громкий скандал. Снималась телепередача к юбилею Театра эстрады. Один тележурналист брал интервью у Хазанова. Хазанов довольно тактично говорил о своих бывших коллегах. Потом глазок камеры погас, и журналист стал задавать какие-то провокационные вопросы.

Хазанов не выдержал и такого наговорил про эстрадное сообщество, что мало никому не показалось. А все это снималось на камеру и было показано в телепередаче на всю страну. В этой же передаче брали интервью у эстрадных артистов. Все дружно выступали против Хазанова. Только я и Петросян не сочли нужным ругать его. Но наши с ним интервью, естественно, не взяли в эту тенденциозную передачу.

Кассету с передачей занесли Лужкову. Начались проверки с целью уволить Хазанова из театра. Но Хазанов устоял.

В 2005 году у меня был юбилейный концерт. Я через семь лет разлуки позвонил Хазанову и пригласил его поучаствовать в юбилее. Мы разговаривали так, будто не расставались на семь лет. И разговариваем так по сей день почти ежедневно. Мы теперь абсолютно независимы друг от друга, ему не нужны мои эстрадные тексты, а мне не нужно ему писать их.

Однако есть о чем поговорить. Я, конечно, очень жалею о том, что он ушел с эстрады. Он вдохновлял меня на новые рассказы и монологи. Когда я писал их для него, у меня лучше получалось, чем всегда. Были номера, которые никто бы, кроме него, не взял. А он брал и делал из них шедевры. Потому что мы работали на одной волне.

И мои тексты вступали в резонанс с его исполнением. Не будь Хазанова, я бы не написал ни «Свиней», ни «Памятника», ни «Дармоедов», ни «Объезда по кривой», ни «Кулинарных техникумов».

Я понимаю, что сегодня всё это в прошлом и сегодняшняя публика понятия не имеет, что это за монологи. Но когда-то это были шлягеры. Их можно посмотреть и сегодня в Интернете и понять, что творилось в зале.

А в 2006 году, когда я лежал два месяца с грыжей позвоночника, прикованный к постели, Гена звонил мне каждый день и не успокаивался, пока я не засмеюсь. Поднимал мне настроение. Он и Арлазоров – каждый день.

Я этого, конечно, не забуду. Мне мои оппоненты могут сказать:

– Но характер-то у него, мягко говоря, сложный. На что я могу ответить:

– А вы встречали когда-нибудь талантливого человека – звезду – с простым характером?

Я не встречал.

Александр Подболотов

Александр Подболотов – замечательный певец и друг всех знаменитостей, в прошлом большой любитель выпить.

Году в 84-м к нам в Москву впервые приехал певец и композитор Тото Кутуньо.

Хазанов шёл с дочкой на его концерт. У него было два лишних билета, и он захватил нас с женой.

Во время антракта мы пошли за кулисы. Кутуньо представили Хазанова как нашего знаменитого артиста. Певец был простужен, у него болело горло. Он еле пел, но пел хорошо.

На другой день я встретил на улице Сашу Подболотова, рассказал, что был на концерте маэстро и что он был простужен.

Саша заявил:

– Скажи спасибо, что он вообще пел.

– Кому спасибо?

– Мне.

– А ты здесь при чём?

– А он приехал в Москву, у него голос вообще пропал, он сказал в Госконцерте: «Найдите мне Подболотова». Меня нашли. А у меня разные мази, примочки есть, полоскания, чтобы голос восстановить. Я ему дал. Вот он и пел.

Я говорю:

– Саня, а откуда он вообще-то тебя знает? Где ты, а где он?

– А меня с ним Ив Монтан познакомил.

– Где?

– На дне рождения у Джо Дассена.

– Саня, много пить вредно. Начинаются зрительные галлюцинации.

– Не веришь – как хочешь.

Мы расстались. Вскоре я узнал, что несколько лет назад Саша с Алексеем Баталовым ездил от общества «Родина» в Париж и целый месяц пел там в ресторане «Распутин».

Весь Париж ходил слушать русского соловья.

В следующий раз я сказал Сане, что он мне не соврал.

Он говорит:

– Да я не только с Тото Кутуньо хорошо знаком, я и с Челентано – как с тобой.

– Да брось ты сочинять!

– Не веришь – погляди, – и дал мне фотографию, на которой были два нетрезвых человека, Подболотов и Челентано.

Оказывается, когда Челентано приезжал в Москву, его повели в модный тогда бар, рядом с театром на Таганке. А там регулярно

выступал Саша Подболотов. Челентано послушал, как поёт Подболотов, не выдержал, вышел на сцену, и они даже вместе что-то спели.

Саша подарил мне эту фотографию, где на обороте написано: «Слева – это Челентано». Я с благодарностью принял фотографию, а Саша сказал:

– Вот ты не поверишь, а я с Папой Римским – как с тобой.

– Не поверю.

– На бутылку коньяка спорим? Поспорили.

Поехали к Саше домой, куда-то в Медведково. Вошли в его квартиру, он достал фотографию, где он и Папа стоят рядом и о чём-то разговаривают. Пришлось ставить коньяк.

После этого я спросил издевательским тоном:

– Ну, а с Майклом Джексоном у тебя какие отношения?

– Рассказываю. Когда я был в Сеуле, там как раз должен был быть концерт Майкла Джексона. И он, и я жили в «Хилтоне», встречались в баре. Поговорили.

Больше я с Сашей не спорю.

А ещё Подболотова любил слушать Владимир Высоцкий. Выпив, он говорил:

– Саня, спой, хочется послушать чистый голос.

Иосиф Прут

До 1983 года я только слышал о его существовании. Где-то есть такой драматург, написавший сценарии фильмов «Секретарь райкома» и «Тринадцать».

А в 83-м году мы с Хазановым поехали под Курск к бабке-целительнице. Мы сидели в купе вагона, когда к нам вошел какой-то большой мужчина с шишковатым лицом и заговорил с нами так, будто сто лет знаком. Он сыпал анекдотами, байками, очень интересно рассказывал, так мы с ним и познакомились.

В следующий раз я с Прутом встретился уже в Карловых Варах года через три. Мы подружились. Мне так было с Иосифом Леонидовичем интересно, что я, погуляв с ним и наслушавшись его историй, приходил к себе в номер и все эти истории записывал.

Пятнадцать лет назад мы шли с ним однажды вдоль длинного и высокого забора, и Прут сказал:

– Ты не думай, что я такой старый. Я до сих пор занимаюсь карате и спокойно могу тебя перекинуть через этот забор.

Ему тогда было 85 лет. Он брал тяжеленный стул за спинку и поднимал его на вытянутых руках.

Иосиф Леонидович Прут родился 18 ноября 1900 года. Ровесник двадцатого века и прожил почти весь век. Умер в 96-м году.

Отец Прута был болен туберкулезом. У сына по наследству тоже была чахотка. Онечку, так его многие называли и взрослого, в шестимесячном возрасте повезли из Ростова-на-Дону лечить в Швейцарию. В дороге отец Иосифа умер. Мать похоронила его в каком-то немецком городке и заплатила 500 золотых рублей за то, чтобы за могилой ухаживали сто лет, до 2001 года.

Затем семнадцать лет Оня с матерью прожили в Швейцарии. Мальчик там лечился и иногда приезжал в Ростов.

Окончательно он вернулся в 1919 году.

В 1912 году вместе со своим дедом Иосиф Леонидович был на открытии санатория «Империал» в Карловых Варах. Великая княгиня Елена обошла отдыхающих русских и собрала деньги на собор Петра и Павла. Построенный в 1898 году по образу и подобию церкви в Останкине при Шереметевском дворце, он и по сей день стоит в городе на улице Петра Первого. Княгиня собрала 350 тысяч рублей на отделку этого храма. Народ в Карловых Варах жил не бедный.

Иосиф Прут получил в «Империале» памятную медаль за пятикратное посещение этого санатория, потом серебряный

империал за десять раз и наконец золотой за пятнадцать. А всего он был в «Империале» восемнадцать раз. Главврач санатория сказал, что Прут – главный советский империалист.

В Швейцарии Прут жил в одном интернате с греком Костой. Отец Косты жил на каком-то греческом острове. Однажды отец Косты, богатый судовладелец, приехал с греческого острова Итака посмотреть, как учится его сын. И тут с ним случилась неприятность. Страдая недержанием мочи, он едва добежал до гостиницы, но до номера добежать не успел. Обмочился в коридоре. Пришел директор гостиницы и накричал на него. Отец Косты заплатил горничной за уборку и попросил познакомить его с хозяином гостиницы. На следующий день они с хозяином пообедали. Результатом обеда было то, что отец Косты купил гостиницу и тут же выгнал директора. Гостиница по наследству перешла к Косте. И Прут всегда жил в ней бесплатно.

А Коста говорил:

– Вот видишь, если бы у отца не было недержания мочи, тебе пришлось бы платить за гостиницу.

Впоследствии, уже в 80-е годы, Коста позвонил Пруту и попросил встретить в Москве Кристину – дочь Онассиса, которая приехала в Россию просто как туристка. Прут встретил ее и пятерых сопровождающих. На улице Кристину никто не узнавал. Она этого не понимала– ведь во всем мире она была знаменитостью. Во Франции ее плащ разорвали на сувениры, а здесь на нее никто не обращал внимания. Прут рассказал ей анекдот:

– Портной в Америке не смог сшить из двух метров ткани костюм президенту Никсону. Наш посол посоветовал обратиться к портному в Одессе. Никсон приехал в Одессу, и старый еврей сшил ему костюм и еще кепочку и пояснил: «Это там вы величина, а здесь вы говно».

Кристина долго смеялась. Потом она поехала на поезде во Владивосток, чтобы посмотреть Россию, а дальше через Японию – домой.

Через полгода она вышла замуж за русского парня Сергея. Он понравился Кристине своей речью на международном совещании по фрахту. Прут говорил, что Сергей – лысоватый, кривой на один глаз, но очень умный человек.

Кристина так объясняла Пруту свое замужество:

– В первый раз я вышла замуж назло отцу за то, что он женился на Жаклин, и выгнала мужа через три недели. Второй раз потому, что отец умирал и хотел видеть меня замужней. Вышла за школьного товарища, одного из директоров. Это произошло в двадцать семь лет. А теперь, в двадцать девять, я

полюбила Сережу и честно сказала об этом мужу. Вот теперь выхожу за Сережу.

Греческий посол в СССР спросил Кристину: «Вы хорошо подумали?»

Она не пригласила его на свадьбу, жену посла пригласила, а его нет.

– Я содержу Грецию не для того, чтобы он задавал мне такие вопросы, – объяснила она Пруту.

Иосиф Леонидович был на свадьбе посаженым отцом. Он был приглашен с женой, но жена не смогла приехать.

Милиционер во Дворце бракосочетаний на улице Грибоедова спросил, глядя в пригласительный билет:

– А где жена?

Прут ответил:

– Она не приедет.

– Да вы что, это же свадьба века!

– Слушай, занимайся своим делом и не задавай вопросов, которые тебя не касаются! – огрызнулся Прут.

– Проходите, – сказал милиционер.

Множество корреспондентов толпились на улице, но в зал их не пустили.

Прут, правда, рассказывая, упомянул 2000 корреспондентов, но я здесь написал «множество».

Когда-то Владлен Бахнов мне говорил: «Если хотя бы половина того, что говорит Прут, – правда, то уже хорошо».

На церемонии бракосочетания Прут попросил Сережу поторопить представителя дворца.

Сережа отправился его искать.

А Кристина тем временем спросила Прута:

– Где Сергей?

Прут ответил:

– Ушел жениться.

– Как так?

– Разве тебе не говорили, что у нас женятся сразу на двоих?

– Как это так? – не унималась Кристина.

– Ну, ты же уедешь в Грецию, а ему надо с кем-то жить!

Но тут Сергей вернулся, и розыгрыш закончился. Кристина называла Прута папой. Как-то звонит ему из-за границы:

– Папа, деньги нужны?

– Нет, – говорит Прут.

Она вешает трубку. Он ей перезванивает в банк, просит, чтобы она снова позвонила. Через двадцать минут звонок.

– В чем дело?

– Ты бы хоть спросила, здоров ли я.

– Голос у тебя здоровый.

– Есть же, в конце концов, какие-то другие вопросы.

– Я, между прочим, звоню за свой счет. Рассказывая эту историю, Прут всегда добавлял:

– Богатый не тот, кто много имеет, а кто, имея много, мало тратит.

Кстати, сам Прут по советским меркам был человеком состоятельным. У него всегда в театрах шли пьесы. А до войны сценаристам платили, отчисляя долю от проката фильмов.

Интересно воспоминание Юрия Нагибина о Пруте в его дневниках: «Вчера в поликлинике Литфонда видел в коридоре сидящего восьмидесятилетнего Прута, который без очков читал в «Советском экране» статью о себе».

А дальше Нагибин не без сарказма пишет о том, что Прут в детстве учился в швейцарском интернате и теперь ездит туда на юбилеи: «Трогательная любовь наших органов к выпускникам этого интерната».

Дело в том, что Прут был почетным пограничником СССР за фильм «Тринадцать» и свою шефскую работу. А пограничники тогда относились к КГБ. А Прут был и почетным чекистом, и кем только почетным он не был.

Но вернемся к друзьям его детства. Коста через много лет, будучи уже компаньоном Онассиса и одним из его директоров, когда заболела жена Прута, вызвал двоих профессоров из Америки и двоих из Швейцарии, и они в течение сорока дней пытались в Париже спасти больную. Однако спасти ее не удалось.

Прут мне рассказывал много интересного. Кое-что из этих рассказов я попробую здесь вспомнить.

Некоторое время назад в СССР приезжал писатель Стейнбек. Когда ему надоели официальные приемы, он попросил у Прута карту Москвы, чтобы найти лес. Нашел Серебряный Бор. «Бор» по словарю – большой лес. Не поехал. Нашел Марьину Рощу – маленький лес. Поехал.

Действительно, увидел небольшой парк вокруг церкви. Он погулял по парку, сел на скамейку. К нему подсел какой-то человек, вынул рубль. Стейнбек тоже вынул рубль. Подошел третий, тоже вынул рубль. Взял деньги, вернулся с бутылкой водки. Они выпили. Стейнбеку это понравилось. Он вынул рубль. Второй тоже, и третий. Распили вторую бутылку. Стейнбек вынул еще рубль. Те двое развели руками. Тогда Стейнбек вынул три рубля. После того, как выпили третью бутылку, Стейнбек отключился.

Когда очнулся, первое, что он увидел, – свой ботинок, который лежал в стороне. Второй ботинок был у него на ноге.

Перед собой он увидел сапоги, а подняв голову, увидел всего милиционера. Понял, что сделал что-то нехорошее, вынул из кармана бумажку и прочел: «Я американский писатель, живу в отеле «Националь». Милиционер отдал честь и сказал:

– Продолжайте гулять, товарищ Хемингуэй.

Прут в 1916 году в Швейцарии был соседом Ленина и даже был с ним знаком. Я спросил:

– Вы разговаривали с ним?

– Нет, в те времена младшие только слушали. Кто-то сказал Ленину: «Прут хочет умереть за революцию». Ленин ответил: «За революцию надо жить».

В 1919 году Прут вернулся в Ростов-на-Дону. Город был занят белыми. Красные наступали. Его дед, крупный торговец зерном, сказал:

– Ты должен выбрать, с кем ты – с белыми или с красными.

Прут спросил:

– Красные – это те, которых ты эксплуатировал?

– Да, – ответил дед.

– Тогда я выбираю красных.

Дед сказал:

– Одобряю твой выбор.

Я не удержался и спросил Прута, почему же он все-таки выбрал красных. В то время Дон был красным от погромов. Прут пошел в Первую Конную к Буденному.

– А что ты можешь? – спросил Семен Михайлович.

– Говорить по-английски и по-французски.

– Это нам не нужно, белые говорят по-русски.

– Могу еще на коне ездить.

– Попробуй, – и Буденный показал на своего коня.

Прут вскочил в седло. Конь стал его сбрасывать, однако швейцарская школа верховой езды дала себя знать. Через минуту конь шел испанским шагом.

Буденный закричал:

– А ну слазь, коня мне испортишь!

Прут слез. Буденный спросил:

– Это что? – и показал на лежащую на земле шашку.

Впоследствии он признался Пруту:

– Загадал: если скажешь «сабля» – не возьму.

– Шашка, – сказал Прут.

– Иди в строй, – велел Буденный. Позднее, уже лет через пятьдесят, Буденный позвонил Пруту, позвал к себе. Прут приехал. Буденный лежал на диване.

– Что с вами? – спросил Прут.

– В туалет шел, упал, сломал шейку бедра.

– Вот дела, – сказал Прут. – Две тысячи верст на коне отмахали и не падали.

– Так что же мне, в туалет на коне ездить? Буденный не острил, но все вокруг, в основном генералы, засмеялись.

– Вы чего смеетесь? – буркнул Буденный. – Прут – он ведь не только еврей, он у меня эскадроном командовал.

Как-то Буденный сказал Пруту:

– На семидесятилетие к тебе я прийти не смогу, но вот Нинка (дочь Буденного. – *Л.И.)* тебе подарок сделает. Ты где-то выступал и сказал, что литературе тебя учил Горький, а военному делу – Буденный.

В день юбилея Нина вынесла на сцену фотографию – Буденный и Горький у Мавзолея.

Друг Прута Коста был женат на принцессе Кенигсбергской и когда приехал с ней в гости к Пруту, попросил:

– Ты только не вздумай показывать ей медаль «За взятие Кенигсберга».

– Я, – объяснял Прут одной женщине, – могу посмотреть на стадо коров и сразу сказать, сколько там голов.

– Как это вы так быстро? – спросила женщина.

– Я считаю, сколько ног, и делю на четыре.

В 1945 году Прут, командовавший отделением, оказался в немецком городке. Посмотрел на название и понял, что это именно тот городок, где похоронен его отец. Он со своими солдатами, переодевшись в немецкую форму, отправился на кладбище. В городке все еще были немецкие войска. На кладбище Прут попросил смотрителя найти записи за 1901 год. По числу и месяцу нашли запись «Леонид Прут». Пошли на могилу. Она была тщательно убрана. Все цветы были на месте в соответствии с договором.

Смотритель сказал:

– Вам надо будет в две тысячи первом году приехать и заплатить за дальнейшее.

Прут пообещал приехать.

Дед Прута был полный георгиевский кавалер. Всем тыкал, но себя позволял называть только на вы.

Когда в Ростов приезжал царь Николай II, дед преподнес ему золотой портсигар и со словами «Это тебе от нас», – указал на себя.

Прут рассказывал:

– Когда пришли брать жену Ворошилова, он сказал ей: «Встань спиной к моей груди», – вынул два парабеллума и крикнул: «Кто шаг сделает, уложу на месте!»

Отстоял.

– Это был мой комиссар, – сказал Прут.

Речь Прута на юбилее Леонида Утесова:

– Утесов с детства завидовал мне, тетя водила меня к Столярскому и учила музыке. Ледя пришел к моей тете и сказал:

– Зачем вы зря тратите деньги, у него же нет слуха!

– Ну и что, – возразила тетя, – там его учат не слушать, а играть.

Когда ввели «лит» на исполнение произведений на эстраде, Прут с Утесовым сделали такую сценку в саду «Эрмитаж».

Прут, сидя в ложе театра, чихнул. Утесов взял бумажку и спросил:

– Кто чихнул?

– Я, – ответил Прут.

Утесов прочитал по бумажке: «Будьте здоровы!»

Когда И. Л. Прут уходил на войну, Любовь Орлова подарила ему две стальные пластинки на грудь. К одной из них она приклеила свою фотографию с условием, что Прут отклеит ее, когда война кончится. Орлова была уверена, что Прут останется в живых.

Во время взятия Берлина Прут со своей группой шел под землей по канализационным каналам.

Вдруг появился фашист и выстрелил с четырех метров в грудь Пруту. Пуля попала в правую пластинку. Пластинка прогнулась. На груди под ней осталась вмятина, которую Прут охотно давал пощупать женщинам.

Прут говорил, что Любовь Орлова была добрым человеком, но некоммуникабельным.

Троюродный брат Иосифа Прута Изя Юдович жил в Одессе. В четырнадцать лет сбежал на французский корабль, плавал юнгой.

Началась Первая мировая война, и Юдович, уйдя во французскую армию, стал гражданином Франции. Когда он уехал из России, там осталась девочка шестнадцати лет по имени Мара, которую он любил. В 1922 году он приехал за ней в Екатеринослав.

Во Франции Юдович стал богатым человеком, имел свое предприятие. Началась Вторая мировая война. Они бросили все и уехали на юг Франции. Он работал плотником, она возила что-то на мотоцикле. Оба были участниками Сопротивления. Она подорвалась на мине. Осталась инвалидом и хотела покончить с собой. Он вошел в комнату, когда она писала прощальное письмо.

Юдович сказал:

– Если бы ты это сделала, я бы лег рядом.

Кончилась война. Юдович оказался без денег. Попросил тридцать тысяч франков у какого-то друга. Тот отказал:

– Тебе нечем отдавать.

Тогда он взял взаймы у своей бывшей секретарши. Через год стал миллионером на финском лесе. В знак благодарности купил секретарше дом за городом. Секретарша жила там со своей дочкой и внучкой. Юдович полюбил дочку. Начался роман. В конце каждой встречи он оставлял своей любовнице 1000 долларов на жизнь. Однажды, когда он в очередной раз приехал, внучка секретарши сказала, что ее мама умерла. И подала Юдовичу коробку. Там лежали все до единого чеки и записка: «Я была с тобой, потому что очень тебя любила».

История эта описана Валентином Катаевым в его повести «Кубик».

А получилось все так. В. Катаев перед отъездом в Париж, зная, что у Прута там родственники и друзья, попросил Иосифа Леонидовича дать ему рекомендательное письмо к кому-нибудь. Прут дал к Юдовичу. Оба они, и Юдович, и Катаев, из Одессы – будет о чем поговорить. Катаев жил у Юдовичей. Более того, когда он заболел, Мара в Ницце, оплатив Катаеву отель на целый месяц, ухаживала за ним. А Юдович вел с ним долгие откровенные беседы, в частности, рассказал всю приведенную выше историю, добавив при этом, что его жена до сих пор ни о чем не догадывается.

Кстати сказать, Юдович переживал тогда не лучшие времена. Он, имея дело с «Совэкспортом», погорел на нефти. Катаев решил, что Юдович разорился, и написал в своей повести, будто его герой покончил с собой в подвале, предпочтя смерть позору и нищете. Но он не знал, что основной капитал Юдовича был в швейцарском банке на имя Мары и таким образом они сохранили свои деньги.

Через некоторое время Юдович с Марой приехали в Москву, и как раз вышел журнал «Новый мир» с катаевским «Кубиком».

Прут не знал, что делать. А Юдович сразу спросил:

– Где Катаев? Я хочу с ним увидеться.

Прут сказал:

– Он болен.

Однако Юдович настоял на встрече. И Катаев сам подарил ему книгу с надписью: «Если можете, простите».

Юдович, естественно, читать по-русски не стал.

А Мара прочла и сказала мужу:

– Ты мне веришь?

– Верю.

– И без вопросов?

– Без.

– Тогда я тебе скажу: Катаев – чужой нам человек.

Прут, когда после этого был в Париже, вдруг сказал Юдовичу, показав на подвал:

– Ты здесь покончил с собой?

– С чего это? – удивился Юдович. – Ты что, с ума сошел?

Прут понял, что он ничего не знает.

Однажды Прут встретил Катаева. Тот, улыбаясь, протянул Пруту руку. Прут руки не подал и пошел дальше.

Пастернак с Сельвинским шли по Переделкину. Навстречу Катаев, подал руку Сельвинскому, потом пожал руку Пастернаку.

Когда Катаев отошел, Пастернак спросил:

– Кто этот господин?

– Катаев, – ответил Сельвинский. Пастернак пришел домой и написал Катаеву письмо: «Извините, я не знал, что это вы, иначе руки бы вам не подал».

Маленькие девочки, внучки известных писателей, спросили Иосифа Леонидовича:

– Дедушка Прут, почему вы не ходите в ту аллею?

Прут сказал:

– Потому что там Мариэтта Шагинян караулит Катаева, чтобы его убить. Вдруг она перепутает и по ошибке убьет меня.

Тут же в аллее появилась Мариэтта Шагинян. Девочки побежали к ней и закричали:

– Тетя Мариэтта Сергеевна! Это не Катаев, это дедушка Прут!

Иосиф Леонидович Прут с Жискаром д'Эстеном, президентом Франции, снимались на Красной площади для французского телевидения.

Речь шла о Бородинском сражении. Ж. д'Эстен сказал, что правым флангом командовал маршал Понятовский, чей потомок является теперь министром в правительстве Франции. И что он стал маршалом в числе двенадцати знаменитых – Мюрата и так далее.

Прут сразу понял ошибку, но ни слова не сказал. Однако потом режиссеру объяснил, что французский президент допустил две неточности. Понятовский в Бородинском сражении был генералом, а маршалом стал через год, когда во время сражения прискакал к Наполеону в крови. Наполеон спросил: «Вы ранены?»

Понятовский ответил: «Я убит», – и упал замертво.

Посмертно получил маршала.

Режиссер спросил Прута, где он хочет получить деньги – во Франции или в СССР. Прут захотел во Франции.

Когда он был там, его двоюродный брат, много лет живущий в Париже, сказал:

– За восемь минут интервью с президентом ты должен получить десять тысяч франков.

Сын брата поправил:

– Думаю, только пять тысяч.

Второй сказал:

– Радуйтесь, если получите три тысячи.

Прут взял такси за 35 франков, выпил с режиссером за 35 франков и получил за интервью ровно 70 франков.

Он заявил:

– Можете свернуть эти семьдесят франков и сунуть их в задницу президенту телекомпании.

Через некоторое время в посольство Франции в Москве пришел перевод на 200 франков.

Когда-то Прут дружил с Горьким и даже считал себя его учеником.

Я спросил Прута, был ли Горький человеком эрудированным.

Прут сказал:

– Не очень. Он, Горький, любил цитаты, но часто произносил их невпопад и неточно.

Однажды приятель Прута, корреспондент «Правды», попросился на обед к Горькому. Прут передал просьбу Алексею Максимовичу.

Тот поинтересовался:

– Ему что, нечего есть?

– Нет, он просто хочет с вами познакомиться.

Приятель был приглашен. Во время обеда Горький сказал:

– Как говорил Франциск Второй… – и дальше шла цитата.

Прут ошибку заметил. Но промолчал. А приятель громко заявил:

– Эта фраза принадлежит Франциску Первому.

Воцарилась тишина.

– Нет, Второму, – сказал Горький.

Больше приятеля в гости не звали.

Прут заметил, что в путеводителе по городу Калининграду есть фраза: «В городе Калининграде родился великий немецкий философ Иммануил Кант».

Выступая в Доме литераторов на вечере Академии наук, Прут рассказал про своего друга академика, что в его трудах нашел фразу, которая одна уже увековечила ее автора. И процитировал:

– «В Ленинграде на Дворцовой площади стоит колонна…»

– Ну и что? – спросил академик из первого ряда. – Все правильно.

– Я не закончил, – невозмутимо продолжал Прут. – «А на ней изображение ангела в натуральную величину». Получается, что моему другу известна натуральная величина ангела.

Эстрадный артист, куплетист Н. Рыкунин когда-то отдыхал в

«Империале». Вышел на улицу и увидел, как к санаторию подъехал шикарный автомобиль. Из него вышел молодой человек и спросил:

– Вы, наверное, русский? Только русские так рассматривают автомобили.

– Да, – признался Рыкунин, – я из Москвы.

– А вы знаете Прута?

– Это мой друг, – сказал Рыкунин. Молодой человек отдал Рыкунину свою машину на целый месяц.

Это был сын школьного друга Иосифа Леонидовича Прута.

Когда Прут однажды приехал в Лозанну, местная газета написала: «Из Советского Союза приехал господин Прут. Не вздумайте говорить при нем тайное по-французски. Он этот язык знает лучше нас».

Прут сказал мне:

– Никита Богословский у меня вот здесь, – и показал кулак.

– Почему?

И я услышал такую историю.

Однажды Пруту позвонил Павел Лисициан и попросил послушать его концерт, который будет по радио после двенадцати ночи.

– Тебя, – сказал Прут, – я готов слушать и после двенадцати.

Прут сел в кресло и стал слушать. Объявили «Вступление к трем неаполитанским песням» и заиграли мелодию песни «Темная ночь».

Прут тут же позвонил Богословскому и объявил:

– Ты говно.

– Кто это говорит? – спросил спросонья Богословский.

– Весь город говорит. Я только что слушал «Вступление к неаполитанским песням».

А дальше Прут сказал мне:

– Хорошо ему теперь знать, что Прут у него всегда в тылу? Это даже немцам не нравилось.

А это четверостишие Прут сам сочинил и спел в ЦАРИ в присутствии Соловьева-Седого на мотив «Хризантем»:

Соловьев, Соловьев, Соловьев ты седой,
Только песни твои вот с такой бородой.
В восемьсот девяносто четвертом году
Отцвели уж давно хризантемы в саду.

В «Империале» одна женщина пожаловалась Пруту, что не может здесь спать, поскольку фонари ночью с улицы светят ей прямо в окно.

Прут сказал мне:

– О, это то, что я себе сам сделал в Москве. У нас возле дома не горели фонари. Я позвонил начальнику милиции и сказал ему, что если мне ночью встретится академик из соседнего подъезда, я его зарежу.

– Почему? – спросил начальник.

– Я буду думать, что это бандит, а отвечать придется тебе.

– Почему?

– Потому что я знаком с министром МВД, а ты нет.

Вечером все фонари перед домом горели, и никто в доме не мог спать, в том числе и Прут.

Наум Лабковский, переводчик и сатирик, перевел с украинского на русский Остапа Вишню.

Прут сказал: «Перевел с малорусского на еще менее русский».

Память у Иосифа Леонидовича и в восемьдесят пять была потрясающая. Он помнил логарифмы разных чисел и даже число Пи до восьмой цифры. Я проверял.

Поэт Рудерман, написавший песню «Тачанка», жил на Тверском бульваре. Пошел на улицу Горького покупать диван. В магазине ему дали тележку, и он повез свой диван на тележке.

В это время улицу Горького оцепили – по ней ехал какой-то высокий гость.

Рудерман подошел к постовому и сказал:

– Я писатель Рудерман. Я купил себе диван. Милиционер подумал, что это какой-то чокнутый, и отмахнулся от него, послал к капитану. Рудерман подошел к капитану:

– Вы товарищ капитан? Я писатель Рудерман. Я купил себе диван.

Капитан послал его вместе с диваном. Хорошо, что оцепление через час сняли. Это про Рудермана, который болел туберкулезом, Светлов сказал:

– Если бы не туберкулез, он бы уже давно умер. Дело в том, что туберкулезникам давали дополнительное питание.

Никита Богословский однажды пришел на собрание композиторов и сказал:

– Я у вас отниму всего одну минуту. – Вынул ноты и спросил: – Кто может сыграть с листа?

Кто-то вышел и по нотам сыграл песню «В лесу прифронтовом».

– Что это? – спросил Богословский. Все ответили:

– «В лесу прифронтовом» Блантера.

– А теперь прочтите, что написано на нотах. Там стояло: «Вальс из оперетты «Черная пантера». Композитор Имре Кальман».

Дядя Прута умер в Париже в возрасте ста лет.

Когда ему было девяносто восемь, позвонила секретарша врача и стала заполнять анкету: адрес, диагноз, этаж, код и наконец возраст.

Дядя сказал:

– Девяносто семь лет. Прут спросил:

– Зачем ты соврал, тебе же девяносто восемь.

Дядя ответил:

– Врачи не любят лечить стариков.

Прут на встрече с труппой Карловарского театра рассказывал:

– Меня часто спрашивают, как мне удалось прожить столько лет. Обычно я отвечаю так: «Я был женат несколько раз. Каждый раз, женившись, я говорил жене: "Я человек тихий, не скандальный, если ты будешь повышать на меня голос, я тут же уйду на улицу"». Итак, я всю жизнь живу на свежем воздухе.

Прут инсценировал «Театральный роман» Булгакова, который, как известно, не окончен.

В «Театральном романе» есть сцена с пистолетом. Прут с нее начал инсценировку и пистолетом закончил.

Отнес инсценировку жене Булгакова. Она прочла и попросила не отдавать пьесу в театр.

– Почему? – удивился Прут.

– Вы знаете, почему Михаил Афанасьевич не закончил роман?

– Нет.

– Потому что он не мог придумать концовку. А вы придумали, поэтому не надо.

Прут так и не отнес пьесу в театр. Я спросил Прута:

– Наверное, Михаил Афанасьевич был очень сложный человек?

– Да.

– Обидчивый?

– Нет, он считал, что обижаться – это унижать себя. Я тоже ни на кого не обижаюсь. Человек, равный мне, не может меня обидеть намеренно, а обижаться на неровню не стоит.

Когда о Пруте плохо написала английская газета, лорд Болингброк спросил:

– Почему вы не ответили?

Прут сказал:

– Я вам удивляюсь, ведь вы лорд и знаете, что нельзя драться на дуэли с лакеем.

А однажды Прут сказал мне:

– Надо сделать все, чтобы умереть здоровым. Я ответил:

– Мне это уже не удастся.

Когда Луначарский ушел с поста министра культуры, на его

место назначили начальника Политуправления. А тот поставил во главе реперткома заведующего гаражом.

Прут привел к нему М. Булгакова с новой пьесой. Бывший завгар сказал, что пьеса Булгакова не пойдет, как и все последующие.

– Как это так? – возмутился Прут.

– А так, – сказал бывший завгар. – Бул Гаков, и нема Гакова.

Восьмидесятилетний Иосиф Леонидович Прут пошел на лекцию о долголетии. Врач Пуговкин говорил о средней продолжительности жизни вообще и о том, что у нас она в связи с чудовищным улучшением условий жизни дошла аж до семидесяти лет. Потом почему-то вдруг заговорил о неграх и спросил чисто риторически:

– Ну кто может быть несчастнее безногого нищего негра в США?

– Только безногий нищий негр в СССР, – сказал Прут.

Лектор нервно рассмеялся и кивнул на Прута:

– Какой остроумный молодой человек.

Прут победоносно посмотрел вокруг себя. А лектор продолжал говорить о пользе умеренности. О вреде излишеств.

– Вот посмотрите, среди вас сидит молодой человек довольно преклонного возраста. Он наверняка сдержан в своих жизненных проявлениях. Как говорится, «живи просто – доживешь до ста». Вы курите? – спросил он у Прута.

– Нет, – ответил Прут.

– Вот видите! – обрадовался лектор. – А пьете?

– А как же!

– Но уж наверняка всю жизнь прожили с одной супругой?

– Женат в четвертый раз! – гордо заявил Прут.

– Ну что ж, бывают исключения, – сказал лектор и стал рассказывать о том, что надо каждый вечер пить кефир и есть поменьше мяса.

– Вот наш любезный э-э-э… долгожитель наверняка не ест мяса и обожает кефир.

– Мясо ем каждый день, – сурово сказал Прут, – а кефир терпеть не могу.

Тут лектор потерял терпение:

– Вот вы и выглядите на семьдесят лет.

– Спасибо, – улыбнулся Прут, – мне уже восемьдесят.

Прут ездил во Францию и Швейцарию к своим родственникам и всегда привозил оттуда чемодан лекарств – для всех своих друзей и знакомых.

Однажды, узнав, что у меня нет видеомагнитофона, он предложил мне чеки. Тогда видеомагнитофон можно было купить

только в «Березке» на чеки. И вот я заехал за ним домой на Аэропорт и повез аж на Сиреневый бульвар, там была «Березка» с аппаратурой.

Мы приехали, а магазин закрыт на учет.

Я долго перед Прутом извинялся и отвез его домой. Больше бы я к нему, конечно же, не обратился. Однако Прутик недели через две сам позвонил и предложил поехать в «Березку». Мы поехали, и я наконец купил себе видеомагнитофон.

Помню, однажды он вдруг позвонил и спросил:

– У вас все нормально?

– Да так, по-разному, – сказал я, – а почему вы спрашиваете?

– Мне Леночка твоя приснилась, я решил позвонить, справиться.

Как раз в это время Лена попала в больницу.

Чем я ему мог быть полезен? Практически ничем. На его девяностолетие я подготовил поздравление. На сцене ЦДЛ, пародируя Урмаса Отта, брал интервью у Ельцина и Горбачева, которых изображал пародист Михаил Грушевский. Речь шла, естественно, о Пруте. Он был очень доволен. Это было 18 ноября 1990 года. А в декабре я собрался в Америку. Случайно встретил Прута. Он спросил, где я был за границей. Я сказал, что весной был в Англии.

– И что же ты не сказал?

– А что, – ответил я вопросом на вопрос, – у вас там, конечно же, подруга – королева Английская?

– Нет, – сказал Прут, – герцог Бэкингемский. Между прочим, я единственный не королевских кровей состою в Клубе королей Европы. А куда ты направляешься сейчас?

– В Америку. У вас там тоже кто-то есть?

– У меня там, чтобы ты знал, во-первых, Бел Кауфман, писательница, автор книги «Вверх по лестнице, ведущей вниз». Ты читал?

– Читал.

– А заодно она внучка Шолом-Алейхема. И во-вторых, у меня там миллиардер Джон Джонсон (фамилия мною выдумана. – *Л.И.)*. Когда я еду в Швейцарию, он садится на самолет и летит в Европу, чтобы встретиться со мной. Так что приезжай ко мне, я тебе дам к ним письма.

Я приехал к Пруту, он мне показал фотографию: маленькая девочка сидит на коленях у Шолом-Алейхема.

– Это Бел Кауфман, – сказал Прут.

Он дал мне два письма. Одно к писательнице, другое к миллиардеру.

Приехав в Америку, я не очень-то спешил звонить друзьям

Прута, понимая, что им не до меня.

Однажды мой хозяин Джозеф, у которого мы жили, повез нас с женой в магазин Трампа, и там я увидел витрину с бриллиантами. Над витриной висела табличка, на которой было написано имя моего миллиардера.

Я похвалился, что у меня есть к нему рекомендательное письмо.

Джозеф изумился:

– Как, у тебя к нему письмо и ты не звонишь? Сегодня же звони, для меня это очень важно.

Правда, и Джозеф совсем не бедный человек, сам миллионер, но, услышав про этого Джона Джонсона, так разволновался…

На другой день я позвонил Бел Кауфман и Джонсону.

Кауфман, узнав, кто я, тут же радостно закричала:

– Что же вы не появляетесь? Я вас жду. Скажите, как прошел юбилей Онечки? Приезжайте, попьем кофе, поговорим!

Я пообещал вскоре приехать.

Что касается Джонсона, то его, конечно же, не оказалось на месте. Секретарша сказала, что он куда-то улетел. А буквально на следующий день я заболел и провалялся неделю с температурой.

Звонила Бел Кауфман, я перед ней извинился, что не могу приехать.

А этот Джонсон пропал. На что мой Джозеф философски заметил:

– Бедные сами тебя найдут, а богатого никогда нет.

Выздоровев, я поехал на Ниагарский водопад, вернулись мы дня через три. Меня встречал возбужденный Джозеф:

– Слушай, тебя разыскивает этот Джонсон, его секретарша уже три раза звонила. Кто этот Прут, который так всем нужен?

Я перезвонил Джонсону, но он опять куда-то уехал. А мне уже пора было домой. Я не увидел ни Бел Кауфман, ни Джонсона, но мне было приятно, что они так уважительно относятся к Пруту.

В 2000 году вышла книга воспоминаний Прута. Я очень рад, что поспособствовал ее выходу.

Издатели боялись, что книга не разойдется. Кто теперь помнит Прута? Однако я был уверен в успехе. Так оно и получилось. 5000 экземпляров разлетелись буквально в месяц. И не удивительно. Прутик в своей жизни встречался с такими интересными людьми! И сам Иосиф Леонидович был замечательным человеком. Я счастлив, что дружил с ним.

А вы, дорогой читатель, обязательно купите книгу Прута. Она называется «Неподдающийся» и вышла в издательстве «Вагриус».

Прочтите. Не пожалеете.

Виктория Токарева

В одну из поездок «Клуба «12 стульев» я сосватал Викторию Токареву. Она дружила с Виктором Веселовским. Но как раз в этот период они были не слишком дружны. Токарева очень нуждалась. Денег не было, и сценариев в то время ещё не было. А рассказами да редкими «Фитилями» что можно заработать?

Меня Витя пригласил в Томск, а о Токаревой речи не было. Я рассказал Вике о поездке, посоветовал позвонить и самой напроситься. Так оно и получилось: Вика приехала к Веселовскому, он опять воспылал к ней теплыми чувствами и позвал в Томск.

Народу ехало много. Владин, Кучаев, кроме тех, кто обычно: Суслов, Резников, Арканов, Горин, Иванов – всего двенадцать человек, по количеству стульев. Поездка получилась весёлая. Пока доехали до аэропорта, Кучаев, Владин и Веселовский уже были веселыми, а Иванова просто можно было выносить.

Но как-то погрузились в самолет, долетели. Кучаев, самый красивый в нашей компании, ухаживал за Токаревой. Мне она тоже нравилась. Интересная женщина, слегка полноватая, талантливая. Кажется, она первая получила премию «Золотой телёнок» или одна из первых. Виктор Васильевич ревниво следил за ней. Выступать в таком составе было ей трудновато. Она всё же писала литературные рассказы, а не эстрадные. Однако вспомнила свой «Фитиль», сделанный из анекдота, вот его и рассказывала. Да ещё в то время как раз вышел фильм «Джентльмены удачи», где Токарева и Данелия были сценаристами. И она рассказывала, как придумала ругательство «редиска» для Евгения Леонова. Кстати, «редиска» пошла в народ и до сих пор означает «плохой человек».

Через день Вика уже поссорилась с Веселовским.

Мы поехали на томскую толкучку. А это было нечто особое. Это теперь огромные рынки не производят на нас впечатления. А тогда одесская толкучка, где продавалось всё, вплоть до атомной бомбы, томская толкучка, где можно было купить любую меховую шапку и даже медвежью шубу, эти толкучки в то время повального дефицита были просто праздником. Я там купил волчью шапку и носил её потом лет пятнадцать, а потом ещё года два кот наш, Васька, числил её в сексуальных партнерах. А шапка все ещё была целой. Я про эту шапку рассказывал легенды. Дескать, когда идешь по двору и бежит кошка, шапка бросается вдогонку.

И вот мы на этой толкучке договорились встретиться на

стоянке через три часа. Ровно в два пришли все, кроме Токаревой. Сидим, ждем пятнадцать минут, двадцать. Витя психанул и, поскольку ещё был и зол на Вику, заявил:

– Едем без неё!

Мнения разделились. Кучаев сказал:

– Давайте подождем.

Я тоже был за то, чтобы дождаться.

Но Витя настоял на своем. Тогда Кучаев вышел из автобуса, отправился на поиски Вики, а мы все уехали. Дальше они, Витя и Вика, уже не разговаривали.

Однако деньги Вика заработала и была мне за наводку благодарна.

Но после этой поездки она возненавидела Веселовского и готовила ему «страшуню месть».

Время от времени она звонила мне и говорила:

– Всё, придумала.

Одна из придумок была такая. Она подгоняет ассенизаторскую машину к Витиному кабинету, вставляет в окно трубу и заполняет нечистотами его кабинет. Но кабинет был на пятом этаже здания «Литуратурной газеты» на Цветном бульваре. Поэтому план не был осуществлен.

Однажды Вика приехала ко мне на свидание. Свидание было целевым. Мы пошли в Дом обуви, там у меня была знакомая продавщица, надо было купить туфли Викиной дочке.

Потом мы пошли по Маломосковской, ко мне в гости. Зашли в магазин, я хотел купить коньяку. Она громко, на весь винный отдел сказала:

– Не траться, я тебе все равно не дам.

Но коньяк я тем не менее купил. Пошел дождь, мы побежали ко мне домой. Вика действительно ничего мне не дала, зато мы выпили и поговорили. Она спросила, что я сейчас пишу. Я рассказал, что задумал небольшую пьесу. Некто собирается уйти от жены. Она его не считает за мужчину. Он нашел другую и вот сейчас должен сообщить жене, что уходит, но поскольку трусоват, позвал соседа поприсутствовать. Они ждут жену. Он жалуется соседу на неё. Жена не приходит. Через полчаса сосед говорит:

– Да ты её не жди, она у меня. Мы с ней любим друг друга, она ушла от тебя ко мне.

– Как так?!

И тут начинается обратный ход. «Как она меня могла предать?!»

Вот такая забавная завязка.

Наутро в полседьмого звонок. Звонит Вика:

– Леня, я всю ночь не спала.

– Что такое?

– Я не могла спать, я все время вспоминала историю, которую ты мне рассказал.

– Какую историю?

– Ну, вот эту пьесу…

А потом последовала гениальная фраза:

– Леня, ты все равно её хорошо не напишешь, отдай её мне.

Отказать ей я тогда не мог, она мне нравилась, а сюжетов у меня в то время было полно.

Я сказал:

– Конечно, бери, я тебе дарю.

Она написала рассказ «Сладкие объедки», напечатала в «Крокодиле», видно, к тому времени ещё не помирилась с Веселовским.

А дальше она помогла мне поступить на Высшие сценарные курсы. Вернее, помогли двое – она и Веселовский. Председателем приемной комиссии был Г. Данелия. Они за меня попросили. Я привез Георгию Николаевичу свои рассказы. Он прочел. Человек был принципиальный, если бы не понравилось, не взял. А он сказал:

– Мне понравилось. Только вот этот рассказ вынь.

Рассказ был про красный флаг. А дальше меня приняли на курсы, но об этом потом.

Когда я учился на курсах у Данелии, Вика иногда звонила мне и просила позвонить ему. Она ему домой звонить не могла. Я звонил и говорил:

– Георгий Николаевич, это ваш любимый ученик, позвоните, пожалуйста, – и вешал трубку.

А он уже перезванивал Вике.

Вот таким передатчиком я был. Они тогда написали вместе, втроем, Вика, Резо Габриадзе и Данелия, сценарий «Мимино». Это – классика. Фильм и смешной, и трогательный. Особенно смешным, уникально остроумным мне казался эпизод в лифте, когда там едут Буба Кикабидзе, Фрунзик Мкртчян и два японца, и один японец говорит другому: «И как эти русские различают друг друга?»

Я спросил Вику:

– Кто этот эпизод придумал?

Она сказала, что Данелия вспомнил какую-то байку.

Через много лет, когда отношения творческие у Вики с Данелией закончились, а сам он потерял сына, развелся с женой и вновь женился, я встретил Вику в Дубултах, на Рижском взморье. Она попросила:

– Проводи меня.

Мы сидели в кафе, и она рассказывала мне, как она прекрасно живет. Как у неё все хорошо в личной жизни, как она здорово издается и так далее. Рассказала, что давно уже выбросила Данелию из головы и из души, и вообще всё замечательно. Я ничем таким похвастаться не мог. У меня все было не очень.

Через полгода мы свиделись с ней в ЦДЛ, и она сказала:

– Помнишь, я тебе рассказывала, как у меня все замечательно? Так вот, тогда у меня была самая тяжелая полоса. А теперь все нормально.

Потом я её пригласил в передачу «Шоу-Досье», но не одну, а в компании с Машей Распутиной и Кларой Новиковой. Она отказалась. Но одну её я пригласить не мог. А она обиделась.

Однажды я ехал в машине и слушал по «Эхо Москвы» интервью с Токаревой. Она говорила о том, что не может читать Достоевского, потому что тот писал без юмора. «Ничего себе», – подумал я. У Достоевского в «Братьях Карамазовых» есть сцена «мальчики на базаре», настолько смешная, что её можно было бы просто читать с эстрады. Я заподозрил, что она «Братьев» не читала.

Едели через две встретил Токареву в Доме кино. Она очень мило поболтала с моей спутницей Рубальской. Потом холодно кивнула мне. Однако я всё же спросил про интервью и про то, что у Достоевского нет юмора. Она засмеялась и сказала:

– Ну, если честно, я его не читала вообще.

А сейчас я читаю её сборник. Очень лихо сделанные рассказы.

Когда-то Ф. Камов сказал о её рассказах: «пузырьки на воде». Ну, может, так оно и есть. А вот читающая публика её рассказы любит. В них точно есть юмор, есть житейские поучительные истории, и она, конечно, замечательный рассказчик, владеющий интригой. Но когда я читаю у неё фразу: «Сначала было слово», я понимаю, что Библию она тоже читала не очень. Правда, она же в замечательном рассказе «Римские каникулы» совершенно откровенно говорит о своей необразованности.

Может, и пузырьки, но какие замечательные!

Смотреть на них интересно.

Аркадий Хайт

Даже не могу вспомнить, когда мы с ним познакомились. Кажется, у Феликса Камова или Левенбука.

Но помню, когда мы, Измайловы, принесли Феликсу свой спектакль «Цирк», они с Хаитом работали. Феликс предложил Хаиту отмечать то, что из спектакля понравится. Спектакль состоял миниатюр из двенадцати. Они были положены на цирковые номера.

Мы вчетвером читали весь спектакль, а Феликс и Аркадий загибали пальцы. В результате обоим понравилось одинаковое количество миниатюр.

В то время они, Феликс, Хаит и Курляндский, уже писали «Ну, погоди!». Бестселлер советского времени. Они втроем получили только гонорар за сценарий и еще по 200 % потиражных. Допустим, гонорар в 70-е годы был 1200 рублей и еще 2400 на троих. По тем временам это хорошие деньги. Но если бы они написали такой фильм за границей, они были бы миллионерами. Восемь серий они написали втроем. Выпущены фильмы были огромными тиражами. А теперь представьте себе, сколько было выпущено разных маек, фуражек, игрушек с символикой «Ну, погоди!». И это все мимо них, как говорится, мимо кассы.

Феликс мне рассказывал, что какой-то завод начал выпускать открывалки для бутылок в виде Волка и Зайца. И на доход от этих открывалок на юге был построен пансионат. Феликс сказал:

– Хоть бы пригласили на пару недель отдохнуть. Куда там, грабительское государство. Обворовывало своих граждан нещадно и безнаказанно.

Хаит был года на два старше меня. Когда мы в 68-м году только начинали писать юмор, Хаит с Курляндским были уже известными писателями-сатириками. Их эстрадные номера исполняли лучшие артисты-разговорники.

В начале 70-х в «Клубе «12 стульев» печатались знаменитые рассказы «Слон», «Аксиома». Особенно мне нравился их рассказ про батюшку, который в электричке разговаривал с юношей. Тот утверждал:

– Бога нет.

Священник возражал:

– А откуда вы знаете?

– Из книг.

– А я знаю книгу, где написано, что Бог есть.

– Это что за книга?

– Библия. И т. д.

Очень точно были подмечены полнейшая безграмотность нашего народа в вопросах религии и тупой бездумный атеизм. Концовку, правда, им пришлось сделать фальшивую, для печати.

– Так, значит, все-таки есть Бог? – спрашивал парень.

– В том-то и дело, к сожалению, что нет, – отвечал батюшка.

Аркадий Хайт был уникально остроумным человеком. Он не был таким балагуром, держащим стол, как Борис Брунов. Нет, он всегда в компании сидел тихо, скромно, но мог так сказать, что сразу становилось ясно, кто здесь главный по юмору.

Брунов всегда в застолье под конец говорил тост по очереди про всех присутствующих на празднике гостей. Из трех реприз две были хорошие. Однажды у Хайта был день рождения. Мы праздновали его в Доме журналистов. Были Кваша, Хазанов, не помню, кто еще, но человек 12 было. В конце вечера Хайт повторил трюк Брунова. Он сказал тост про каждого, и все шутки были в десятку.

В 70-е годы уже начал тамадить по Москве Юлик Гусман. Его знали по КВН. Он тогда не был так остроумен, как теперь. Теперь просто фейерверк какой-то. А тогда у него был определенный набор шуток-поплавков, и он перебирался от одного поплавка к другому, по пути немного импровизируя.

Однажды он оказался в одной компании с Хайтом, кажется, у Кваши. Гусман шутил по поводу всех сидящих. У него вообще тогда была манера – выбрать за столом жертву и доставать ее под общий смех. Он шутил по поводу всех, но Хайта не трогал. Кваша все время подзуживал Юлика:

– А что же ты про Хайта не пошутишь? Гусман сказал:

– А что тут шутить, он ведь без Курляндского ответить не сможет.

Особенно остроумно тут ответить было трудно, поэтому Хайт бросил «заманивающую» фразу:

– Юлик, ты уже начал свои еврейские штучки?

– Между прочим, я тат, – подставился Гусман, и тут же последовал выстрел:

– Тат – это тот же еврей, но только сильнее обрезанный.

Все покатились со смеху. Возможно, в пересказе эта шутка не покажется вам, дорогой читатель, сильно остроумной. Но там, за столом, сказанная моментально и по поводу человека, который только что над всеми шутил довольно издевательски, вызвала гомерический хохот.

Все знали, что Хайт уникально остроумный человек, и не нарывались. Уже в 90-м году на каком-то юбилее «Современника», когда в зал вошли Ширвиндт и Державин и прямо в зале стали

задираться с публикой и остроумно отвечать, Ширвиндт, подойдя к Хайту, вдруг сразу осекся и задал вопрос кому-то другому – понимал, что Хайт ответит как следует. А жалко, потому что у Аркадия уже был готов ответ:

– Говорили, что здесь хорошо будет шутить Ширвиндт, и, как всегда, обманули.

Я сам как-то нарвался на его остроту. Мы сидели в гостях у Таты Земцовой, известной своим гостеприимством тусовщицы. Было человек 12–14. Незадолго до этого Хайт написал миниатюру «Вороньи яйца». Она имела огромный успех. А я, зная, что Хайт в жизни ничего ни для кого за столом не читал, стал его подначивать:

– А пусть Хайт прочтет «Вороньи яйца». Давайте все попросим!

Все стали просить, но Хайт отмалчивался. Когда я в третий раз сказал:

– А пусть Хайт прочтет «Вороньи яйца», – Хайт не выдержал и сказал:

– Я прочту «Вороньи», если ты покажешь свои.

Конечно, грубо, но в той обстановке, где Тата материлась через каждое пятое слово, это как раз было к месту.

Хайт частенько подсказывал мне хорошие фразы. Иногда и я тоже что-то ему давал. Например, репризу про одеколон. Был у нас в то время одеколон «Турист». А реприза звучала так: «Одеколон «Ландыш» пахнет ландышем, «Фиалка» – фиалкой, а чем пахнет одеколон «Турист»?» Ну, и так далее. Хайт попробовал репризу в тексте. Она хорошо у него прошла.

Он после своего выступления сказал мне:

– Годится реприза с духами, прошла. Спасибо.

Мне всегда нравилось, как Аркадий одевался. В те времена всеобщего дефицита он всегда был одет в западное. Особенно мне нравилась куртка замшевая, чуть ниже талии, с шерстяным вязаным поясом. Как только я начал ездить за границу, сразу купил себе такую же куртку. Но на мне она сидела значительно хуже. Хайт был высокого роста, со спортивной фигурой.

В поездках у него были разные иностранные мелочи, например электрическая бритва, которую можно было заряжать, а потом бриться в течение нескольких дней. Сейчас это не редкость, а тогда, в 70-х, – такой дефицит, сегодня трудно даже представить.

У Хайта было очень много разных словечек, прибауток, которые он сам и придумывал. Например, если дело плохо, он говорил: «Тухлевич-Валуа». Дело в том, что в 70-е годы был такой довольно известный актер Карнович-Валуа, вот из этой фамилии

Хайт и сделал пословицу. Это Хайт когда-то придумал гениальную фамилию, когда ни о каком Бородине еще и не слышал никто, – «Пал Палыч Смертью-Храбрых». И кто бы ни присваивал себе сегодня авторство этого сочетания, я-то точно знаю, что придумал его Хайт.

В середине 70-х годов жена Горина была редактором по юмору в «Добром утре» на радио, а жена Арканова – редактором по юмору в «Клубе «12 стульев». Хайт тут же на это откликнулся. Он сказал:

– Они забыли, видно, что юмор через секс не передается.

Вместо слова «секс» стояло, конечно, другое, но я из скромности его употреблять не стану.

Это именно Хайт сказал мне однажды, когда А. Иванов вышел совсем пьяным на сцену:

– Знаешь, как называется падение Саши в оркестровую яму?

– Нет.

– Первый концерт для Иванова с оркестром.

Честно скажу, я был просто влюблен в Хайта. Он был моим старшим товарищем. Он был талантливее и опытнее. Мне хотелось с ним подружиться, что и произошло, когда мы стали вместе ездить с «Клубом «12 стульев». У нас было много общего. Во-первых, мы оба писали Хазанову. Общие обиды на него сближали. А обиды обязательно должны были быть, без обид у автора и артиста не бывает. Потом мы оба писали Лифшицу и Левенбуку. И больше того, каждый из нас был соавтором Левенбука. Кроме того, мы оба дружили с Феликсом Камовым. Но Хайт все-таки был где-то в другой компании. Он дружил с Левой Збарским и Квашой. Через них познакомился с Ахмадулиной. И я помню, как жена Хайта Люся взахлеб рассказывала о встрече Нового года у Людмилы Максаковой. Как будто там собирался высший свет, а мы жили в каком-то другом мире. Хотя правда, у Максаковой муж Уля был из ФРГ, по нашим меркам миллионер. И Люда Максакова снабжала весь свой театр лекарствами и одаривала друзей подарками. Хайту очень льстило это знакомство, и он за эту компанию очень держался. Они с Гришей Гориным даже ездили к Максаковой помогать перебирать библиотеку. Но надо сказать, что и к Таничу, когда тот переезжал в новую квартиру, Хайт тоже приехал перетаскивать мебель.

Мы были втроем, помощнички – Хайт, я и Леша Черный, композитор. И когда Леша с неуемным рвением позвал нас тащить какой-то тяжелый шкаф, Хайт, смеясь, сказал:

– Нет уж, это ты сам. Мы же с Лионом не композиторы, нам тексты Танича не нужны.

Вообще он очень интересно острил. Скажет шутку и сам

смеется, радуясь, что получилось смешно.

Однако со сцены он шутил, не смеясь, а с улыбкой, прищуривая глаза.

Хайт тоже, как и жена его Люся, с удовольствием иногда рассказывал новости из «высшего света» о Максаковой, Кваше и Збарском.

Мне запомнилось, что после празднования Нового года в той компании Горин, выйдя наутро из туалета, сказал:

– Вот интересно, какие продукты ни ешь, хоть ананасы, а в результате все равно получается одно и то же.

Итак, на гастролях мы с Хайтом были вместе. Он в нашей компании проходил лучше всех. В кавказской поездке он попробовал впервые прочитать «Вороньи яйца». В Грузии в зале филармонии на 2500 человек просто рев стоял, тем более что герой рассказа – грузин.

Гена Хазанов переживал, поскольку номер был написан для него, а исполнял автор. Естественно, артист имел бы еще больший успех с таким текстом. У них, у Хайта с Геной, уже были сложные отношения. Оба самолюбивые, амбициозные, и это вечное противостояние автора и артиста… Как правило, артист не хочет делиться ни славой, ни деньгами. Вы, наверное, заметили, что почти ни один эстрадный артист не объявляет автора.

Райкин, когда выпускал спектакль, имел программку, в которой напечатаны были фамилии авторов. Понятно, что зрителям, во всяком случае, подавляющему большинству зрителей, до лампочки, кто там автор, но автору-то не до лампочки. Почему-то когда поют песни, то объявляют и поэта, и композитора, а юморист выходит и читает все как свое. Автор стоит, слушает и переживает: опять он в безымянной братской могиле.

Поэтому и появляются Задорновы и Жванецкие, которые читают не хуже артистов и ни с кем уже славу свою не делят и никому ее не отдают.

Перед тем как поехать по трем кавказским городам, мы жили в Каштаке под Сухуми – мы с Хайтом, Левенбук и наши жены. Жили прямо на берегу моря, в десяти шагах от воды. Наш хозяин, Зелимхан, потом был описан Фазилем Искандером в повести «Морской скорпион».

Днем мы с Хайтом ходили на гору за обедами – там одна женщина нам готовила. Подумать только, было время, когда пообедать было негде. Существовала одна закусочная, в которой есть было просто невозможно.

Мы поднимались в гору, и Хайт мне всегда что-нибудь рассказывал. И всегда интересно. А еще Арик, как его называли

близкие, пел мне песни Джо Дассена. Жена его Люся в прошлом была переводчицей с французского. А у Хайта были просто уникальные языковые способности. Он свободно говорил по-английски. Пел по-французски. Перед тем как навсегда уехать в Германию, очень быстро выучил немецкий. Причем никогда ни на какие языковые курсы не ходил.

Самоучка. А кроме того, у него был абсолютный слух, он моментально запоминал новые мелодии и тут же точно воспроизводил их.

Вечерами в Каштаке мы сидели на кухне с Зелимханом, его женой Надей и их дочкой. Мы, естественно, шутили. Все, включая наших жен, хохотали. Я все время поражался тому, какие у Хайта крученые репризы. У меня шутки какие-то простые, а у него всегда с поворотом, со вторым смыслом.

Однако Хайт меня успокаивал:

– Ну, видишь, простые у тебя ходы, но они же смеются, значит, все нормально.

Аркаша мог пошутить довольно обидно.

Мы выступали в Тбилиси, и наши жены пошли в театр. Когда они возвращались в гостиницу по улице Руставели, за ними чуть не погоня была. Все мужчины обращали на них внимание, что-то вслед кричали.

Люся потом стала рассказывать:

– Аркаш, ты представляешь, они нас просто затерроризировали.

Аркаша перебил:

– Кого нас, ты-то куда??! Это все они на Ленку выставились.

И был не прав, поскольку Люся хоть и старше Лены была лет на пять, однако выглядела прекрасно. Маленькая такая, пикантная француженка.

Однажды в Киев мы взяли с собой Писаренкова. Альберт Писаренков в 70-е годы был, наверное, лучшим конферансье страны. Злобный, маленький, но очень остроумный человек.

Он возродил на эстраде жанр буриме. Долго тренировался в компаниях, прежде чем вышел на сцену.

Причем делал буриме не просто как Писаренков, а три варианта. Один под Вознесенского, один под Евтушенко, один под Маяковского.

В Киеве Писаренков насел на меня: поговори с Хайтом, чтобы он написал мне программу. А надо сказать, что Хайт про этого Писаренкова слышать не хотел. Они с Левенбуком в свое время сделали целую программу на троих – Петросяну, Шимелову и Писаренкову. Программа шла с большим успехом. Но артисты перессорились, и она была закрыта. Хайт потерял деньги, и

теперь его писать для Писаренкова заставить было трудно.

Но он ко мне в то время относился очень хорошо, и мне все-таки удалось его уговорить. Назвали это представление «В гостях у конферансье». Центром его был Писаренков, он приглашал певцов, артистов оригинальных жанров, а сам делал конферансные интермедии. Вот их мы и писали. Но это были не служебные интермедии, а именно концертные номера.

У меня было много соавторов, но такого, как Хайт, не было никогда. Практически он диктовал, а я записывал. Силы были настолько неравными, что я потом старался дома что-то добавить к уже надиктованному Хайтом. И взял на себя всю организационную часть. Хайт как-то очень здорово находил прием номера. Так точно, что потом полурепризы, попадая в фокус, становились репризами. Писали мы это все в 75-м году, а в начале 76-го года состоялась премьера. Перед премьерой, когда надо было работать по выпуску (собственно, работать надо было Писаренкову), я поехал на гастроли. У меня очень болела мать, и я, понимая, что скоро не смогу никуда уезжать, старался заработать побольше денег. Писаренков жутко обиделся на меня за то, что я уехал. Однако спектакль выпустили. Премьера состоялась в киноконцертном зале «Варшава». Зал был битком. Почти все прошло хорошо. А подсадкой для номера «Итальянская трагедия» был ныне известный телеведущий Дима Крылов. Он с Писаренковым учился в ГИТИСе и вышел на сцену как бы из публики и подыграл замечательно. Все вроде было хорошо. Мы уже считали авторские. А они с такого зала, как «Варшава», были немаленькие. Однако буквально после трех представлений Писаренков подал на отъезд в Израиль. И никаких авторских от его концертов мы не получили. Сразу после подачи он попал в отказ и вынужден был уйти из Москонцерта. А сейчас живет в Америке и работает страховым агентом.

Считая себя виноватым, поскольку именно я соблазнил Хайта этой работой, я стал рассылать артистам тексты нашего представления. А поскольку тексты были хорошие, то очень многие конферансье их исполняли, так что, думаю, мы от этого только выгадали.

Хазанов, конечно, ревновал. Он хотел, чтобы Хайт писал ему одному, но Хайт писал кому хотел.

Они уже к тому времени разошлись с Курляндским и писали с ним только сценарии «Ну, погоди!».

В 1976-м году осенью Хазанов и Хайт поехали в дом отдыха «Вороново» писать программу. Хазанов позвал и меня поехать, просто так. Я с удовольствием согласился. Они весь день писали свои номера, а вечером читали их мне. Я человек естественный и

смешливый, по мне можно точно определять – смешно или нет. Где неинтересно, я тут же отключаюсь. Вот так они на мне и проверяли свои тексты. Там, в «Воронове», было два интересных момента. Однажды мы смотрели телевизор. Шел какой-то дурацкий среднеазиатский фильм о басмачах. Хайт выключил звук и стал озвучивать героев. В фильме дехканин стоял на коленях среди хлопкового поля, над ним стоял «красный» с ружьем, а Хайт «переводил»:

– Бери землю, твоя земля, бери, тебе говорят, все это твоя земля. Ты теперь хозяин. Советский власть дает тебе этот земля.

Текст, который произносил Хайт с ходу, вступал в полное противоречие с картинкой, и было жутко смешно. Мы с Хазановым просто плакали.

И еще один момент довел нас до истерики. Мы пошли на концерт в доме отдыха. Поскольку была поздняя осень, не сезон, в «Воронове» отдыхали одни шахтеры. Сначала писатель Леонид Жуховицкий поучал этих шахтеров, как им культурно жить в их провинции, ходить в музеи и консерваторию. Шахтеры слегка напряглись, поскольку не во всех шахтерских поселках была консерватория, в некоторых даже бани не было.

А потом на сцену вышел вальяжный, громкоголосый чтец и начал читать какие-то заумные стихи. Я только помню строчку: «И наслаждаться стихом Малларме…»

Тут мы глянули на шахтеров, на их нахмуренные лица, и у нас началась истерика. Люди пришли на концерт, хотели шуток, песен, а тут им какого-то Малларме суют.

Как-то я жил на даче у Хайта неделю. Что нам было делать – конечно же писать. Мы сели и распланировали пьесу «Тест», а потом где-то за месяц ее и написали. Я первый вариант, а Хайт – второй. Я хотел показать пьесу Галине Борисовне Волчек. Собственно, знакомств в театральном мире у меня было немного. Но Хайт категорически запретил показывать пьесу в «Современнике». Там работал его друг Кваша, и он не хотел, чтобы тот на худсовете рассматривал эту пьесу. Мы не знали, хороша она или нет. Для нас это был чужой жанр. Так эта пьеса до сих пор и лежит у меня.

Хайт был парень гордый и самолюбивый. Не забуду, как он был в ярости от того, что Хазанов как-то повез его и своего хомячка на машине и высадил больного Хайта на улице в снег и холод, поскольку куда-то надо было везти хомячка.

Хайт не хотел ни перед кем прогибаться. Как-то мы приехали с гастролей с «Клубом», и вдруг в аэропорту Веселовский сказал, что надо поехать в «Литгазету» давать интервью. Хайт категорически отказался – он устал и хотел домой.

Витя сказал:

– Нужно!

Хайт возразил:

– Тебе нужно, ты и езжай.

И поехал домой. Его не пугало то, что его не будут печатать.

Как-то Хайт спросил меня:

– Если бы у тебя было много денег, ты бы писал?

– Конечно, – сказал я.

– А мне если бы платили тысячу в месяц, я бы точно не писал.

Не знаю, насколько это соответствовало истине.

На одном из дней рождения Аркадия в «Арагви» я увидел его отца. Очень симпатичный мужчина, еще выше Хайта, очень какой-то благожелательный и с юмором. Он был одессит. Хайт рассказывал мне такую историю. Как-то его отец увидел в магазине пальто из букле. Он сходил в Столешников переулок к кепочнику, спросил, не нужен ли ему материал для кепок-букле. Тот сказал:

– Очень нужен.

Папа Хайт пошел, купил пальто, потом принес это пальто кепочнику и продал в два раза дороже. Живи его папа в наше время, он бы был богатым человеком, а тогда, при совке, закончил свою жизнь в доме престарелых. Для меня узнать об этом было неприятно. Такой он был симпатичный мне человек. Однако, может быть, это было его желание.

Женщины Хайта волновали мало. В нашей клубной компании искателей приключений на свою шею он был белой вороной. Не помню, чтобы он за кем-то ухаживал, хотя женщинам нравился. Как-то актриса Ольга Яковлева увидела его по телевизору в «Кинопанораме». Они там с Гердтом ходили взад-вперед и о чем-то разговаривали. Яковлева мне сказала:

– Твой друг Хайт – человек с большим чувством собственного достоинства.

Когда я стал сближаться с Хайтом, Феликс, мудрый мой наставник, предупредил:

– Ты там особенно душу-то не раскрывай. А то он вообще никого, кроме себя, не любит.

И, как всегда, оказался прав.

Был день рождения Хайта в «Арагви». Мне очень хотелось понравиться, и я делал что мог. Веселил гостей и даже притащил за свой счет оркестр, который наяривал нам грузинские песни.

Там за столом произошел спор с Игорем Квашой. Кваша – спорщик от рождения. Причем спорит яростно и грубо. Зашел у нас разговор о Райкине, и мы с Хайтом, молодые нахалы, стали говорить, что Райкин – это разрешенная сатира, что Райкин – это

вчерашний день. Кваша спорил с нами, а потом сказал замечательную фразу:

– Послушать вас, так вообще никого, кроме вас, нет.

Мы поглядели с Хайтом друг на друга и поняли, что Кваша прав. Спор закончился.

Хайт был по-житейски очень мудр. Какие-то его фразы врезались мне в память на всю жизнь. Он говорил:

– Хочешь узнать, как к тебе относится муж, послушай его жену. Муж скрывает свои истинные мысли и чувства, а жена их выдает.

Хайт очень здорово играл в преферанс. Я рассказал об этом своему соавтору Наринскому. Тот играл в преф плохо, но думал, что играет хорошо. И ему не терпелось сразиться с Хайтом.

На даче в Абрамцеве эта возможность ему представилась. Он меня попросил:

– Ну, предложи Аркадию сыграть с нами.

Я предложил. Аркадий посмотрел мне в глаза, понял ситуацию, а дальше в течение 15 минут просто разделал нас обоих. Причем он раздавал карты, а дальше не играл, просто показывал, какие есть варианты, и сразу записывал результат. Наринский был потрясен. Больше он никогда не просил Хайта играть с ним в преферанс.

На дне рождения у Хазанова Хайт сказал тост:

– Гена, ты всегда подражал мне. Я был старше, когда ты только становился артистом, я уже выступал, и ты стал артистом. Я купил квартиру, и ты тоже сделал все, чтобы купить квартиру. Мне было тридцать лет, и ты решил, что обязательно станешь тридцатилетним. Вот твоя мечта и сбылась. Тебе тридцать лет.

Было время, когда мы не общались. В тот период Хайт, поругавшись с Хазановым, написал с Данелией сценарий фильма «Паспорт», за что и получил премию «Ника». Совсем перестал писать на эстраду. Написал пьесу для театра Образцова. Как говорил Владин, написал про себя. Там какой-то творческий человек решает работать не ради искусства, а ради денег и теряет талант. Спектакль шел довольно долго, но славы Хайту не принес.

В тот же период они с Левенбуком начали писать программу Петросяну, но тут их соперником оказался Задорнов, и его монологи получались лучше. Хайт, который уже занялся кино, стал пробуксовывать. Эстрада не любит, когда ей изменяют. К тому же на роль режиссера спектакля Петросяна претендовали Левенбук и Задорнов, и Петросян выбрал Задорнова. И тот, естественно, взял большую часть своих миниатюр. Хайту пришлось потесниться. Все вернулось на круги своя. НЛО, как

говорили мы с Хазановым про Задорнова, сильно задвинул Хайта и Левенбука.

Хайт совсем разошелся с Хазановым. Хазанов говорил мне:

– Он не может мне дать ничего нового. Я его перерос.

Думаю, это было не совсем так. Просто Хайт, как я уже говорил, занялся кино. Он рассчитывал там обосноваться, но в кино он как сценарист не был на таком уровне, как на эстраде. Там сильнее его были многие, а в эстраде никто. Но, видно, Хайту надоело быть зависимым от Хазанова и других артистов.

Интересно, что Хайт обычно ни с кем не доводил отношения до открытого разрыва. Обычно он оставлял отношения в подвешенном состоянии, чтобы всегда можно было их восстановить.

Он жутко обижался на Горина уже в 90-х годах, что тот, ведя передачу «Белый попугай», никогда его в эту передачу не приглашал. Понятно было, что Хайт рассказывал анекдоты лучше Горина, зачем же было Горину звать такого соперника. Хайт мне жаловался, даже бесился из-за этого, но самому Грише ни слова не говорил.

И вот 1993-й год. В Москву приехал Феликс Камов с женой Тамарой. И Лариска Рубальская решила всех нас собрать и предложила поехать на вернисаж в Измайлово. Удивить хотела Феликса. Мы все поехали. И Хайт тоже. А я с ним даже не здоровался. И вот мы ходим вместе, где-то даже остаемся вдвоем, а я демонстративно от него отворачиваюсь. Вижу, что он хочет заговорить со мной, но все равно отворачиваюсь. Вскоре бродить среди этих вторичных товаров Феликсу надоело, и мы поехали домой к Лариске. Сели все за один стол, выпиваем, закусываем.

Перед обедом Феликс мне тихо так говорит:

– Ну, неудобно, что ты с ним даже словом не перемолвился.

Хайт сидит напротив меня, что-то рассказывает смешное. Не будешь же, как дурак, сидеть с серьезной миной. Я тоже смеюсь, раз смешно. Потом он с чем-то ко мне обратился, я ответил. Так вроде и разговаривать начали.

О том, что было, ни он, ни я не говорили. Через некоторое время он мне позвонил, мы стали общаться. Тех отношений, которые были у нас когда-то, теперь, конечно же, не было. Он стал несколько иным. Гордыни стало, как мне показалось, поменьше. Однако с Лариской Рубальской, которая когда-то была в него почти влюблена, у них отношения так и не восстановились.

– Ну да, – сказал он мне, комментируя ее популярность, – конечно, песни эти оставляют желать лучшего, однако их поют и она популярна.

И еще как-то он выразился по поводу Лариски:

– Знаешь, она вполне может сказать мне: «Когда вы гуляли, мы вам не мешали, а теперь мы гуляем, и вы нам не мешайте».

Я вел тогда по Московскому каналу передачу «Шут с нами» и пригласил Хайта.

Он, конечно, был интересен и искрометен по-прежнему. Но не удержался и сказал в эфир:

– Арканов зачем-то поет. Аркан, бросай ты это дело, ведь ты же писатель.

Я ничего не вырезал, так и оставил, предварительно спросив:

– Оставлять или нет?

– Оставляй, – сказал он. – Аркан талантливый человек, а занимается ерундой.

И я оставил, хотя это и было со стороны Хайта довольно жестоко.

В это время он снова сошелся с Хазановым. Они ездили с ним в Германию и в Америку.

Что касается репертуара для эмигрантов, то равных Хайту не было. На еврейскую тему он мог написать как никто. Поехав в Америку в первый раз с Хазановым, он имел успех нисколько не меньший, а потом уже и сам ездил с гастролями по Америке. И гастроли эти были очень успешными.

Хайт вернулся на эстраду. Это был, по-моему, единственный случай, когда человек, однажды бросив эстраду, сумел вернуться в жанр. Обычно это практически невозможно. Но Хайт был настолько талантлив, что ему удалось.

Он написал для Хазанова несколько хороших номеров.

Был какой-то год, то ли 1980-й, то ли 1982-й, когда одновременно в Москве шли три сольных спектакля: Хазанова, Петросяна и Винокура. И все три были написаны Хайтом, при участии, правда, Левенбука в петросяновском и винокуровском спектаклях.

Я помню, мы тогда случайно встретились в Москонцерте со Жванецким, и Миша, человек очень ревнивый к чужому успеху, говорил мне:

– Леонидик, объясни, как это у него выходит. Три спектакля одновременно. Леонидик, как это так?

Мне очень хотелось помочь Хайту в 90-е годы. Он был очень талантливым автором, а его широкая публика практически не знала. Задорнов, который в 1980-м году в подметки Хайту не годился, в 1990-м году был уже фантастически популярен. А Хайта знали только артисты и та часть публики, которую интересуют авторы.

Если бы он в ту пору попробовал дать сольный концерт в Москве, думаю, не собрал бы и трети зала.

Но он здесь, в России, и не выступал, а выступал там, где его знали – в Америке. Раз в год с новой программой проезжался по всей Америке и выступал при полных залах.

После поездки в Германию он сделал мне одно очень заманчивое предложение. Там их с Хазановым продюсер Миша Фридман предложил Хайту издавать для немцев газету на русском языке. К тому моменту в Германии было уже около миллиона немцев, практически русских людей, родившихся в СССР и там же проживших всю жизнь. Им было интересно читать на русском, но о немцах.

Хайт предложил мне вместе с ним делать эту газету. Если издавать ее тиражом в 10000 и продавать по две марки, то это 20000 марок. Если выпускать ее два раза в месяц, то это 40000. Миша Фридман в то время делал концерты в Германии. Одна Ротару дала 48 концертов. Там на концертах можно было на первых порах газету и продавать.

Дело было в октябре. Мы решили выпустить газету к Новому году. С этого и начать. Все обсудили. Хайт куда-то уехал, а я принялся за дело. Заказал хороший коллаж – новогодний политический, с Колем и Ельциным, своему приятелю, Андронику Миграняну заказал международный обзор. Таничу заказал какую-то сказку на тему истории СССР в вождях. Сам сделал и подобрал отдел юмора и детский отдел. Узнал, что Вадим Тонков был внуком великого архитектора немца Шехтеля, и с ним тоже сделал интервью о дедушке. Хайт должен был привезти из Германии материал на местную германскую тему. На все про все Фридман мне выделил тысячу марок. А я за 600 марок все собрал и даже договорился напечатать 10000 экземпляров.

Хайт приехал из Германии, все сначала разругал, потом понял, что разругал напрасно, что-то добавил, что-то подправил, и мы напечатали первый тираж газеты «Треффунг», что в переводе означает «Встреча». В принципе печатать было не обязательно, можно было сделать пленки и отослать их в Германию. Но я решил сэкономить деньги нашему компаньону Фридману, ведь у нас напечатать было в три раза дешевле. И напечатал. В этом и была моя ошибка. Мы сдали газету Фридману 15 декабря. Надо было тут же отвезти ее в Германию и перед Новым годом начать продавать. Фридман вывез газету 1 февраля, а продавать начал и того позже, к 8 Марта. Кому к 8 Марта нужна новогодняя газета? Так наш незадачливый продюсер загубил свою же собственную хорошую идею. В то время в Германии еще не было ни одной газеты на русском языке. Хайт связывал с этой газетой свое будущее. Сорок тысяч марок в месяц на троих не так плохо для начала. Он бы сидел там, я собирал материал здесь, он

добавлял местную тематику, а Фридман продавал. Увы, ничего не получилось.

Году в девяносто четвертом я пригласил Хайта в свою передачу «Шоу-Досье». Естественно, с артистами, которые исполняли, с Петросяном и Хазановым. Передача получилась хорошая. Кроме одного момента. Мы хотели сделать конкурс со зрителями. На каждый анекдот из публики мы с Хайтом рассказываем свой на эту же тему. Однако он заволновался, и мне пришлось самому выходить из положения. Спонсоры, приглашенные мной, дали нам три бесплатные путевки в Италию по 1000 долларов – мне, режиссеру и Хайту. Но за жен надо было заплатить. Однако Хайт пожалел денег и за 500 долларов продал мне свою путевку и, думаю, на меня же и обиделся. А дальше у нас возник конфликт. Он уже подал на выезд в Германию. Был очень нервный, раздраженный. Мы встретились в «Современнике» на юбилее Волчек. В антракте стояли в фойе, мирно беседовали. И я к чему-то сказал, что, наверное, Люся на меня обиделась за Италию. Он вдруг побагровел и начал нести такие гадости, что я опешил. Наговорив гадостей, он развернулся и пошел в туалет. По пути встретил мою жену и сказал ей: «Я обидел твоего мужа». А я даже не разозлился на него. Я вдруг увидел, что он слабый человек, а я всегда считал его сильным. Больше мы с ним не общались. Хазанов позвал меня выступать в своем юбилейном концерте в Израиле, но так как Хайт участвовал тоже, я отказался. Потом Хайт уехал в Германию.

Когда он приезжал в Россию, он был у Петросяна и сказал ему, что жалеет о ссоре со мной. Однако мне так и не позвонил.

Почему он уехал? Он очень был обижен. На все и на всех. Из-за всяких пертурбаций он потерял все свои деньги. Хайт при советской власти хорошо зарабатывал, был лауреатом Госпремии за «Кота Леопольда». И вдруг все его сбережения накрылись медным тазом. Это был для него тяжелый удар. Кроме того, ему надоела зависимость от Хазанова. Она его очень тяготила. Да и сын его уже жил в Германии, закончил там Академию художеств. К тому же Хайт боялся возвращения коммунистов, а в то время оно могло быть вполне реальным. А еще его самолюбию был нанесен сильный удар: люди, гораздо менее талантливые, добились большего – правда, не по творчеству, а по деньгам. Но для него именно деньги были мерилом человеческого успеха.

Он там, в Германии, в 2000 году умер. Очень жаль. Он был удачливым человеком и очень талантливым. Мы сами делаем свою судьбу. Он сделал ее так, как понимал.

Когда-то в Киеве на концерте Хайту пришла записка от зрителя: «Поймает ли волк зайца?»

Хайт моментально ответил: «Пока хочет есть волк и хотят есть авторы фильма – волк зайца не поймает».

Зал бурно аплодировал и хохотал.

Леонид Дербенев

Дербенев Леонид Петрович.

Царство ему небесное.

Уникального остроумия, сложности характера и, конечно, таланта был человек.

Познакомился я с ним году в семидесятом у Павла Леонидова. Был такой великий администратор. Он заслуживает того, чтобы про него рассказать отдельно. Великим администратором я его называю из-за того, что по тому времени он творил что-то невероятное.

Например, гастроли на Дальнем Востоке. Несколько бригад работали на Сахалине, Камчатке, во Владивостоке, Хабаровске, Находке. А на субботу и воскресенье Паша собирал их всех во Владивостоке и делал представление на стадионе.

И вот этот Паша лет в 45 решил стать поэтом-песенником. Решил и стал – уже через три месяца в ЦДКЖ прошел вечер поэта-песенника Павла Леонидова.

За три месяца было изготовлено сто песен.

Конечно, сам он не мог столько написать. Впоследствии поэт Э. Вериго говорил мне, что написал за него очень много. Кстати, Паша был дядей Владимира Высоцкого. Многие в это не верили. А я сам был у него дома и помню, как он говорил с Высоцким по телефону. Тот ему что-то подправлял в песнях, и тут их разъединили – звонила из Парижа Марина Влади.

Конечно, многое писал и сам Паша. Человек он был незаурядный. Помню, он мне читал свои рассказы. Одна деталь мне понравилась. Моряк возвращается домой. Ему кажется, что жена ему изменяет, и он думает: «Изменяет – ладно, но если он лежит у стеночки – убью».

Паша был громкий, скандальный, но широкий человек и много помогал разным людям.

Это он написал песню, где были слова: «Если ты одна любишь сразу двух, значит это не любовь, а только кажется».

Я его спросил:

– Паша, как же так вы пишете «если ты одна любишь сразу двух»? Двух – это женщин. Мужчин – это двоих.

Он подумал и сказал:

– А идите вы со своей «Радионяней»!

Году в семьдесят втором, когда я только-только собирался бросить свою инженерную работу и советовался с ним, как быть, он спросил, какие у меня авторские. С авторскими было плохо – рублей шестьдесят. Нас, соавторов, было трое, и мы только

начинали писать. Он такого не ожидал. Посмотрел на меня с жалостью. Вроде бы уже известный автор – и такие деньги.

У самого Паши в это время авторские были уже по две тысячи в месяц. Потом мне объяснили, как эти авторские получались. К руководителям оркестра подходил администратор, а все они были Пашиными дружками, и требовали, чтобы писали в рапортичку Пашины песни, даже если и не исполняли. Но исполняли тоже много, поскольку все композиторы Пашу уважали и никто не отказывался с ним писать. Ну разве Френкель, которому он когда-то давал зарабатывать, мог отказать Паше?

И вот этот Паша вдруг подает на отъезд.

На вопрос «почему?» Паша мудро отвечал:

– А чтобы потом не жалеть, что не уехал.

Кроме всего прочего, Паша прекрасно разбирался в книгах. Он собирал библиотеку, за деньги естественно, Богословскому, потом, кажется, министру госбезопасности и другим богатым людям.

Паша уехал в Америку. Выпустил там книгу воспоминаний, где многих обидел. Написал, как Розовский «косил» от армии и он, Паша, ему помог. Марик не знал, что делать, ведь это было в советское время. Мог сильно погореть. Ну, и про других тоже.

Говорят, а может, придумывают, что он самым ненавистным людям присылал письма типа: «Те бриллианты, что ты мне дал, я не перевез, а оставил у Антипова, и ты их можешь у него получить».

Он знал, что письма читают в Комитете, и таким образом шкодил.

Но вообще жизнь его там, в Америке, не удалась. Язык учить он не хотел, черной работой заниматься не мог. А его администраторские таланты там были не нужны.

Так вот, к чему я заговорил о Паше. Здесь, в Москве, они жили с Дербеневым не то в одном, не то в соседних домах по Маломосковской улице.

И вот сижу я у Паши, и входит Дербенев. Сразу стало шумно и весело. Паша похвалился, что пишет цикл детских песен.

– Паша, – закричал Дербенев, – я тебя умоляю, оставь в покое хотя бы детей! Давай лучше объявим по радио, что тебе нужны деньги, пусть родители скинутся.

Это было классно сказано. Мы с Дербеневым умирали со смеху.

Конечно, Дербенев был уже тогда замечательным поэтом. Я-то помню написанную еще в начале 60-х песню:

Если лопнет фабричная труба,

Заменить ее можно без труда.
Для замены подойдет
Великан, что целый год
Каждый вечер в кино меня зовет.
Друг для друга подходим мы с тобой,
Лишь когда ты сидишь на мостовой.

У нас ее пели в МАИ в самодеятельности. На поминках у Дербенева Алла Борисовна сказала мне, что тоже пела эту песню в самом начале своего пути.

Году в 83-м мы вместе с ним писали программу для «Голубых гитар» И. Гранова. Предыдущую Наринский и я писали с И. Шафераном, он делал песни для Гранова.

А теперь Гранов поменял поэта-песенника. И нам пришлось сотрудничать с Дербеневым. Пришлось, потому что сотрудничать с ним оказалось ой как не просто.

А мы уже с ним были хорошо знакомы, поскольку ходили в одну и ту же церковь и иногда вместе возвращались домой, я его провожал до Маломосковской, а потом шел к себе на Маленковку.

Придумал я для этой программы нехитрую затею – «Двенадцать праздников», и к каждому празднику было по монологу и по одной-две песни. Заранее распределили проценты по авторским, чтобы потом не было никаких инцидентов. Но инциденты все равно были. Когда программу написали, все и началось. Что-то не проходило цензуру, что-то Гранову не советовали делать, что-то не мог делать его конферансье, бывший музыкант.

Дербенев, когда уже выпускали программу, потребовал, чтобы пересмотрели проценты авторских. Я, естественно, не соглашался. Мой соавтор Наринский – тоже.

Дербенев говорил:

– Ну не получилось у вас хорошо написать.

– У вас тоже не шедевры, – отвечала.

И в самом деле, лучшей песней там была песня со словами «А чукча в чуме, чукча в чуме». Вряд ли кто сегодня вспомнит этот «шедевр». А среди монологов был монолог о женщинах, которые потом исполняли все конферансье страны.

– Нет, – говорит Дербенев, – у меня там нет плохих текстов, а у вас – плохие.

– Ну, не пишите больше с нами, а менять договор я не стану.

Гранов свои проценты отдавать не хотел. Я тоже. Вот мы и ссорились. Дербенев говорил:

– Лион, что вы спорите? Нас вообще сравнивать нельзя. Вы

посмотрите, какие у вас авторские, и какие у меня.

– Ну, если так рассуждать, то вы лучше Пастернака, у него авторские тоже меньше. А Пушкин и вовсе умер в долгах.

Вот так мы и препирались.

Он меня просто доводил до слез.

Конечно, я уступил, но потребовал, чтобы соавтора моего не трогали. Он тогда болел, и я уменьшил только свой процент.

Конечно, ничего из этого путного не вышло. Программа, по-моему, недолго существовала. «Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет».

Дербенев был, конечно, жадноват. Все время на этой почве у него шли скандалы с певцами.

Потом уже, когда мы помирились, он мне все эти скандалы излагал. Все время у него шла борьба то с Киркоровым, то с Распутиной, кто сколько должен платить.

Дома у него было как в антикварном магазине. Вся стена увешана старинными иконами. Жуткое количество бронзовых скульптур. А квартирка маленькая, и весь этот антиквариат ее не украшал, а загромождал.

Дербенев был очень религиозен. Рассказывал, что однажды такое ему открылось, что не забыть. Но что именно, никому не говорил.

Он очень хорошо знал службу и все ее тонкости. Память отличная. Очень много читал религиозной литературы.

Мы с женой его, Верой, все время с ним спорили. Говорили ему, что не в обрядовой стороне суть, а в добрых делах, что лучше бы он не жадничал, не злился. А он то и дело жадничает и злится.

Он начинал кричать на Веру, что она его предает, раз в споре стоит на моей стороне.

Чаще он ходил не в нашу церковь, Тихвинской Божией Матери, а у Рижского вокзала. Там у него был знакомый священник, и он молился за иконостасом. Ему, видно, нравилось быть там, рядом со священниками.

Песни у него, конечно, были замечательные. Достаточно вспомнить «Прощай» – после Лещенко ее пела вся страна, «Качели», «Три белых коня», «Эх-ма, горе не беда», «Россия», «Кап-кап-кап, из ясных глаз Маруси…», «Где-то на белом свете…».

Очень люблю его песню про деревню:

…Снится мне деревня,
Отпустить меня не хочет
Родина моя.

И классика: «Есть только миг между прошлым и будущим…»

Он, конечно же, написал самое большое количество шлягеров. Однако на «Славянском базаре» объявил Танича, как «автора всех российских шлягеров». Отдавал ему дань уважения. Думаю, что Танич был единственным его соперником по стиху.

Писал он только песни, просто стихи – очень редко. Однажды прочел мне стихотворение на религиозную тему. Замечательное стихотворение, но переписать не дал, потому не знаю, известно ли оно кому-нибудь.

Человек он был, конечно, желчный, но очень остроумный. Порой рождались настоящие перлы.

Например, он однажды сказал мне:

– Это же чистый «Золотой ключик». Вот посмотри: Пугачева – это Мальвина, Кристина – это Буратино, Укупник – это пудель Артемон, а Филипп – это Карабас-Барабас в молодости.

Он так давно писал и так давно был известен, что все думали, будто ему уже за семьдесят.

Где-то в начале 80-х он пришел в сберкассу. Подал свою книжку в окошечко и услышал:

– Надь, иди сюда, погляди, сын самого Дербенева пришел.

Однажды я завел в Инкомбанке карточку «Виза». После этого зашел в магазин «Океан», что был рядом, на проспекте Мира. В очереди увидел банковского клерка, с которым только что общались в банке. Я у него что-то спросил про карточку, он мне ответил. Вдруг к очереди подошел Дербенев в лыжной шапочке и какой-то затрапезной куртке. Он услышал наши последние фразы и спрашивает у меня:

– А что за карточка?

Я решил поиграть, сделал вид, будто это незнакомый, какой-то бомж пристает, и говорю:

– Что вы пристаете, стоим, никого не трогаем. Дербенев тут же подхватил игру:

– А чего, спросить нельзя, да? Ты чего такой важный?

Клерк обалдел:

– Что такое?

– Да вот, пристает! – кричал я.

– Нет, что за карточка? – пристал «бомж» к клерку.

– Да отстаньте вы! – замельтешил тот.

– Да что ж такое! – возмущался я. – Нельзя прилично одеться, всякая шпана прет, как на буфет.

– Да ты вообще замолчи! – распалялся Дербенев.

Очередь разделилась. Одни были за «бомжа», другие – за меня.

Клерк решил на всякий случай смыться и покинул очередь.

Мы с Дербеневым тоже ушли из очереди, зашли за угол и

долго там не могли отдышаться – так хохотали. А очередь все продолжала спорить.

Как-то я побывал у него на даче на Икше. Там стоял поставец XVII века. Как он его туда затащил, ума не приложу. И зачем он ему нужен был на Икше? Но он гордился – поставец XVII века. Огромный, на полкомнаты.

У него был друг в Новосибирске, врач-травник по кличке Колдун. Знающий был травник, ездил на Алтай собирать травы и поддавал здорово. Михаил Михайлович. Привозил он из Новосибирска какие-то настойки и помогал Дербеневу, а вот в последний раз не помог. Я к нему тоже обращался за помощью. Он чего-нибудь пропишет и просит:

– Только ты Дербеневу не говори. А то ведь ты знаешь, какой он насмешник. Скажет, что Колдун прописал горячий навоз к голове прикладывать или что-нибудь в этом роде.

Дербенев к нему иногда и туда, в Новосибирск, ездил и привозил лекарства и себе, и друзьям.

Нет, человек-то он был отзывчивый. Мог, конечно, ради красного словца не пожалеть мать и отца, но все же, в глубине души, добрый.

Говорили, что он антисемит. Он, конечно, любил поговорить на тему «Что же вы, евреи…» и так далее, но дальше этого, во всяком случае со мной, дело не шло.

Был у него духовный отец, о. Николай – священник, который нечистую силу изгонял. И придерживался настолько крайних взглядов, что даже был лишен прихода. Но его Дербенев слушался беспрекословно.

Когда-то в молодости Леонид Петрович занимался йогой. Показывал, как мускулы живота у него ходят. Фигура у него была замечательная.

Однажды он увидел на мне финский модный плащ. Было время дефицита. Такой плащ достать было непросто.

– Лион, продайте мне плащ, все равно он на мне лучше сидит.

– Почему это лучше, вы его даже и не мерили!

– Да чего мерить, я же точно знаю, что лучше.

Я снимаю плащ, он надевает. На нем сидит как на манекенщике.

– Видите, я же говорил. Продайте плащ.

Я не продал, конечно, – плащишко и на мне тоже сидел неплохо.

Мы с ним сделали передачу «Шоу-Досье».

– Мне, – сказал он, – главное – показать молодых.

И действительно, привел на свою передачу Максима

Дунаевского, Игоря Наджиева и молоденькую певицу, кажется Русову.

Передача получилась хорошая. Отвечал Дербенев на вопросы зрителей точно и остроумно. Потом пошли к нему домой, ну, и выпили, конечно.

Он вообще молодым певцам помогал. Например, когда-то попросил меня взять в детскую передачу «Взрослые и дети» какую-то неизвестную мне певицу с песней «Городская сумасшедшая». Я не взял, у меня сумасшедших и так хватало. Певица оказалась Машей Распутиной. Он ее тогда и раскрутил. Песни у нее были по тому времени крепкие.

Он скрывал, что так сильно болен. Я в тот период общался с ним, видел его несколько раз. Он вышел из больницы 4-го Управления Минздрава на Открытом шоссе и сказал, что это все напрасная трата и времени и денег. Я потом туда жену свою отправлял и убедился, что он был прав. А Леонид тогда поехал в Новосибирск, привез бутылку какой-то черной жидкости от Колдуна, говорил, что вроде помогает.

И вот как.

Поминки были на Ордынке, в ресторане «У бабушки». Оплатила все А. Б. Пугачева. И Распутина была, и композиторы, писавшие с ним. Пугачева ничего не говорила, а после сказала мне: «Не могу я как-то такие вещи говорить».

Потом мы, человек двадцать оставшихся, пили чай в маленьком зале, и Распутина сидела тихо, и хорошо они как-то общались с Пугачевой.

А спустя какое-то время был вечер памяти Дербенева. Устроители меня выступать не пригласили, хотя на поминках я о нем рассказал очень хорошо. Пугачева согласилась вести вечер памяти и готовилась к нему как следует.

Мы виделись на концерте Филиппа в Театре эстрады. Заговорили про этот вечер. Я сказал:

– Меня не пригласили.

Она ответила:

– Если ты человек, то сам придешь.

Я пришел. Устроители сделали все, чтобы Пугачева концерт не вела. Почему они это сделали – одним им известно. Пугачева психанула и ушла. Вели Борис Брунов и Лина Вовк.

Лина к нему хорошо относилась. Вот и вела. Нет, она хорошо вела. И Борис Сергеевич – профессионал. Но Пугачева все равно провела бы лучше. У нее столько было связано с ним.

И у меня с Леонидом Петровичем было связано очень много. Мы не были с ним близкими друзьями. Но мне с ним было всегда интересно.

Михаил Танич

Поэт Михаил Танич – автор нескольких стихотворных книг, книги воспоминаний «Играла музыка в саду», а также нескольких сотен песен.

Назову для тех, кто не знает, самые популярные: «Текстильный городок», «Ну что тебе сказать про Сахалин», «Любовь – кольцо», «Робот» – песня, которую Танич написал для начинающей певицы А. Пугачевой, «Идет солдат по городу», «По аэродрому», «На дальней станции сойду», «Узелок завяжется», песни Анки-пулеметчицы, «Погода в доме», «Зеркало», «Как хорошо быть генералом»… Это я навспоминал просто с ходу, первое, что мне пришло на ум. Но и этих шлягеров хватило бы на троих поэтов, а ведь есть еще более ста песен группы «Лесоповал».

По поводу одной песни, «На тебе сошелся клином белый свет», которую Танич написал вместе с И. Шафераном, Михаил Исаевич шутил так: «Это же Игорь сочинил строчку «На тебе сошелся клином белый свет», а я только предложил повторить ее три раза!»

Танич не боится преуменьшать свои достоинства, сам над собой может посмеяться, но если кто-то попробует посмеяться над ним, может обидеться. Обидчив, как ребенок, и по сей день.

Родился Михаил Исаевич в 1923 году 15 сентября.

Когда в 91-м году он был у меня в передаче «Шоу-Досье», девушки из РАО, поздравляя его, сказали, что Таничу уже семьдесят лет. Миша жутко обиделся и тут же в прямом эфире устроил им скандал.

Оказалось, что он сам указал в своей учетной карточке в Российском авторском обществе именно 1921 год рождения. Когда я ему об этом сообщил, защищая девушек, он все равно для порядка еще месяц на них дулся, потом купил торт и пришел к ним пить чай. Поскольку они, девушки, его любят, инцидент был исчерпан. Но он так и не извинился. Это характер.

Родился Танич в Таганроге, там и учился в школе, бывшей мужской гимназии, и литературу ему преподавал человек, лично знавший Чехова. Подумать только. Хотя вообще-то утверждают, что через второе рукопожатие можно практически быть связанным с любой знаменитостью, например с президентом США. Это действительно так. Я знаком с Задорновым, он с Ельциным, Ельцин с Клинтоном.

Но, оказывается, и с Антоном Павловичем я связан через второе рукопожатие при помощи Танича.

Я был в городе Таганроге в 2001 году, мне этот город очень понравился, я там выступал и специально договорился с администратором, чтобы они пригласили Танича с «Лесоповалом». А Танич с детства так в Таганроге и не был. Но очень хотел побывать. И администраторы сдержали свое обещание. Танич приехал в Таганрог. Там многие знали, что он местный. Концерт прошел блестяще. Танич и в гимназии своей побывал, и по улице Чехова походил.

Вернулся он совершенно больным, позвонил мне и с горечью сказал, что это совсем другой город. И три дня у него сердце болело, до тех пор, пока не написал стихотворение о Таганроге. И все прошло.

Отца Михаила Исаевича посадили. Впрочем, об этом и о многом другом вы можете прочитать в книге воспоминаний Танича, а я только скажу, что Танич прошел всю войну, вернулся в Ростов-на-Дону, учился в строительном институте на архитектора. В 47-м году по доносу его арестовали, и он отсидел шесть лет в лагерях. Хорошо, что умел рисовать и смог устроиться там художником.

Книга Танича вышла в издательстве «Вагриус». Я в этом издательстве «заварил» серию книг – «Золотая серия юмора», подружился с замдиректора Андреем Ильницким, посоветовал ему издать книгу Танича, познакомил их. И Танич начал писать. Писал очень быстро, боялся, что не успеет.

Дело в том, что именно в этот период у него стало совсем плохо с сердцем, пришлось делать операцию. Ему вставили пять шунтов, и это в семьдесят шесть лет. Он уже начал было выкарабкиваться, как вдруг приступ аппендицита. Его перевезли в военный госпиталь и там сделали операцию. Когда он очнулся, то сразу стал ругаться, что сделали операцию без его разрешения. А какое могло быть разрешение, если у него был перитонит и температура под сорок. Но раз стал ругаться, Лидия Николаевна, жена, поняла, что он выживет.

До этого она ходила к какой-то ясновидящей бабульке, и та сказала:

– Выживет. Но пусть покрестится.

И Танич, встав на ноги, крестился и даже позвал меня в крестные, но я куда-то уезжал и на крестинах быть не смог.

Я приезжал к нему в санаторий «Архангельское», где он после операций приходил в себя, был слабый, но продолжал писать книгу. Книга получилась, естественно, интересная, но могла быть еще интереснее, если бы он не спешил. Очень многого Танич в книге не рассказал. Ну что ж, значит, будет повод написать еще одну.

Был он в «Архангельском» необычно тихим и покладистым, слабым был. Но по мере выздоровления снова возвращались неуемный темперамент и юмор.

К примеру, после второй операции ему сообщили, что делали переливание крови, и он тут же спросил:

– Надеюсь, кровь не от Борьки Моисеева?

После лагерей работал он в городе Волжском, там же начал писать, потом в Москве отвечал в «Юности» на письма читателей, писал фельетоны, а после песни «Подмосковный городок» пришла известность, и Танич уже всерьез занялся песнями.

Я с Михаилом Исаевичем познакомился в 1969 году. Мы с Камовым, Хайтом и Курляндским сидели в редакции «Недели» и делали отдел юмора. Вернее, это они втроем делали, а я принес им свои рассказики.

В дверь заглянул какой-то улыбающийся человек. Феликс что-то сказал, мне послышалось «Танечка». Оказалось – Танич.

Он все время смеялся, шутил. Потом мы стояли на улице впятером. У Танича в руке была трехкилограммовая банка ветчины. Где-то достал дефицитный тогда товар. Вдруг ни с того ни с сего Танич сказал: «Вот мы стоим здесь, шутим, а между прочим, композитор Гамалия может эту банку повесить на одно место, и ничего». Это было так неожиданно заявлено, что мы все просто покатились со смеху.

На одной из встреч у Алика Левенбука Танич вдруг попросил свою жену Лиду почитать стихи. Она читала замечательно, и стихи были очень хорошие. Не случайно потом Лидия Козлова написала такие известные песни, как «Снег кружится» и «Айсберг».

Танич любит праздновать свои и Лидины дни рождения, разные юбилеи. Один юбилей он хотел отметить в Доме литераторов в Дубовом зале, но не знал, как этот зал снять. В те времена Дубовый зал можно было получить только с разрешения секретаря Союза писателей Верченко. Я знал его секретаршу. Танич утверждал, что если Верченко – генерал КГБ, то секретарша – как минимум капитан.

Мы пришли к ней с Таничем, она кинулась нас обнимать, и вопрос был решен.

Танич созвал человек девяносто гостей, были и Вайнеры, и Юрий Владимирович Никулин, и кого только не было.

Я читал юмористическую программу передач, где в 21.00 стояла какая-то, уж не помню, передача. После моего чтения один Никулин заметил и крикнул мне:

– В двадцать один ноль-ноль «Время» идет!

Хайт сказал тост:

– Лида, ты там пишешь песни про холодный айсберг. Мы этот айсберг знаем. Вот он сидит.

Танич не обиделся.

Было очень много тостов и прочего веселья. Только уж тех людей сегодня нет. Ни Хайта, ни Никулина.

Танич рассказывал:

Муж Пьехи Броневицкий заказал Таничу подтекстовку. Танич написал: «Гляжусь в тебя, как в зеркало, до головокружения».

Броневицкий, любивший выпить, приехал к Таничу домой. Танич уже держал в руках бутылку и стал читать стихи. Прочел две первые строчки. Броневицкий прервал чтение:

– Миша, ты что, смеешься? Кто это сможет спеть «до головокружения»?!

Танич спрятал стихи и сказал, что больше не прочтет ни строчки. Они распили бутылку. Броневицкий просил дочитать стихи, но Танич уперся и не стал.

Через несколько дней он и секретарь Союза композиторов Фляpковский сидели в ресторане Дома композиторов. Фляpковский должен был идти поздравлять женщин с 8 Марта, попросил Танича что-нибудь написать. Тот с ходу сочинил:

У вас внутри,
У нас вовне.
И вы в говне,
И мы в говне.

Фляpковский послал Танича и ушел. За соседним столиком сидели Пляцковский с Антоновым. Пляцковский сказал:

– Миша, вот Юра очень хочет с тобой познакомиться.

Познакомились.

Пляцковский купил полстакана икры для дома и ушел.

А Антонов повез Танича домой. И по дороге попросил какой-нибудь текст для песни. Они поднялись к Таничу в квартиру. Лидия Николаевна лежала на диване. Антонов увидел молодую, красивую Лиду и аж обомлел.

Он взял текст. Всю ночь сочинял. Утром спел готовую песню. Посвятил ее Лидии Николаевне. Так появилась песня «Зеркало».

Текст ее по тем временам был действительно несколько сложноват для пения. Однако Антонов нашел тот единственный вариант мелодии, единственный и неповторимый.

Это моя любимая песня.

26 сентября 2000 года в Карловых Варах подошел ко мне высокий седой господин из Израиля и рассказал:

– В конце шестидесятых годов я отдыхал в санатории имени

Горького в Кисловодске. Там же отдыхал Михаил Танич.

Однажды вокруг него собралась компания, и одна женщина спросила: «Мишель, вы из горских евреев?» «Да», – сказал Танич. «А с каких гор?» – поинтересовалась женщина. И Танич тут же ответил: «С Синайских».

В конце 60-х Танич еще не был известным поэтом. А человек запомнил его на всю жизнь.

Кстати, с Кисловодском связана такая история.

В 1975 году мы с Феликсом Камовым, Наринским и с женами поехали в Кисловодск. Танич позвонил какому-то своему другу, и тот должен был нас встречать.

Мы вышли на перроне в Кисловодске, но никто нас не встретил. Мы стояли, а мимо нас пробегал взад и вперед какой-то полный лысоватый человек в очках. Наконец я догадался спросить его:

– Вы не нас ищете?

Он искал нас. Это и был друг Михаила Танича – Борис Матвеевич Розенфельд. Он директор Музея музыкальной культуры при кисловодской Филармонии. Замечательный человек, выпустил несколько книг о Кавказских Минеральных Водах. Читает по санаториям лекции о великих людях, эти Воды посещавших.

С 1975 года я с ним дружу. Он поразил меня не только знаниями о своем крае, но и фанатичной любовью к Таничу. Он так его любит, что даже говорит с такими же интонациями. Борис Матвеевич вообще считает, что в России всего четыре поэта: Пушкин, Лермонтов, Пастернак и Танич.

Если Танич что-то сказал, то Борис Матвеевич будет до хрипоты защищать его мнение.

Каждое лето Борис Матвеевич со своей женой Таней едут на Рижское взморье. Снимают в Юрмале квартиру неподалеку от дачи Танича для того, чтобы общаться со своим любимым поэтом. Сам Боря – очень гостеприимный человек. Кто только у него дома не ужинал?!..

Особенно любил там поесть Михаил Михайлович Жванецкий. Правда, он не только там любит хорошо поесть, но и всюду, где бывает. Дай ему Бог здоровья и хороший аппетит до ста лет.

Однажды Борис Матвеевич сказал мне:

– Хочешь, я тебе покажу дом, в котором жили в разные годы и Пушкин и Лермонтов? Дом Реброва.

Мы пошли смотреть. Прямо напротив Нарзанной галереи Борис завел меня во двор и показал этот дом.

Я сказал:

– Борис Матвеевич, я хочу вам сказать, что в этом доме жил

еще один писатель.

– Кто это?

– Я. И чтобы доказать это, я вам покажу место, где в этом дворе в шестьдесят девятом году стоял туалет.

И показал. Я действительно в 69-м году в свой отпуск приезжал в Кисловодск и жил в этом дворе и понятия не имел, что это такой знаменитый дом.

Вспомнил я Бориса Матвеевича в связи с Таничем, но он и сам заслуживает отдельной главы. Если будете в Кисловодске, обязательно зайдите в музей при филармонии, передайте от меня привет Борису Матвеевичу. Не пожалеете.

Мы иногда с Мишей ссоримся. Вот один из примеров. У меня на дне рождения в Доме литераторов были человек двадцать. Среди них Танич с Лидой и лауреат Госпремии поэт Владимир Соколов с женой Марианной. Когда я давал слово Соколову, я представил его большим русским поэтом, а когда представлял Танича, сказал, что очень его люблю, что он мне достался в наследство от уехавшего в Израиль Феликса Камова. Танич встал и при всех устроил скандал:

– Значит, Соколов – великий русский поэт, а я в наследство?

Хорошо еще, что он как быстро обижается, так быстро и забывает, что обиделся. Уже минут через тридцать шутил как ни в чем не бывало.

А то еще с полгода назад у него был какой-то очередной вечер. Я говорю:

– Лида, вы скажите Таничу, чего это он меня не приглашает на свой вечер выступать. Я-то его всегда звал в свое «Шоу-Досье».

На другой день позвонил Танич:

– Лион, Лида мне передала твои слова, что ты меня приглашал в «Шоу-Досье». Да это была самая большая обида, которую ты мне нанес! Ты же меня не одного пригласил, а с Лидой.

Я опешил:

– Михаил Исаевич, да разве же я вас заставлял идти в передачу с Лидой, вы же сами согласились.

– Да?

– Ну конечно!

– Ну ладно. А я тебя не зову, потому что у меня одни певцы, разговорнику там делать нечего.

А на самом деле в «Шоу-Досье» у меня Танич был раз пять, не меньше.

Но однажды я решил сделать его сольную передачу и, приехав к нему домой планировать ее ход, вдруг подумал, что и Лида – тоже поэт, и это даже интереснее, когда их будет двое.

Кроме того, зная взрывной характер моего друга, я подумал, что Лида будет смягчать его резкость.

Я и предложил Таничу прийти вместе с Лидой. Уговаривать его не пришлось, он сразу согласился, а теперь оказывается – я «нанес ему самую большую обиду».

Кстати, передача с Таничем и Лидой получилась очень хорошая. Ему было о чем рассказать. Это сейчас так растиражировали его тюремную историю, а тогда, в 91-м, никто об этом не знал.

Танич – человек ревнивый. Ревнует к чужому успеху. Его какое-то время раздражала Лариса Рубальская. Он мне говорил:

– Она везде.

Я возражал:

– Вы тоже везде. Дня не проходит, чтобы с вами не было интервью либо в газете, либо на экране.

И вдруг он звонит:

– Ты знаешь, а я посмотрел, Лариска твоя вчера по телевизору интервью давала. Очень прилично. И такая она симпатичная. Зря я на нее бочку катил. А знаешь, у нее и песни достойные. Так ей и передай.

Я передал.

Иногда он ни с того ни с сего где-нибудь в интервью начнет ругать Резника.

Потом говорит мне:

– А что я его ругал, сам не знаю. Он меня не трогает. Все-таки он много хорошего написал.

На поминках у Шаферана он встал и сказал:

– Мы втроем, я, Дербенев и Шаферан, считали: «Я все-таки пишу лучше, чем двое остальных». И знаешь, – обратился он к вдове Шаферана, – по-моему, Игорь был прав.

Сидели как-то в японском ресторане. Давид, муж Рубальской, говорил тост о том, как тяжело быть мужем знаменитости:

– Думаете, приятно, когда говорят «муж Ларисы Рубальской»? Представляете, если бы Танич пришел с женой, а его бы представили – муж Лидии Козловой.

На что Танич тут же ответил:

– Ну и что, когда мы идем с Путиным, все говорят: «Это президент Танича», и Путин не обижается.

Потом пошли в салон слушать музыку, и Танич, войдя в салон, тут же сказал: «Салон алейкум». Как-то раз он спросил своего друга Вайнера:

– Аркадий, как это ты при своем здоровье решился стать во главе телеканала?

Вайнер ответил:

– Вот я и чувствую себя развалиной. На что Танич тут же среагировал:

– Развалины, они значительно дольше стоят. А вот тост Танича на моем шестидесятилетии:

– Дорогой Лион, ты человек особенный. Тебе удается все. Я понимаю, что тебя знают все по телевизору, но откуда ты знаешь всех? Ведь здесь у тебя вся Москва. Просто крикну сейчас: «Хакамада!» – не зная, что это такое, и тут же встанет мужик и скажет: «Я!»

Я мог бы тебя и дальше хвалить, потому что ты человек, который способен другим делать хорошее, а это редкость. Но если я и дальше буду хвалить тебя, то что останется другим для тостов?!

Одна особенность – это твоя обидчивость. Ты обижаешься даже на тех, кто тебя хвалит. Вот здесь половина людей, которых ты не знаешь, еле с ними знаком. Они пришли только потому, чтобы ты на них не обиделся, что они не пришли. Они не знают, что ты все равно на них обидишься – за то, что они пришли.

Дорогой Лион, обижайся на нас еще долго-долго и будь при этом всегда прав и здоров. И помни: шестьдесят лет – это тот переходный мужской возраст, когда еще очень хочется, но уже не так стыдно, если ничего не получится.

Обнимаем, целуем. Танич.

Однажды Танич сказал, что во всем подчиняется жене, что у него нет никаких прав, только ходить в магазин, сделал паузу и добавил:

– Ювелирный.

Когда-то в начале 80-х судили спортивного журналиста Галинского. Его лишили работы, а теперь еще и судили. Танич с ним не был знаком, но пошел на суд. Ему нравился Галинский. После суда Танич подошел к журналисту и, понимая его тяжелое материальное положение, предложил ему денег.

Был случай: Танича подрезал на машине какой-то тип. И не только подрезал, но еще и остановился впереди, не давая дороги.

Танич вылез из машины. Тот тип подошел к нему, вынул красную книжечку и сказал:

– Я сотрудник КГБ.

Танич ответил:

– А я на тебя… – и дальше известные всем слова. После чего сел в машину и уехал. А тот тип остался стоять с открытым ртом.

15 сентября 2001 года мы отпраздновали 78-летие Михаила Исаевича.

Десять лет назад Танич сказал мне:

– Я совершенно не чувствую, что я старый. Я себя ощущаю

сорокалетним.

И в свои семьдесят восемь он так же весел, остроумен. Так же, как много лет назад, обижается. И так же быстро забывает обиды. С ним всегда интересно. Он, конечно, может обидеть, и не только меня, чаще всего Лиду. Но при этом всегда готов на бескорыстные поступки. Ежедневно дает интервью. Ездит на концерты, снимается во многих передачах. Ум острый.

В 92-м году мы с Малежиком гастролировали в Израиле. В Иерусалиме к нам на концерт пришел Феликс Камов. Малежик пел на сцене, а мы с Феликсом разговаривали в фойе.

Малежик пел «Провинциалку», про то, что провинциалка была в пальто вида партизанского, сшитом в ее городе в ателье.

Феликс послушал и сказал: «Это стихи Танича».

По юмору догадался.

Их было трое: Шаферан, Дербенев и Танич. Все трое писали песни лучше всех в стране. Все трое остроумные люди. У Танича это проявлялось еще и в песнях.

Теперь из этих троих он остался один. Дай ему Бог подольше пожить.

P. S. Неделю назад зашел в магазин «Канцелярские товары» на Трубной. Купил записную книжку, подарил продавщицам свою книжку. Они говорят:

– А вчера к нам Танич заходил.

Я спрашиваю:

– А что он купил?

– Бумагу, лампочки и еще что-то, не помню уж что.

Я набираю телефон Танича и с сильным кавказским акцентом говорю:

– Это Михаил Исаич?

– Да, это я.

– Вы вчера на Трубной в «Канцелярских товарах» были?

– Был, а что такое?

– Извините, девушки ошиблись, взяли с вас больше денег.

– А я еще удивился, что они так много взяли!

– Извините, просто ошиблись. Мы хотим вернуть вам деньги.

– А сколько денег?

– Сто восемьдесят рублей.

– Ладно, – говорит Танич, – я завтра заеду.

Все это время продавщицы давились со смеху.

А когда я сказал своим голосом:

– Михаил Исаевич, не надо приезжать, это Лион Измайлов с вами говорит, – продавщицы захохотали, уже не сдерживаясь.

Танич спросил:

– Что? Кто это? В чем дело?

Он никак не ожидал такого поворота. Я стал объяснять:

– Миша, это Лион Измайлов, я случайно зашел в тот же магазин и разыграл вас.

Тут он закричал в трубку:

– Что ты меня втягиваешь в какие-то публичные дела?

Я говорю:

– Михаил Исаевич, вы ведь сами любите подшутить над людьми, вот и я над вами пошутил.

Танич швырнул трубку. Обиделся.

Надеюсь, что скоро помиримся. А когда прочтет, то снова, наверное, обидится. И мы снова помиримся, потому что я Танича люблю.

Танич прочитал эти воспоминания о нём и не обиделся. Они ему просто понравились.

А сегодня, в 2014 году, его уже несколько лет нет с нами. Похоронен он на Ваганьковском. Памятник работы Эрнста Неизвестного. Очень многим людям Танича не хватает.

Михаил Жванецкий

С Михаилом Михайловичем Жванецким мы не друзья и даже не приятели, хоть знакомы уже более тридцати лет. Я его поклонник. Мне очень нравится, как пишет Жванецкий, мне очень нравится, как он выступает.

Я узнал о нем ещё с фестиваля студенческих театров 1966 года. Тогда одесситы играли его миниатюры в театре МГУ на конкурсе.

Потом, уже через много лет, я спросил у Романа Карцева:

– А сам Жванецкий хорошо играл в миниатюрах?

Рома сказал:

– Он играл бурно. Выскакивал на сцену, что-то очень активно произносил, ловил аплодисменты и убегал.

Они вместе – Роман Карцев, Виктор Ильченко и Михаил Жванецкий – играли в Одессе в Театре миниатюр. Потом, когда эта троица переместилась в Ленинград в Театр миниатюр А. Райкина, Жванецкий, сосредоточившись на авторской работе, опять же по рассказам Карцева, иногда писал по три монолога в день.

Он, конечно, уникально плодовитый. Уже за восемьдесят ему, а он продолжает фонтанировать текстами.

В конце 60-х я уже просто наизусть знал некоторые миниатюры Жванецкого. Мы их у себя в МАИ переделывали на студенческую тематику и играли на сцене.

В 1969 году мы с А. Хайтом и Ф. Камовым, двумя известными в ту пору сатириками, шли из редакции газеты «Неделя», и я наизусть пересказывал им миниатюру «Это я – Кольцов». Они смеялись, хотя вообще-то сатирики редко смеются над произведениями других.

Ф. Камов в те времена был редактором киножурнала «Фитиль». Все сатирики того времени кормились в этом журнале. Жванецкий часто звонил и приходил к Феликсу. Правда, потом, когда Феликс ушел из «Фитиля», интерес к нему у Жванецкого сильно ослаб. Хотя, думаю, им, талантливым людям, было о чем друг с другом поговорить… Жванецкий в те времена очень ревниво относился к успехам коллег, как, впрочем, и сейчас.

Но сейчас уже – с высоты своего положения. А тогда никто его не знал. А он уже понял, что он талантливый, он уже тогда выступал с большим успехом. Он уже тогда писал лучшему артисту страны Аркадию Райкину. И сколько же лет понадобилось Жванецкому, чтобы об этом узнала вся страна?

Если взять за точку отсчета эстрадный конкурс 1970 года, где

Рома Карцев и Витя Ильченко произвели фурор, и посчитать время до 1980-го, когда телезрители наконец увидели Жванецкого в программе «Вокруг смеха», получится 10 лет, а ведь он и до 1970 года выступал уже лет восемь.

В 1967 году в новой шестнадцатистраничной «Литературной газете» открылся «Клуб «12 стульев». Мишу там почти совсем не печатали. Я помню, в «Литературной России» был напечатан году в семьдесят шестом монолог «Он наше чудо». Замечательный монолог про человека, который искренне верил в то, что если поменять продавца, с продуктами станет лучше.

Я вырезал этот монолог, и он у меня лежит до сих пор, жаль выбрасывать.

А познакомился я с Мишей, с Михаилом Маньевичем (это его настоящее имя и отчество, и мне это отчество очень нравится, я так Жванецкого и называю), значительно позже, на каком-то выступлении «Клуба «12 стульев». И впервые поехали в Томск с командой этого клуба.

Мы с Мишей жили в одном номере, выступали во Дворце спорта, ну и ещё немного встречались с девушками. Поскольку жили в одном люксе, то и девушек привели к себе одновременно. Он мне этого не может забыть до сих пор. Да и я тоже запомнил на всю жизнь. Миша в отношениях с женщинами тогда человек был совершенно неуемный. Всё, что женского рода двигалось или даже слегка колыхалось вокруг, вызывало его живейший интерес, как, впрочем, и мой. Вот на этой почве мы и сошлись. Концерты наши, то есть «Клуба «12 стульев», проходили замечательно. Полный Дворец спорта каждый день – нас было 12 человек, по количеству стульев. На каждого приходилось по 10–12 минут. Мне этого было вполне достаточно для ощущения успеха. А Мише было мало. Его манера чтения была непривычна для публики. Зрители должны были настроиться на него. И только они настраивались, только начинали ловить кайф, как Мише пора было заканчивать. Это сейчас, когда Миша на слуху, для всех его манера стала привычной и родной, и стилистика его монологов уже настраивает на смех, а тогда, 30 лет назад, всё это было внове и не совсем привычно. Короче, ему было тяжеловато рядом с зубрами эстрады Г. Гориным и А. Аркановым. Однако Миша с честью выходил из трудного положения. Имел хороший успех.

Потом мы уже и в Ереване побывали с Мишей, и в других городах и даже несколько сблизились. Он отправился на Кавказ с Надей, в то время это была его подруга. С Надей у меня сразу установились теплые отношения, и мы втроем ездили даже на какие-то экскурсии.

Я очень хорошо запомнил рассказ Жванецкого о Райкине. Он

говорил:

– Ты не представляешь, какой силы этот человек. Его влияние на окружающих поразительное!

Впоследствии я слышал от Кости Райкина выражение об отце: «Он удивительно умел сгустить атмосферу».

Так вот, Жванецкий говорил:

– Я был в полном его подчинении. Если бы он мне сказал: «Пойди ударь моего директора по голове», я бы, наверное, пошел и ударил. Ну, не так буквально, конечно, но влияние огромное, просто какой-то гипноз.

Миша был у Райкина в театре завлитом, естественно. И сам выступал. Райкин к этим выступлениям относился плохо. Впрочем, любому артисту не нравится, когда автор читает произведения, написанные для артиста. Миша скрывал эти выступления, но Райкину все равно докладывали, и по этому поводу у них возникали неприятные объяснения.

Постепенно одесситы становились все более самостоятельными и к 1970 году ушли из райкинского театра. После этого Карцев и Ильченко стали лауреатами конкурса эстрады. Уехали в Одессу и там открыли свой театр.

В 70-х годах они стали необыкновенно популярными: вначале артисты Карцев и Ильченко, а впоследствии и их автор – Жванецкий.

Я помню, как мудрый Ф. Камов говорил:

– Жванецкий должен иметь свои полчаса на телевидении раз в месяц.

Сколько же лет прошло, пока это осуществилось, – более двадцати пяти! Ведь только в 2001 году Жванецкий стал регулярно показываться в своей передаче. Вначале это было на подоконнике с печатной машинкой и с ведущим.

Я смотрел эти передачи и расстраивался. Зачем Жванецкому нужен этот унылый помощник? Ему нужно, думал я, выходить к публике и разговаривать с ней. И никаких помощников не надо. Наконец и российское телевидение прозрело и выпустило передачу, где Андрей Максимов не мешает Жванецкому разговаривать с публикой. И он, конечно, разговаривает замечательно.

Я всегда поражался его быстрой, моментальной реакции. Вот, к примеру, такой случай. Мы как-то встретили на телевидении Александра Иванова, пародиста, ведущего передачи «Вокруг смеха». Саша был в красном пиджаке.

Жванецкий тут же сказал:

– Саня, ты как с флагштока упал.

В 1979 году для сатириков наступила новая эра. В эфире

появилась передача «Вокруг смеха». Редактор Татьяна Паухова пригласила сниматься в ней и М. Жванецкого. Он даже некоторое время писал сценарии этой передачи. Я помню, однажды в Доме литераторов Паухова собрала всех авторов и попыталась говорить о свих проблемах.

– Какие у вас проблемы! – кипятился Жванецкий. – Вот она проблема – я. Я ваша проблема. Давайте эту проблему решим.

Паухова помогла решить эту проблему, Миша стал сниматься постоянно. И он был, конечно, главным козырем этой программы. Благодаря выпускам «Вокруг смеха» зрители увидели и «Ликеро-водочный завод», и «Танк», и «Склад», и многие-многие лучшие монологи Жванецкого. Он стал чрезвычайно популярным. Не только популярным, но и любимым сатириком страны.

В 1982 году мы – человек сорок авторов-сатириков – поехали в Болшево, в Дом творчества кинематографистов на семинар киножурнала «Фитиль». Нам читали интересные лекции, показывали американские фильмы, и вообще обстановка была творческая и веселая. Я сидел за столом с двумя девушками-искусствоведами. Мы подружились, и я ходил к ним в их домик пить чай. Однажды после ужина к нам подошел Жванецкий и начал шутя говорить, что есть человек, готовый поделиться жизненным опытом с молодыми.

Я прямо спросил:

– Хочешь пойти с нами пить чай?

– Да, – так же прямо ответил Жванецкий.

Мы пришли к девчонкам, стали готовить чай. Миша шутил, девчонки абсолютно не реагировали на его шутки и просто умирали со смеху, что бы им ни сказал я. Миша пошел мыть стаканы, и девчонки спросили меня:

– А кто это такой?

Я сказал:

– Как кто? Это же Жванецкий.

– Жванецкий? – в один голос вскричали они. До этого барышни Жванецкого никогда не видели. Девушки были сугубо театральные и телевизор не смотрели принципиально. Одна из них, Катя Уфимцева, сейчас ведет передачу «Театр + ТВ». Жванецкий вернулся с чистыми стаканами, мы сели за стол, и теперь, что бы он ни сказал, они умирали со смеху, а на меня не обращали никакого внимания. Кстати, шутил он в этот вечер замечательно.

К нам на огонёк зашел Петр Вельяминов, превосходный актер, в то время игравший секретарей райкомов. Знакомясь, Миша сказал:

– Петр, я так понимаю, Иванович.

И тут я просто покатился со смеху. Вельяминов не обиделся, очень, кстати, симпатичный человек, а посмеялся вместе с нами.

Он, Михаил Маньевич, надо сказать, не всегда добродушный и приветливый. Чаще всего его коротит, и он искрит. Однажды мы встретились за кулисами зала Дома литераторов. Я, увидев его, обрадовался, расплылся в улыбке. Он зло сказал:

– Что ты всегда такой радостный, вокруг такое происходит, а ты всегда радостный.

Однажды я купил билет и тихо пришел на Мишин концерт в зале «Октябрь». Кто-то Жванецкому сообщил, что я в зале, и он меня со сцены поприветствовал. Мне зааплодировали, и после концерта я, естественно, пришел за кулисы. Мне очень понравилась программа, и я об этом честно сказал Мише. Там было много новых номеров, и я их очень расхваливал.

Миша сказал:

– Надо же, я бы так не смог кого-то хвалить. Ты лучше меня.

Я сказал:

– А что, до этого были какие-то сомнения?

Он засмеялся. А мог и обидеться. На этот раз он был в хорошем настроении.

Во времена «Клуба «12 стульев» он очень хвалил мои рассказы, опубликованные в газете.

– Леонидик, – говорил он, – у меня есть друг, ты ему больше нравишься, чем я. Он так любит твои рассказы! А вот то, что ты на эстраду пишешь…

Да, на эстраде, я думаю, ему вряд ли нравится что-либо. Вообще-то имеет право. Он настолько лучше всех пишет свои монологи, что остальное кажется ему шитым белыми нитками. А то, что публикуется в газете, – то другое, это лежит в другой плоскости, и он может это хвалить.

1 апреля 2003 года мы выступали на «Юморине» в Одессе. Было два концерта, и оба раза я слушал Жванецкого из зала. И снова я получил истинное удовольствие.

Он жутко нервничает до выхода на сцену. Перед выступлением к нему лучше не подходить. Казалось бы, обречен на успех в своем родном городе, где его обожают, и все равно его трясет.

Но выходит на сцену, и такая энергия от него идет, и так он здорово читает! Я потом ещё пару месяцев повторял про себя голосом Жванецкого: «Это Баба-яга?»

Однако видел я и неудачные выступления Михаила Маньевича. В Кремлевском дворце на гастролях «Юморины». Я думаю, что ему в этом дворце, да ещё и среди 20 юмористов, выступать просто противопоказано. У него уровень

интеллигентности выше уровня всех этих юмористов, а зал в шесть тысяч человек – это всегда толпа с усредненным интеллектом. Обычные юмористы как раз и работают на эту усредненную публику. А Миша всегда попадает выше.

У Бальзака есть такое наблюдение: герой ухаживал за какой-то графиней, и у него ничего не получилось. Тогда он сказал: «Я слишком высоко ставил сети. Она летала ниже». Вот и со Жванецким в Кремлевском дворце получилась та же история.

Я понимаю, что если объявить сольный концерт Жванецкого в Кремле, то люди придут конкретно на него. Шесть тысяч твоих зрителей – это совсем другое дело, чем на «Юморине», когда идут «на всех».

Однажды на каком-то дне рождения Жванецкий рассказал:

«Прихожу ночью домой. Жена спит. Не стал включать свет. Лег в постель. Она спросонья говорит: «Миша, это ты?»

Ну, до чего же здорово! И ещё один пример остроумия Жванецкого.

В течение нескольких лет Г. Хазанов повсюду говорил о том, что наш жанр умер. На банкете после концерта лауреатов эстрадного конкурса, где появились такие артисты юмористического цеха, как М. Галкин, Ю. Гальцев, Е. Воробей, С. Дроботенко, Г. Ветров, Верка Сердючка, Миша произносил тост и сказал: «Некоторые говорят, что наш жанр умер. Это, как вы все сегодня видели, не совсем так. Если в цирке один акробат упал и разбился, это не значит, что надо цирк закрывать».

И лучше не скажешь.

А ещё Михаил Маньевич когда-то сочинил анекдот. Я знаю всех лучших юмористов страны, и только двое из них могли похвастаться тем, что сочинили по анекдоту. Один из них А. Хайт, а второй – Михаил Жванецкий.

Анекдот такой.

В здании секретного завода раздается звонок.

– Это секретный завод?

Трубка падает на стол. Секретный завод переезжает в безлюдную пустыню.

Снова звонок:

– Это секретный завод?

Трубка падает, секретный завод переезжает на Крайний Север.

Снова звонок:

– Але, это секретный завод?

– Что вам нужно?

– Позовите, пожалуйста, Надю из столовой.

Трубка падает.

И лучше не придумаешь.
Но кто же тогда придумал все остальные анекдоты?

Ольга Яковлева

Мы с Хазановым в далеком 79-м году пошли в театр на Малой Бронной.

Шел премьерный спектакль Анатолия Эфроса «Месяц в деревне», пьеса Тургенева.

Ничего лучше до этого я в театре не видел. Впоследствии я ещё много раз ходил на этот спектакль, а иногда приезжал, чтобы только посмотреть финал спектакля. Там Ольга Яковлева, вернее, героиня её, стоит в беседке с бумажным змеем, оставшимся от её возлюбленного. Звучит замечательная музыка. Выходят рабочие и начинают разбирать беседку. Яковлева отходит и стоит, прислонившись к стене на краю сцены. Рабочие разобрали беседку. Один из них подходит к Яковлевой и забирает у неё бумажного змея. Половина зала при этом плачет.

Я потом спросил у Яковлевой, как Эфрос додумался до такого финала. Ольга Михайловна ответила, что это навеяно фильмами Феллини. Фелинни был любимым режиссером Эфроса.

В этом же спектакле в то время играли Броневой и Петренко. В одном из эпизодов у них было всего две фразы. Петренко говорил Броневому:

– Вы меня там представьте, а дальше я уже сам.

Броневой отвечал:

– Да вы уж не беспокойтесь, обязательно представлю. Непременно.

И все.

Два замечательных актера играли эти две реплики минут пятнадцать. Эпизод превратился в клоунаду. Зал умирал от смеха. Мы с Хазановым просто плакали. Слезы катились градом.

Хуже всех в этой пьесе играл Михаил Козаков. В антракте, чтобы Хазанову не светиться в фойе, мы пошли за кулисы.

Хазанов сказал:

– Лишь бы не встретить Козакова, а то придется врать.

Первый, кого мы встретили за кулисами, был Козаков с вопросом:

– Ну как я? – Пришлось врать.

Но что интересно, ведь я потом смотрел спектакль на протяжении трех лет, и Козаков играл все лучше и лучше.

Мне Гафт рассказывал, что это свойство Козакова. Он, зачастую начав хуже всех, впоследствии играет лучше других.

Когда мы уже уходили, на лестнице встретили Ольгу Яковлеву. Она шла совершенно отрешенная. Увидев её, я показал ей большой палец. Она кивнула и пошла дальше. Хазанов тут же

устроил мне выволочку:

– Что это такое?! Что это ты показываешь ей палец?! Дурной тон!

Однако когда мы в 1979 году осенью встретились в санатории «Актер» под Сочи, Ольга Михайловна сказала:

– Я помню, это вы мне на лестнице показали большой палец.

Именно это она и запомнила. Несколько раз я её развлекал, рассказывал какие-то байки, и постепенно мы подружились. Как-то совсем незаметно она мне стала близким человеком. Женщина она смешливая, и мне очень нравилось смешить её.

Гафт, с которым она была до этого в ссоре, стал за ней ухаживать и однажды у меня на глазах поцеловал её так, что я расстроился. Но она меня успокоила:

– Я, Лёня, артистов не люблю. И как на мужчин на них не смотрю.

Мы с Гафтом все время её веселили. Именно тогда на пляже я записал все его эпиграммы. Потом в Москве напечатал их на машинке и один экземпляр отдал моей знакомой, Тате Земцовой. Гафт потом долго пенял мне за то, что я обнародовал его творчество. Однако по рукам ходил совсем другой экземпляр.

Мы с Гафтом потом ездили выступать в Калугу, и для этого выступления он специально написал несколько эпиграмм, в том числе на Доронину и Козакова, а начало эпиграммы на Козакова через много лет я даже напомнил Гафту, забывшему собственное творение:

Стихами лепит, как из пушки,
Несчастный Блок, пропащий Пушкин.

Гафт выслушал, ему понравилось, он сказал: «Надо запомнить».

Но вернемся в «Актер». Однажды мы сидели на пляже в кафе и затеяли такую игру – писать письмо Ольге Яковлевой: одну фразу Гафт, другую – я.

Он написал первую фразу, кажется, так: «Дорогая Ольга Михайловна», и загнул листок. Вторая была моя: «Если бы напротив меня не сидел этот придурок Гафт».

Все увидели мою фразу и начали хохотать.

Гафт тоже успел прочитать и сказал, смеясь:

– Все, с тобой в эту игру я не играю.

Там же в «Актере» случилась со мной пренеприятная история. Меня попросили выступить. А в санатории тогда отдыхал «Современник» в полном составе и ансамбль Моисеева, и кого только не было!

До этого мы с Костей Райкиным ездили в молодежный лагерь «Спутник» и очень хорошо там выступали, а тут перед всеми этими актерами я так заволновался, что у меня пересохло во рту и я еле-еле дотянул до конца свое выступление. Успех был минимальный. Конечно, мои простые тексты были не для этой отборной актерской публики. Короче, я провалился и очень это переживал. Главное, обидно: год назад, в октябре, я тоже здесь выступал. И выступил замечательно. Весь зал долго скандировал, после концерта я стал любимцем публики. Все со мной заговаривали… Правда, тогда там почти не было актеров, были работники торговли, врачи, ювелиры, в общем, те, кто, переплатив, достали туда путевки. Даже ходила такая шутка. Один гинеколог говорит другому:

– Интересно, как сюда попал Товстоногов?

Яковлева пошла со мной гулять, старалась меня успокоить. Мы немного погуляли, успокоиться я не мог, ушел от неё в свой номер, лег и затосковал.

На другой день стыдно было появляться на глаза окружающим, но как-то потихонечку вроде забылось, и продолжалась веселая курортная жизнь.

Мы с Гафтом «показывали» друг друга. Я продолжал записывать за ним эпиграммы, а тут вдруг приехал в «Актер» Высоцкий. На пляже все потихонечку перекочевали поближе к тому месту, где он сидел.

Пока не было Высоцкого, все центрили, когда он появился, стало ясно, кто в центре внимания.

Высоцкий из всего женского состава отдыхающих остановил свой выбор на Ире Пуртовой – танцовщице из ансамбля Моисеева. Красивая девушка с простым лицом и большой грудью.

Детство и моё, и Высоцкого прошло приблизительно рядом, он жил где-то на Мещанской, я в Ростокине, и по времени тоже – приблизительно конец 40-х.

Вот тогда в наших хулиганских послевоенных дворах такие девушки были королевами. Так оно на всю жизнь и осталось. Так и нравятся эти простые лица и все остальное.

На второй день Высоцкого обокрали. Забрались в его номер на втором этаже и украли джинсовую куртку с ключами от машины и документами.

Приехала на «газике» милиция. Милиционер говорил, что для них это дело чести – найти украденное.

Не помню уже, спасли они свою честь или нет. Пробыв всего три дня, Высоцкий уехал. А мы продолжали отдыхать дальше.

Зная, что Гафт с Яковлевой разругались на «Отелло», я спросил у каждого из них, как это произошло.

Яковлева рассказывала так:

– Знаешь, Леня, Эфрос ведь все расписывает, как в балете, кто куда идет и когда, а Валя пошел не туда, куда положено по мизансцене. Я ему тихо так говорю: «Валя, ты же не туда идешь». А он обиделся.

Валентин Иосифович рассказывал совсем иначе:

– Я, понимаешь, что-то там не так сделал, так она рот открыла, и такой мат пошел! Ну, я и ушел.

Вот два взгляда на один и тот же эпизод. Гафт жил в номере напротив Яковлевой и однажды сказал:

– Слушай, я всю ночь через открытую дверь следил за её номером: когда ты к ней приходишь – никак заметить не могу.

– А я и не прихожу.

Я действительно к ней не приходил.

Когда мы возвратились в Москву, дружба наша продолжалась. Я стал ходить на репетиции Эфроса в театр на Малой Бронной.

Репетиции были замечательные. Ставили «Мертвые души». Играли Яковлева, Волков, Каневский – все лучшие артисты. Я считал, что инсценировка, сделанная Балясным, убивала Гоголя, но репетиции были прекрасны. То и дело Эфрос выскакивал на сцену и показывал актерам, как надо играть. И показывал просто здорово.

После премьеры мы все это отметили, и я помню, как Эфрос все время задирал за столом Дунаева, главного режиссера.

Этот симпатичный человек говорил:

– Искусство от неискусства отличается чуть-чуть.

– Кто вам это сказал? – налетал на него Эфрос. Хотя фраза была хрестоматийная.

И так все время он нападал на бедного Дунаева. Это, конечно, был парадокс нашего времени. Гениальный Эфрос – просто режиссер, а середнячок Дунаев – главный. Но что поделаешь, Дунаев был благонадежный, а Эфрос не в русле социалистического реализма.

В театре время от времени давали заказы. Продукты самые простые – масло, сыр, курица, сервелат, но тогда они были в дефиците, и Ольга Михайловна брала заказы и для меня. А я всюду возил её на своей машине, что было удобно ей и интересно мне. Она для меня была каким-то нереальным человеком. Человеком другого мира. Наверное, меня можно было назвать её поклонником. Я ходил на её спектакли, преподносил цветы на сцену и вообще считал её лучшей артисткой в мире.

Она действительно играла прекрасно. Вот она точно была за четвертой стеной. Не видела зала и зрителей. Яковлева всегда находилась там, в той жизни, которую придумали драматург и

режиссер.

Как-то Ольга Михайловна сказала:

– У тебя, Леня, есть приятель, Качан, он играет д'Артаньяна в ТЮЗе, пойдем посмотрим.

Интересно, что недели за две до этого разговора мы с Володей Качаном ехали с какого-то концерта у спортсменов и Качан говорил мне:

– А что твоя Яковлева, да ей просто повезло, что она попала к Эфросу. Да если бы Черепахе (актриса Л. Черепанова, партнерша Качана по эстрадным выступлениям. – *Л.И.)* так повезло, она была бы не хуже твоей Яковлевой. А я если бы попал к Эфросу, ты бы посмотрел.

И вдруг Яковлева зовет меня смотреть Качана. Я взял билеты, и мы пошли.

Дело в том, что Эфрос решил ставить «Лето и дым» Теннеси Уильямса и искал артиста на главную роль.

Директор театра на Бронной раньше работал в ТЮЗе и, хорошо зная популярного тогда Качана, предложил Эфросу попробовать Володю. И вот мы посмотрели «Трех мушкетеров». Пьесу написали Розовский с Ряшенцевым, это был популярный спектакль. Зал битком. Качан хорошо пел и очень прилично играл и уже через месяц был принят в театр на Малой Бронной.

«Лето и дым» ставился на Яковлеву, но партнеру её, Качану, тоже приходилось потрудиться. Конечно, играть он у Эфроса стал лучше, чем в ТЮЗе, но не дотягивал до основных артистов, которые с этим режиссером сотрудничали много лет.

Качан начинал уже в первом акте так кричать и напрягаться, что дальше было некуда повышать градус, поэтому особого развития в роли не было.

Зато Яковлева творила чудеса. Глубокая, трагическая актриса, она затмевала в этой пьесе всех.

Качан, продержавшись какое-то время, запил. И ему пришлось из театра уйти. Кстати, теперь уже непьющий Качан служит в театре «Школа современной пьесы» и написал две высококлассные повести.

По утрам он рано вставал, гулял с собакой, а потом делать нечего – стал писать. А чего – способности есть, материала полно. Вот и написал, причем с хорошим юмором.

У Ольги Михайловны день рождения 14 марта, и я несколько лет подряд ходил к ней на набережную Шевченко.

Там и познакомился с её мужем, легендарным футболистом Игорем Александровичем Нетто. Он обычно сидел на дне рождения тихо, скромно, почти не говорил. Очень был вежливый,

тактичный и приятный человек. Иногда мы с ним разговаривали, и он очень интересно рассказывал о футболе, о том, как тренировал в Южно-Африканской Республике и в Греции.

Многие Ольгу Михайловну в театре не любили, поскольку прима и капризная, но по отношению ко мне эти качеств а никогда не проявлялись. Наоборот, со мной она всегда была очень хороша. Ну иногда капризничала, но на то она и женщина.

Мы как-то с женой Леной отвозили Ольгу Михайловну домой. Лена ревновала меня к Ольге и вдруг сказала на какую-то похвалу в мой адрес:

– Знаете, у него постоянно какие-то увлечения актерами. Вот сейчас он носится с вами.

Может быть, и не совсем так, но что-то в этом роде. Это было довольно воинственно сказано. И я знаю: если бы кто-то, а не жена моя, заявил такое Яковлевой, то Ольга Михайловна так бы ответила, что мало бы не показалось. Но в этой ситуации она промолчала. И потом, когда я извинился перед ней, сказала:

– Ну что ты, Леня, она же по-своему права.

Вот кому она позволяла и шутить над собой, и говорить что угодно – это Неёловой. У Ольги Михайловны к ней была какая-то слабость. Даже когда в Доме литераторов Неёлова очень смешно и похоже изображала Яковлеву, та хохотала громче всех.

Однажды летом мы поехали на дачу к Эфросу на его день рождения. Сидели на улице за столом: Эфрос с Натальей Васильевной Крымовой, соседи – переводчик Донской с женой, ещё две женщины, мы с Ольгой Михайловной. Все было как-то скромно, естественно и непринужденно. Эфрос и Оля – люди смешливые, и я потому старался вовсю. Так шутил, что самому нравилось, все покатывались со смеху. Потом уже совсем стемнело, и вдруг Яковлева объявила:

– Сейчас будем жарить шашлыки.

И они с Эфросом пошли разводить костер.

Я сказал Крымовой, что уже поздно, пора домой, пойду отговорю их от шашлыков.

– Бесполезно, – ответила Наталья Васильевна. – Они все равно будут делать то, что захотят.

А потом Эфросу предложили пойти главным режиссером на Таганку, вместо уехавшего из страны Любимова. И он согласился. Ольга была против и уговаривала Анатолия Васильевича не ходить.

– Они «бунтари», – говорила она мне, – вот пусть себе сами бунтуют.

Но Анатолий Васильевич все равно пошел. Он до этого уже поставил на Таганке «Вишневый сад», и это был лучший

«Вишневый сад», который я видел в жизни. Играли Высоцкий, Демидова, Дыховичный. Как они играли!

Любимов уезжал на какое-то время за границу и, чтобы занять труппу, попросил Эфроса в его отсутствие поставить Чехова. Эфрос и поставил. Этот спектакль отличался от агиттеатра, который делал Любимов.

И впоследствии этот прекрасный спектакль играли раз в месяц, и то на выездах.

Эфрос прекрасно понимал, куда, в какой осиный рой он идет, но надеялся, что начнется работа и все разногласия забудутся. Однако так не получилось. Труппа не хотела другого режиссера. Ему страшно хамили и даже как-то изгадили в гардеробе дубленку. Нервы у него были постоянно напряжены. И сердце не выдержало.

На похоронах Крымова попросила меня помочь Яковлевой, не отходить от неё. Ольга Михайловна была плоха и время от времени то ударялась в истерику, то немела.

Казалось, жизнь кончилась. И действительно, что ей было делать в этом чужом театре без Эфроса? Через год, кажется, она уехала в Париж. И мы с ней перестали общаться.

Через несколько лет она вернулась. Я был на её спектакле «Наполеон» в театре Маяковского. Когда-то эта пьеса шла у Эфроса на Бронной. Наполеона тогда играл Ульянов, а Яковлева – Жозефину. И тогда, и теперь она играла замечательно. Только здесь, в «Маяковке», Миша Филиппов куда ближе к Наполеону и даже внешне похож на него.

Вот уже столько лет нет Эфроса, а режиссера его уровня так и не появилось.

Ольга Михайловна осиротела. Она была его актрисой. Она воплощала его замыслы. Но и он был её режиссером. Ведь именно она как никто соответствовала его таланту.

Михаил Задорнов

В один прекрасный день 1969 года ко мне на кафедру в МАИ пришел Миша Задорнов. Веселый, жизнерадостный, громкоголосый и жутко активный молодой человек. Он перевелся из рижского института в наш и пришел ко мне знакомиться. После этого Миша стал ходить ко мне в авторскую группу. Ничего он там не писал, рассказывал байки, анекдоты и сам же громогласно хохотал.

Он мне показал свои очерки о рыбной ловле на Дальнем Востоке, это было интересно, ярко. Рассказывал он и о своем отце, знаменитом писателе Николае Павловиче Задорнове.

Н. П. Задорнов был лауреатом Сталинской премии за роман «Амур-батюшка». Писатель был знаменитый. Классик советской литературы. После войны он приехал в Ригу из Сибири и создавал в Латвии Союз писателей и даже какое-то время руководил им.

Николай Павлович был человеком трудолюбивым, написал очень много о флоте, о Дальнем Востоке. В книгах Д. Гранина есть ссылки на Задорнова, он использовал книги Задорнова как справочный материал для своих произведений – так много литературы по истории флота и освоению Дальнего Востока проштудировал Н. П. Задорнов. От своего отца Миша унаследовал и трудолюбие, и писательский талант.

Возможно, он и стал бы серьезным писателем, если бы не попал в рижский КВН. А потом, переведясь в наш МАИ, попал в нашу маёвскую самодеятельность. Он сам признавался потом, что ему очень нравилось, как я выступаю, и ему хотелось тоже выступать и иметь такой же успех. И Миша стал выходить на маёвскую сцену, но успеха вначале не имел. Я сам видел, как Задорнов, исполняя горинскую «Массовку», бегал по сцене и кричал, но зал не смеялся. Однако Миша человек упорный. Он создал свой студенческий коллектив и стал там играть студенческие миниатюры. Поскольку у него еще и явный режиссерский дар, Миша эти спектакли сам и ставил.

Первый спектакль «Шпион в МАИ» он написал по моей идее, которую мы пытались осуществить еще в авторской группе.

И спектакль у него получился. И авторски, и постановочно. Он провел огромную работу. Создал свою авторскую группу, и совместно ребята написали хорошие тексты. А потом Миша это все поставил, причем, в отличие от того, как простенько все решалось в обычной самодеятельности, Миша использовал и звук, и свет и даже разработал особое цветовое решение костюмов. Ведь до него все миниатюры игрались стандартно: стол, три

стула, преподаватель и два-три студента. И все.

Успех у спектакля был очень большой.

Миша стал ездить со своей бригадой по стране, быстро завязал связи в ЦК ВЛКСМ и через какое-то время поставил спектакль по повести Н. Островского «Как закалялась сталь».

И за этот спектакль его агиттеатр «Россия» получил премию Ленинского комсомола. Параллельно Миша писал рассказы и пытался напечатать их в «Клубе «12 стульев» «Литературной газеты». Его довольно долго не печатали. Он мне показывал эти вещи. И мне они тоже не казались такими, чтобы их можно было напечатать.

Почему-то мы все время с ним повсюду сталкивались, хотя и не были близкими друзьями. То вдруг я встречал его в подмосковной электричке, и мы долго болтали, едучи в Москву. То вдруг оказались рядом на конкурсе в Театре эстрады. То виделись на выступлениях.

Однажды я выступал в МВТУ. Читал какой-то монолог, меня хорошо принимали, и вдруг на главной репризе – в зале молчание. Меня как будто по голове ударили. Оказалось, что Миша в МВТУ вел сатирический коллектив и эту репризу передо мной исполнил участник коллектива. Тогда в этом не было ничего особенного. В самодеятельности принято было исполнять чужие репризы. Тем более в нашей маёвской самодеятельности исполнялось много моих текстов.

Миша и в этом смысле был человеком уникальным: все, что только он слышал смешного, он тут же тащил на сцену. Очень много реприз он брал из «Крокодила». Тогда там была рубрика «Нарочно не придумаешь» – и Миша ее как следует пользовал.

В 1979 году появилась передача «Вокруг смеха». Мишу туда порекомендовал его отец, и Миша с успехом стал там сниматься. У него тогда появился хороший номер «Аутогенная тренировка», и Мишу с этим номером публика заметила. А потом он исполнил свои знаменитые «Два девятых вагона». Эту историю кто-то привез с гастролей. Но Миша ее написал, досочинив как следует. Миниатюра стала хитом. Миша понимал, что «Вагоны» публика запомнила лучше, чем его самого, и потому, выходя на сцену, всегда вставлял в свою речь слова о том, что он – автор «Двух девятых вагонов», чем, собственно, умножал свой успех.

В 1980 году я пригласил Мишу Задорнова и Ефима Смолина на гастроли в Кишинев. Руководителем у нас негласно был А. М. Арканов. Гастроли были веселые. Но мне на них приходилось туго. Я, как более опытный, шел после Задорнова, а он 20 минут исполнял «Нарочно не придумаешь», которые имели бешеный успех. Однако на тот момент я выступал посильнее

Задорнова и эту конкуренцию выдерживал. Но Миша рос не по годам, а по месяцам. Он прибавлял с дым днем, и уже года через три соревноваться мне с ним стало не под силу.

Во-первых, у него быстро росла популярность. Его чаще всех показывали в передаче «Вокруг смеха». Во-вторых, у него увеличилось количество сильных номеров. Уже появились такие крепкие номера, как «Шпион», пародия на «Что? Где? Когда?» и другие. Ну, и конечно, нравился он зрителю благодаря вставкам «народного юмора», который Миша неизменно собирал.

Мы в середине 80-х гастролировали с ним по Юрмале и Риге, и я уже не мог идти после него, так сильно он проходил.

А к концу 80-х годов Миша стал самым популярным сатириком нашей страны. Он запросто собирал огромные дворцы спорта. Я помню, он меня позвал в начале 90-х выступать в «Лужники». Весь Дворец спорта, а это 12 тысяч, пришел на Михаила Задорнова. Был аншлаг. Концерт длился более трех часов. Я в этом концерте занял всего 20 минут, и куплетисты Е. Динов и С. Щеголихин тоже 20 минут, а все остальное время работал Задорнов и доводил зал просто до истерики.

Я иногда думаю, почему же именно Задорнов стал самым популярным сатириком нашей страны? Ведь в конце 90-х в самом расцвете своих творческих сил были и Г. Хазанов, и М. Жванецкий, и другие сатирики и юмористы.

Конечно, он человек безусловно талантливый. Однако первые десять лет он не мог соперничать даже со мной по юмору. Но в дальнейшем он у меня выигрывал благодаря своей работоспособности.

В 1980 году они появились почти одновременно – Задорнов и Смолин. И надо сказать, что номера у Смолина были на то время смешнее и интереснее, чем у Задорнова. И в смысле работоспособности Смолин вряд ли уступал Задорнову. И показывали Смолина по ТВ достаточно много в то время. Однако Задорнов – гений поведения. Он умел наладить отношения с кем угодно.

А Е. Смолин мог поссориться с кем угодно. Более того, Задорнов абсолютно целеустремленный человек. Он идет к цели, сметая все препятствия на своем пути. В этом смысле Смолину до него тоже было далеко.

И наконец, Жванецкий. На мой взгляд, просто гений в своем деле. Тут все сошлось – и трудолюбие, и талант, и целеустремленность. Но когда меня в передаче «Без протокола» Б. Берман спросил, кто из них популярнее: Задорнов или Жванецкий, я ответил: «Конечно, Задорнов. Ну подумайте, кто еще из наших сатириков сегодня может собирать три дня подряд

зал Кремлевского дворца – только Задорнов».

Если вы спросите меня, кто из них пишет лучше, я, не задумываясь, скажу – Михаил Жванецкий. Но популярнее, конечно же, Михаил Задорнов.

В чем же тут дело? Во-первых, в том, что Жванецкий пишет тоньше, интеллигентнее. Виртуознее. В его текстах больше игры ума. Это не для всех (я имею в виду не все творчество Жванецкого). У Задорнова – для всех. Для всех слоев населения. Он понятен всем – от дворников до академиков. И второе: Жванецкий никогда не позволит себе такое количество народного юмора. Он никогда не вставляет в свои номера анекдотов. Было как-то, он просто несколько анекдотов рассказывал. Но в номерах, в монологах этого нет. А у Задорнова есть. Он может час-полтора рассказывать со сцены всякие истории, почерпнутые в народе. Он на концертах, да и по ТВ, просил присылать ему разные смешные, курьезные истории. И конечно же, когда он их рассказывает со сцены, зал просто рыдает от смеха. Другими словами, против лома нет приема. Невозможно соревноваться с целым народом.

И еще одно обстоятельство – энергетика. Он, Задорнов, конечно же обладает невероятной энергетикой. Причем он, работая перед залом, подзаряжается от него. Иначе как бы он стоял подряд три-четыре часа на сцене и выходил после концерта свежий как огурчик?

Это действительно так.

Я тоже довольно часто выступаю с сольными концертами, и если все идет хорошо, то есть меня хорошо принимают, то через два часа не чувствую усталости.

Но если принимают плохо, то есть ощущается сопротивление зала, после концерта нет сил, руки как свинцовые.

Что еще можно рассказать о М. Задорнове в плане работы. За последние десять лет он не сдал позиций. Он очень дозирует свои появления на экране, заботясь о том, чтобы не надоесть зрителям, и в то же время следит, чтобы не забыли.

У него на телевидении три раза в году идут большие, по два часа, концерты. Несколько раз он делал большие представления, куда приглашал и других артистов.

Конечно, живя в Юрмале, трудно писать о проблемах российской глубинки, но он как-то пока что ухитряется.

Правда, молодые уже наступают на пятки. Я имею в виду С. Дроботенко, М. Галкина, еще пару сатириков. Пока что Мише удается удерживать первенство, но, думаю, что это ему с каждым годом дается все труднее и труднее.

Многие сатирики уже используют Интернет, а там народного

юмора полным-полно. Более того, молодые теперь стали умными и не только сами хорошо пишут, но еще и покупают тексты у других.

Кроме того, характер у Михаила Николаевича становится все сложнее и сложнее. Но он человек мудрый и, думаю, сообразит, что лучше быть добрым и счастливым… Чего я ему от всей души желаю. А если что, я всегда готов помочь.

В качестве приложения – моя речь, зачитанная на концерте, посвященном пятидесятилетию М. Задорнова.

«И зачем он только свалился на мою голову осенью 1969 года! Перевелся из Риги к нам, в МАИ, и пришел ко мне на кафедру знакомиться? А ведь мог стать серьезным писателем, как его отец. При его упорстве – точно мог. Нет, он, глядя на то, как я выступаю в МАИ, решил стать сатириком. Вот и заявился ко мне на кафедру: рыжий, шумный, веселый. Потом он стал ходить ко мне в авторскую группу. Вроде бы учился писать. На самом деле по два часа рассказывал нам анекдоты и сам над ними оглушительно хохотал.

Затем он создал в МАИ свой театр «Россия» и получил премию комсомола за спектакль о Павке Корчагине, где выставлял этого Павку диссидентом.

Мы с женой пришли к нему на спектакль, и моя жена сказала:

– Он – единственный из твоих друзей, кто одевается со вкусом.

Ну, мне это нужно было, чтобы он понравился еще и моей жене?

Первые десять лет в самодеятельности он исполнял мои тексты, постепенно вытесняя их своими. Потом он изобрел свой способ производства юмора. Все, что он видел или слышал смешного, он тут же перерабатывал в свое выступление.

Как-то я позвонил ему домой. Жена его, Велта, сказала:

– Миши нет, что ему передать?

Я сказал:

– Передай ему три рубля.

Через неделю он это уже исполнял со сцены.

Однажды мы с ним были на рынке. Я спросил продавца:

– Почем помидоры?

– По десять рублей.

– А за двенадцать не отдашь?

Вы бы видели лицо продавца. Он так растерялся, что сказал:

– Нет, только за десять.

Через три дня Задорнов это уже исполнял со сцены.

Однажды он мне сказал, что купил жене веер за триста рублей.

– Ничего себе, – сказал я, – лучше бы тремя сотнями обмахивалась.

В тот же день он эту фразу исполнял со сцены. Но это было только начало. Надо сказать, что Задорнов – потрясающе самообучающаяся система. Если он за что-то берется, он обязательно это дело доведет до абсурда. Когда он работал на кафедре в МАИ, вместо диссертации он так модернизировал институтскую аэродинамическую трубу, что она перегоняла брагу в спирт со скоростью звука. У нас с ним все время случались какие-то смешные истории. Когда-то в Баку мы вместе с ним зашли в хозяйственный магазин и обомлели: на прилавке магазина стояли три кастрюли: одна большая, вторая средняя и третья совсем маленькая. Под большой было написано: «Гаструл». Под средней: «Гаструлка», а под маленькой – «Гаструлчонок».

– Это еще что, – сказал Задорнов, – вчера в кондитерском отделе я видел конфеты «Гусиные лапки». А на ценнике было написано: «Лапки Гусейна».

И в тот же вечер мы все это оба исполнили со сцены. И еще десять лет спорили, кто первый дурацкие надписи заметил.

После выхода в передаче «Вокруг смеха» истории о двух девятых вагонах популярность его возросла настолько, что он мог делать с залом все что хотел.

Однажды мы втроем – я, Ефим Смолин и Задорнов – выступали в доме отдыха «Елочка». Начинал я и доводил зал до скандежки, потом шел Смолин, и зал покатывался со смеху. А затем вышел Задорнов, и я впервые в жизни увидел, как весь зал визжал и топал ногами. А одна женщина смеялась так, что просто… Ну, в общем, ей пришлось уйти.

Когда мы на другое утро втроем вошли в столовую на завтрак, все сидящие там зааплодировали. Пустячок, а приятно.

У каждого человека бывают в жизни трудности. Был тяжелый период и у меня. Сижу дома, концертов нет. Все, кому я помогал утвердиться на эстраде, а таких немало, про меня забыли. И вдруг звонок. Задорнов. Не забыл. Позвал выступать с собой в «Лужники». Это был замечательный концерт. Двенадцать тысяч зрителей. Зал – битком. Я выступал минут двадцать. Имел успех. Концерт длился три часа. Можете сами подсчитать, сколько выпало на долю Задорнова.

Где бы я ни оказывался, наши пути обязательно пересекаются: в МАИ, «Литгазете», в Америке, в Израиле.

Помню, выступал в Израиле. В тот период кого там только не было: Пугачева, Рязанов, Карцев, Задорнов… Захожу в магазин, подошла какая-то женщина, узнала меня, стала рассказывать, как они тут живут. Приятно, что в другой стране, а все же узнают. И

уже в конце, прощаясь со мной, она сказала:

– Мы вас очень любим. Желаю вам счастья, Миша.

Все это время она разговаривала с Задорновым.

Нас иногда путают. Хотя у нас нет ничего общего, кроме того, что мы оба рыжие с детства; оба закончили МАИ; оба писатели; оба сатирики, написали одну общую книгу, чего остальные сатирики себе не позволяют; жили в соседних домах на одной улице; оба смешливые, смеемся даже над чужими репризами и оба очень любим женщин, правда, к счастью, разных.

А однажды он так насмешил всю нашу компанию, что эту историю даже много лет рассказывал со сцены Влад Листьев. Дело было в Баку. Задорнов рассказывал со сцены миниатюру про ручечку. Как одна тетечка имела золотую ручечку, она умерла, ее похоронили, и один дядечка решил откопать могилочку и взять себе золотую ручечку. И вот темной ночечкой он пришел на могилочку, стал копать и увидел, что тетечка сидит на соседней могилочке и смотрит на него. А у нее только одна ручечка. «А где твоя вторая ручечка?» – спросил дядечка. «А вот она!» И Задорнов выкидывал вперед руку. Зал – в шоке, а потом все долго смеются. Мы с Аркановым решили разыграть Задорнова и сказали, что в этот день к нам на концерт должна прийти семья Алиева. Вот ты так выкинешь свою руку, и охрана тебя пристрелит. Задорнов пошел к охране и долго им объяснял, что это за миниатюра и ничего в руке нет. На концерте мы все стояли за кулисами и смотрели, что будет. Когда Задорнов дошел до кульминации, он не стал выбрасывать руку, а тихо протянул ее и сказал ласково:

– А вот она!

В зале была тишина, зато мы умирали со смеху.

В 1997 году Задорнов поставил свой личный рекорд для закрытых помещений. В городе Санкт-Петербурге он в течение года дал 28 концертов в зале «Октябрьский» на четыре тысячи человек, 28 аншлагов – такого не было ни у кого в нашем жанре.

На сегодня – это самый популярный в нашей стране сатирик. Кто-то может сказать мне, что Жванецкий тоньше, а Хазанов как актер выше. Но никто не будет спорить с тем, что Задорнов – самый известный, самый популярный и, главное, самый любимый сатирик в стране. У него на концертах смеются так, как никогда и ни у кого. Он три часа разговаривает с залом, и это уже не просто мастерство, это какое-то колдовство, шаманство. К концу выступления в зале – истерика. Задорнов вводит зал в гипнотическое состояние и доводит его до экстаза. «Вот бы так с женщинами», – думает про себя Задорнов.

У него была детская мечта: стать генсеком страны. По-теперешнему – президентом. И она у него осуществилась в ночь

на 1 января 1992 года. Он вместо Ельцина был президентом страны. Дело в том, что президент в тот день занемог и еще несколько дней не мог, и Задорнов по телевидению поздравлял российский народ с Новым годом. Он был ведущим «Огонька». Но поскольку ему надо было ехать в Ригу, к маме, то в 4 утра он сказал мне:

– А дальше веди ты.

И уехал в Ригу. Мама для него значительно дороже. И это мне в нем нравится больше всего.

Аркадий Арканов

В 1966 году состоялся первый фестиваль студенческих театров СССР. Председателем жюри был Аркадий Райкин. Кроме композиторов, артистов и комсомольских работников в жюри были два писателя, Аркадий Арканов и Григорий Горин. Они уже прославились своими капустниками в ЦДРИ. Кроме того, именно в 66-м году вышла знаменитая, лучшая по тому времени книга «Четверо под одной обложкой» в соавторстве с Ф. Камовым и Э. Успенским. Книга эта была новым словом в юморе после долгих лет «положительной» сатиры.

Для меня два этих писателя, Арканов и Горин, были какими-то существами высшего порядка. И вот они сидели в жюри и судили спектакль нашего МАИ «Снежный ком».

В самодеятельности вовсю играли их миниатюры, и «Рояль в кустах», и многое другое.

По всем институтам исполняли «Ревматизм», правда, Арканова и Левенбука.

Этот «Ревматизм» они написали в 1954 г., в подъезде на подоконнике, когда шли к кому-то на день рождения. Взяли брошюру «Профилактика ревматизма у детей» и заменили детей на бухгалтеров. Миниатюра дожила до 90-х годов.

В 1969 году я встретил Арканова в стекольной мастерской на Каляевской. Он нес какое-то стекло в сторону своего дома на Чехова, и я шел за ним только потому, что очень хотелось посмотреть на знаменитого писателя. Конечно, это была не та популярность, какая есть сейчас у людей, раскрученных телевидением. Однако мы, те, кто занимался тогда юмором, все Арканова знали. А книжку их «Четверо под одной обложкой» я знал чуть ли не наизусть.

На сцене я его увидел в МАИ. Был вечер юмора, где всех просто укатал Сичкин, который изображал целый концерт, но и Арканов там имел большой успех. Читал он очень хорошо, не спеша, красивым голосом и все правильно интонируя.

Впоследствии, когда мы уже вместе ездили на гастроли, Хайт сказал:

– Аркан замечательно читает, попробовал бы ты эту фигню почитать со сцены, тут же бы провалился.

В 70-е годы я его встречал в «Литературке», но даже приблизиться стеснялся.

Он меня поддержал на первом моем концерте с «Клубом» в Зеленограде. «Старик» Арканов нас заметил. Дальше мы стали ездить в разные города и, естественно, постепенно сблизились.

Я человек смешливый, а Аркадий Михайлович очень здорово острил и рассказывал жуткое количество разных баек. Так, например, считалось, что Арканов невезучий, а Горин «везунок». Как только Горин поднимал на улице руку, тут же подъезжало такси, а Арканов мог ловить машину часами. И вот Арканов, находясь в Новосибирске, послал Горину в Москву телеграмму: «Выезжай Новосибирск не могу поймать такси».

Как-то, приехав в Одессу для написания эстрадной программы, они, еще никому не известные авторы, не имевшие ни одной книги, просто шутки ради подошли к киоску и спросили:

– У вас нет книги Арканова и Горина?

Продавец-одессит многозначительно посмотрел на них и сказал:

– О! Хватились!

Тогда в Одессе они с Гориным жили в гостинице «Красной».

Однажды как следует выпили. Арканов вышел на балкон и обратился к стоящим внизу одесситам:

– Идите и возьмите почту, телеграф и телефон, – после чего ушел с балкона в номер.

Одесситы остались гадать, кто это был. Решили, что, наверное, сумасшедший, вообразивший себя Лениным.

Однако Арканов не успокоился на достигнутом. Минут через пятнадцать он снова вышел на балкон и спросил:

– Почту, телеграф, телефон взяли? Кто-то снизу ответил:

– Взяли.

Арканов сказал:

– Сейчас же идите и отдайте обратно.

Или еще одна история. Арканов работал в журнале «Юность», руководил отделом сатиры и юмора. Была поездка на Камчатку, Арканов почему-то не поехал. После поездки к нему в отдел пришел фотокорреспондент по имени Аркадий с синяком под глазом и рассказал следующее.

На Камчатке на каком-то банкете он сидел за столом напротив прилично поддатого типа. Тип долго смотрел на фотокора, а потом спросил:

– Вас как зовут?

– Аркадий, – ответил фотокор.

– А случайно не Арканов?

Тот решил пошутить и сказал:

– Арканов.

Далее безо всяких предупреждений тип врезал Аркадию в глаз. Что уж он имел против Арканова – неизвестно.

Вообще-то Аркадий Михайлович человек неконфликтный. А обиды на него возникали по двум причинам: либо он у кого-то

увел женщину, либо что-то плохое сказал. Позлословить он любит.

В 1973 году мы поехали на эстрадный семинар в Рузу. Редактор Министерства культуры РСФСР М. Л. Стельмах собрала нас человек шестьдесят. Всех эстрадных авторов. Преподавателями были Александр Аронович Хазин, Арканов, Горин и еще кто-то, не помню кто.

Я не отходил от Арканова, так он мне нравился. В какой-то вечер мы сидели у него в номере. Ему нравилась девушка Лера, мы ее называли Паричок. Сидели, пили виски и старались девушку Леру обаять. Аркадий Михайлович уже до нас принял как следует, а тут еще добавил целую бутылку виски. Но когда он пьянеет, не очень заметно. Выпить он в те времена мог много. Вдруг Л ера сказала, что ей надо ненадолго уйти, обещала вернуться, надела пальто и ушла.

Аркадий Михайлович встал и тоже начал надевать дубленку. Я не понимал, зачем он это делает. Надев дубленку, Арканов открыл окно и стал вылезать на улицу. По всей видимости, он хотел посмотреть, куда ушла Лера. Однако не удержался и выпал наружу. Мы находились на первом этаже. Был человек, и вдруг нет его.

Потом я услышал слабый голос Арканова:

– Лион, вытащи меня.

Я выглянул в окно, он лежал и тянул ко мне руку. Умирая от смеха, я стал его втаскивать. Дальше мы уже хохотали вместе.

Однажды на гастролях Арканов весь день говорил голосом Брежнева: «Дорогой товарищ Салазар, сегодня, в обстановке участившихся в вашей стране расстрелов…» или «Дорогая Голда Меир…» и так далее.

Целый день он произносил выдуманные им же самим монологи.

Когда он мне первому читал новые рассказы, видно, проверяя их на мне, я смеялся именно там, где потом будет смеяться зал.

Когда Арканов и Горин разошлись, у Аркадия Михайловича началась депрессия. Это совпало с его разводом с Женей Морозовой, его супругой.

Вообще-то сначала Женя, красивая голубоглазая девушка, очень обаятельная, встречалась с артистом Левенбуком. Но на свою беду Алик Левенбук познакомил ее с закадычным другом Аркановым, и Женя влюбилась в Аркадия. Они поженились.

В те времена, в конце 60-х, Аркан много зарабатывал. Они с Гришей очень плодотворно работали и на эстраде, и в театре. Пьеса «Свадьба на всю Европу» шла в шестидесяти восьми театрах страны и за рубежом.

Арканов – человек азартный, он ходил на бега и много играл.

Женя, женщина хозяйственная, обставила квартиру старинной мебелью. Когда только начиналась их семейная жизнь, у них не было ни кола ни двора, и Борис Сичкин взял Аркана за руку и пошел с ним по друзьям собирать ему на кооперативную квартиру. А теперь, в 72-м, они с Женей жили в трехкомнатной на улице Чехова. В квартире было очень красиво и уютно. Но неугомонный Арканов не успокаивался. Он сам мне рассказывал, как они с Гришей сидели где-то на квартире, якобы работали, и вызвали двух знакомых девиц. В самый разгар пьянки позвонила в дверь Женя. Она решила, что ребятам нечего есть, и привезла им еду. Аркан от ужаса совершенно впал в анабиоз. Лег в соседней комнате на кровать и сделал вид, что мертвецки пьян. Женя подергала его, даже стянула с кровати. Он упал на пол и продолжал изображать пьяного. Женя сказала:

– Ну и черт с тобой, – пошла, села за стол, и они вчетвером, включая девиц, стали пить и закусывать.

– А я, – говорил потом Аркан, – лежу как дурак на полу и не знаю, что мне делать.

А еще, помню, Арканов рассказывал мне о Горине.

Гриша с другом в маленькой комнатенке принимали двух девушек. Водки было мало. Пили, курили. Стало так дымно, что Горин попытался открыть форточку. Но друг кинулся наперерез и не дал.

– Ты что, сдурел? – кричал он Горину. – Они же не забалдеют!

А вот интересная психологическая история.

Арканов был в Риге, познакомился с очень красивой женщиной. Вспыхнул роман. Арканову надо было уезжать в Москву. Они распрощались. Она плакала, расставаясь. Аркадий поехал на вокзал и опоздал на поезд. Тогда он радостный вернулся к своей возлюбленной. Она приоткрыла дверь на цепочке и сказала:

– Аркадий, извини, все кончилось. Ты уехал. У меня своя жизнь.

Женя с Аркадием расходиться не хотела. Однако он настоял. Как потом мне рассказывала Женя:

– У него в глазах все время стоял вопрос: «Почему ты здесь?»

Однажды Арканов вышел вечером из дома, а вернулся через двое суток с цветами.

– Где ты был? – кричала Женя.

– За цветами ходил, – ответил он.

Они развелись. Женя с маленьким Васей переехала в двухкомнатную квартиру, а Аркан получил однокомнатную в том же доме. Мне кажется, они не переставали любить друг друга, и

поэтому жить в одном доме и все время общаться как чужие было очень тяжело.

У Арканова начался трудный период. Раньше более молодой Гриша бегал по инстанциям и делал почти всю организационную работу. Горин – живой, общительный, пробивной. Арканов – более медлительный, спокойный, все делает размеренно, не спеша и с ленцой. Не случайно у них и артисты после «расхода» подобрались соответствующие. Горин стал писать среди прочего Писаренкову, а Арканов Петросяну.

Встретились как-то Петросян и Писаренков. Жизнерадостно-злобный Писаренков спросил:

– Как твой?

– Мой грустный, – грустно сказал Петросян.

– А мой веселый, все шутит, – весело сказал Писаренков.

Еще задолго до «расхода» Арканов и Горин писали какую-то эстрадную программу. Им должны были заплатить 1200 рублей. По тем временам нормальные деньги.

Арканов до этого занял у Горина 400 рублей и долго не отдавал. Они пришли в кассу. Получили каждый по шестьсот рублей. Гриша сказал:

– Аркан, давай четыреста рублей.

– Какие четыреста рублей? – изумился Аркан.

– Аркан, ты мне должен.

– Я должен? Да ты что, Гриша?!

Но, короче, отдавать все же пришлось. Аркан отдал четыреста рублей и сказал:

– Что же, я эту фигню писал за двести рублей?

Потом они шли по улице, и Аркан не успокоился до тех пор, пока не заставил Горина купить новый цветной телевизор за четыреста рублей.

Горин привез телевизор домой и долго сокрушался:

– Зачем мне этот телевизор, когда и старый нормально работает!

После развода Женя и Аркан при всей видимости обоюдной неприязни продолжали заботиться друг о друге.

Был период, когда у Арканова совсем плохо было с деньгами и он несколько месяцев не платил за квартиру. Однажды мы должны были с ним ехать выступать в Черноголовку. Этот концерт был очень важен, потому что Бюро пропаганды пригласило нас на смену «Клубу «12 стульев». Я заехал за Аркановым, звоню в квартиру. Никто не открывает. Я звоню снова. Из-за двери кто-то кричит:

– Да заплачу я, заплачу, отстаньте от меня! – Аркадий Михайлович подумал, что пришли из правления кооператива, и

решил не открывать.

Я пошел на седьмой этаж к Жене. Она была в истерике.

– Он там пьяный, – сказала она, – лежит на диване, а вдруг его начнет мутить и он задохнется?..

Я пошел к соседу Арканова, попросил разрешения на транзит, перелез с балкона на балкон и таким образом попал к Аркадию в квартиру. Он лежал в совершенно разобранном виде. Пришлось поднять его, довести до ванной. Он принял душ, попил чаю, оклемался, и мы поехали выступать в Черноголовку. Все прошло хорошо, и мы еще много лет ездили от Бюро пропаганды, собирая группу из 4–5 сатириков.

Эти два-три года были для Арканова очень тяжелыми. Гриша сам писал пьесы, а Аркадию в депрессии было ни до чего. Но потихонечку он все же стал раскручиваться. Все еще действовала его слава ведущего телепередачи «Артлото». Он был первым писателем-юмористом, который задолго до «Вокруг смеха» проник на телевидение. Арканов сначала писал эту передачу, а потом стал в ней сниматься. Он и так нравился женщинам, а тут и вовсе отбоя не стало. Мы как-то сидели с ним в ресторане ЦДЛ. В другом конце ресторана сидела слегка поддатая знаменитая киноактриса. Подошел официант Адик:

– Аркадий Михайлович, вот та женщина просила вас подойти к ней.

Аркан пошел, поговорил, вернулся ко мне и сказал:

– Она хочет, чтобы я ушел с ней.

Не помню, чем дело кончилось, кажется, он не решился. Актриса была слишком экспансивная и неуравновешенная.

Как-то мы с «Клубом» поехали в Баку. Были Резников, Хайт, еще человека три. Публика была тяжелейшая. Один только Хайт все равно проходил как бомба. Я проходил с трудом, но все же проходил со своими наборами довольно грубых реприз, специально сделанных для такой публики. А вот Арканову, который выступал с литературными интеллигентными рассказами, пришлось плохо. Обычно в Баку нас принимали очень хорошо, но тут из-за большого количества концертов публика шла с окраин города, многие и язык-то русский плохо знали. Ну просто беда.

Помню, Арканов, стоя на сцене, закончил читать один рассказ. Публика, не поняв, что рассказ закончен, не аплодировала. Арканов подождал немного и стал читать следующий, еле-еле вырулил на средние аплодисменты. Сошел со сцены совершенно белый и сказал мне:

– Я, кажется, занимаюсь не своим делом.

Я попытался успокоить Арканова. В общем, он и не должен

был подстраиваться под малограмотную публику.

Когда мы ездили по «дырам», ему, конечно, было тяжело с его изящными, не очень эстрадными рассказами. А в больших городах его принимали хорошо. Однажды мы ездили по Казахстану где-то в районе Усть-Каменогорска. Я пробовал там номер, написанный для Винокура. Пародии на Мартынова, на Магомаева, на Лещенко. Я, конечно, пою плохо, но поскольку это были пародии, все проходило нормально.

И вот я стал уговаривать Арканова исполнить этот мой номер со сцены:

– У тебя слух абсолютный, кроме того, я из зала посмотрю, как это все получается.

Он отказывался:

– Да неудобно, ну что я как старый дурак выйду, петь начну.

Но все же я его убедил.

Арканов вышел и по бумажке стал исполнять этот пародийный номер. Пел хорошо и даже похоже на оригиналы. Имел успех. Как только он сошел со сцены, я начал:

– Ну как тебе не стыдно, старый дурень, стоит, поет, изображает певцов, писатель называется!..

И оба мы умирали со смеху. Никто на розыгрыши не обижался.

Часто мы с ним разыгрывали других. Причем Аркадий Михайлович, человек очень сообразительный, все схватывал на лету и тут же подыгрывал.

Так, в Ленинграде мы с ним стояли в очереди в кафе в гостинице. Подходит пародист Брайнин, встает за нами.

Я обращаюсь к Аркадию и говорю:

– Ну что, Аркан, поедем или нет?

(Мы предварительно не сговаривались, все чистая импровизация.)

– Да можно, – сказал Аркан, еще не понимая, куда я его зову.

– Ты знаешь, – продолжал я, – сейчас зима, и эти овощи на дороге не валяются. Есть смысл поехать и выступить.

– Пожалуй, – согласился Аркан. Брайнин насторожился.

– А в чем дело? – спросил он у меня.

– Да тебе это вряд ли будет интересно.

– Это почему вам интересно, а мне нет?

– Да понимаешь, тут позвонил председатель колхоза, всего шестьдесят километров от Ленинграда, предлагает выступить.

– А что дает? – заинтересовался Брайнин. Аркан тут же подхватил тему:

– Два мешка картошки, мешок моркови.

– И полмешка свеклы, – добавил я.

– Аркан, Аркан, а я, я тоже поеду, – говорит Брайнин.

– Да понимаешь, – говорю я, – проблема, как их, эти мешки, в Москве до дома довезти. Тут-то председатель дает транспорт, а в Москве что делать?

– Я, я, я, – торопливо затараторил Брайнин, – я обеспечу, я с машиной договорюсь. У меня знакомый есть.

Договорились, что он, Брайнин, будет в три часа сидеть в номере и ждать звонка председателя.

В два мы с Аркановым поехали к Городинскому играть в карты. И я еле уговорил Городинского позвонить в номер Брайнину и пригласить его от имени председателя колхоза на концерт. Но Городинский сделал это так неумело, что Брайнин все просек и обиделся – конечно, на меня.

Но иногда и Арканов обижался.

Так, когда он в 91-м году начал петь со сцены, я в Лужниках, представляя его залу, сказал:

– Выступает молодой начинающий певец Аркадий Арканов.

Он обиделся, но ненадолго.

Аркан вообще считался довольно равнодушным и эгоистичным человеком, но именно он помог мне, когда у меня тяжело заболела мама. Во-первых, попросил своего брата, анестезиолога, чтобы тот устроил консультацию у хорошего специалиста в Онкоцентре. А когда болезнь мамы зашла очень далеко, попросил Василия Аксенова достать в Париже дефицитное лекарство. Аксенов в Париже попросил каких-то друзей Зои Богуславской, лекарство достали, и Аксенов, который виделся со мной всего лишь раз в жизни, привез его из Парижа. Дело в том, что его мама болела той же болезнью, что и моя. И он лечил ее этим лекарством.

Я никогда в жизни не забуду того, что Арканов мне тогда помог, помог моей маме.

Иногда Арканов бывает несправедлив. И обо мне порой говорил неприятные вещи. Но это не имеет никакого значения. Для меня всегда любую обиду будет перевешивать это вот лекарство, которое при его помощи привезли из Парижа.

А когда травили Аксенова и писали про него гадости в газетах, выдавливая его из страны, я всегда вспоминал, как он мне, малознакомому человеку, вез из Парижа лекарство. Дай ему Бог всего хорошего.

Как-то мы с Аркановым, Воловичем и старухами Маврикиевной и Никитичной (Тонковым и Владимировым) поехали в Гомель.

Поскольку звездами у нас были Тонков и Владимиров, то и публика на нас ходила соответствующая.

Нам, остальным, было тяжело. И вдруг Борис Владимиров стал исполнять аркановских «Бухгалтеров». В зале стон стоял.

Я сказал Арканову:

– Ну вот же есть у тебя номер для простой публики.

– Да неудобно, – отнекивался он.

Однако я его убедил, и на следующих гастролях он попробовал своих «Бухгалтеров», которых не читал со студенческих времен. И прошел с большим успехом. И исполнял этот номер впоследствии еще лет пятнадцать. Этот номер дал ему уверенность. Он знал: что бы он ни читал, в конце все равно прикроется «Бухгалтерами». Через какое-то время, в конце 80-х, он стал выступать даже с сольными вечерами. А в 90-х Арканов, объединившись с Оганезовым, стал петь со сцены смешные песенки. И делает это виртуозно. Открыл свою нишу. Это пародии на современную попсу.

Песни про Анну Каренину или про Настасью Филипповну с позиций современного песнетворчества.

Песенки смешные, и исполняет он их хорошо. Мне нравится. Всегда был дефицит комических песен. Вот Арканов его и восполняет. Кроме того, он теперь вот уже несколько лет ведущий передачи «Белый попугай», то есть просто имеет право рассказывать анекдоты со сцены.

Аркадий Михайлович делает то, что ему нравится. Хотел петь – поет.

Арканов – гений поведения. Он умеет быть таким обаятельным, что нельзя его не полюбить. Конечно, он не ангел, он любит и позлословить, и посплетничать, но кто из нас без этих грехов, пусть… Ну, дальше вы знаете и сами.

Мне очень нравились рассказы, которые он когда-то писал. Я помню, в рассказе «Соловьи в сентябре» была такая фраза: «Приехали с Кавказа Гоги и Тенгиз и за то, что Лида у них летом отдыхала, повели ее в ресторан». Замечательная фраза.

Когда-то Арканов напечатался в «Метрополе». Участников этого самиздатовского альманаха власти преследовали. С Аркановым провел беседу секретарь Ф. Кузнецов, и он было заколебался, но после разговора с Аксеновым позиций своих все же не сдал.

И его так же, как Ахмадулину и других участников, попытались лишить выступлений. То есть просто отслеживали, где «метропольцы» должны были выступать, и перекрывали кислород. Однако Арканова взяла под свою защиту Римма Казакова, она вытаскивала его на какие-то выступления, а кроме того, Арканов ездил куда-то совсем уж далеко, куда не дотягивалась рука Москвы.

Так, в то время Арканов, поэт Луговой и я поехали под Усть-Каменогорск. Поэт Луговой быстро уехал, и мы с Аркановым остались вдвоем. Ничего чудовищней этих гастролей у меня в жизни не было. Зима, стужа и ветер такие, что в какой-то военной части мы застряли на дороге. Темень, вой ветра. Я открыл дверцу «Волги», и ветром разорвало металлическую скобу, на которой держалась эта дверца. Администратор, молодой парень, который подталкивал машину всего минут пять, потом неделю кашлял, надышавшись холодного воздуха.

Арканову в тех концертах пришлось с его интеллигентным юмором туго. Я вывозил, вспоминая шутки вплоть до студенческих миниатюр. Как-то, в общем, вдвоем вытягивали. И вот в последний день гастролей нам наша администраторша вдруг заявляет, что Арканову и Луговому она заплатит по семьдесят пять рублей за концерт, а мне по пятьдесят, поскольку я не член Союза писателей. То есть прямой обман. И главное, все десять дней гастролей она об этом молчала, а сообщила в последний день. После всех мытарств мне стало так обидно, что я просто заплакал.

Аркан, когда мы вышли, решил меня успокоить и, понимая, что администраторша поступает подло, сказал мне:

– Давай так: я тебе из своих доплачу. В общем, разницу разделим пополам.

И надо сказать, что слово свое он сдержал. Хотя, в принципе, мог и не отдавать. Он же за эту администраторшу не ответчик.

Сейчас Аркадий Михайлович – человек обеспеченный, а тогда у него с деньгами было не очень. Как-то я ему предложил купить у меня старый холодильник «Саратов». Договорились на сорок рублей. Взяли Мишу Липскерова, поймали какой-то «рафик» и поехали ко мне. Погрузили холодильник, едем к Арканову. Я говорю:

– Аркан, давай деньги.

– Какие деньги?

– Сорок рублей.

– А разве мы договаривались на сорок?

– Да, – говорю, – на сорок.

– Давай так, – говорит Аркан. – Тридцать пять и бутылку.

– Нет, – говорю я, давясь от смеха, – только сорок.

Торговались мы минут двадцать. Кончилось все тем, что он мне заплатил тридцать девять рублей, а я еще поставил им всем бутылку.

В другой раз уже на гастролях Аркадий Михайлович стал мне рассказывать, какой замечательный альбом продаст мне, когда мы вернемся в Москву.

Вернулись. Встретились в ЦДЛ – Арканов вынул альбом художника Делакруа – «Свобода на баррикадах» и так далее. Потребовал за него десять рублей. Альбом мне не нужен был и даром. Я, умирая со смеху, пытался от него отказаться. Но в результате все-таки купил этот дурацкий альбом за рубль, и мы потом долго его в ресторане обмывали за мой, естественно, счет.

С Аркановым было весело. Однажды мы сидели с ним в ресторане, и вдруг он начал сочинять пародии на эпиграммы одного из наших приятелей. Тот писал комплиментарные эпиграммы, и Аркан погулял вдоволь:

На С. Михалкова:

И сам большой,
И пишет хорошо.

Или на уезжающего Аксенова:

Быть может, ты меня умнее.
Езжай, езжай, не обеднеем.

Я включился в эту игру, и мы написали этих эпиграмм штук двадцать. Конечно, напечатать их было невозможно в то время, но зато мы повеселились всласть.

Один наш общий розыгрыш длился несколько дней. Дело было в Баку. Мы там были с Задорновым, пародистом Брайниным и куплетистом Дабужским.

Все шло хорошо. Миша Задорнов уже набирал обороты. Для большего успеха он исполнял еще и крокодильские «Нарочно не придумаешь». Там была такая шутка: вместо фильма «Убийство Маттеоти» в афише напечатали «Убийство Матюги».

Брайнин с Дабужским жили в одном номере. Задорнов в другом.

Я набрал телефон Брайнина и сказал хриплым голосом с сильным кавказским акцентом:

– Дарагой, это Тенгиз говорит, были вчера на ваш концерт. Ай, молодцы, давай завтра к нам, но не все, можешь собрать?

Брайнин от радости чуть не ошалел.

– А по сколько платить будете?

– По пятьдесят рублей.

– Да, могу, могу, а кого возьмем?

– Да возьми этот, как его, такой, который Матютя, потом и сам давай, ну еще этот пожилой возьми.

– Арканов?

– Да, вот Арканов, запиши телефон… – И я дал ему номер его же телефона.

Радости Брайнина не было предела. Он тут же побежал к Задорнову и договорился о выступлении. Тот, естественно, согласился.

Я снова позвонил:

– Слушай, как тебя?

– Борис, Борис.

– Да, слушай, Борис, не надо Матютя, давай этого нашего Измайлова. Мне сказали, Измайлова давай.

Брайнин побежал к Задорнову и сказал:

– Звонил Тенгиз, сказал, Матютю не надо.

– Какого Матютю? – перестал отжиматься от пола Задорнов.

– Ну, он тебя Матютей зовет, сказал, тебя не надо, а надо Измайлова.

Миша возмутился:

– Слушай, сижу в номере, никого не трогаю, и вдруг на тебе, Матютю не надо.

Брайнин прибежал ко мне:

– Лион, Лион, мужик один звонит, зовет выступить завтра по пятьдесят рублей.

Я сказал, что согласен. Мы пошли на выход. В вестибюле подошел возбужденный Задорнов и закричал:

– Лень, ты представляешь, я у себя в номере занимаюсь гимнастикой, вдруг какой-то Тенгиз сначала зовет выступать, потом говорит, что Матютю не надо. Это я – Матютя! – Мишка при этом жутко хохотал, потому что его смешила сама абсурдность ситуации.

Мы садимся в машину. Аркан впереди, рядом с шофером. Брайнин начинает рассказывать Арканову о приглашении. Тот осторожно скашивает глаза в мою сторону, я не выдерживаю, отворачиваюсь. Аркан все понял.

Когда мы приезжаем на площадку, я ему все рассказываю. Аркану нравится.

На другой день утром звонит Брайнину тот же Тенгиз и говорит:

– Слушай, Борис, ты тоже не нужен, приведешь Измайлова с этим пожилым, получишь свои десять рублей, и все.

Брайнин озадачен.

– Почему?

Тенгиз вешает трубку. Брайнин начинает звонить по своему номеру, и естественно, все время занято.

Он прибегает ко мне в панике. Что делать?

Звонит по своему номеру Тенгизу. Но там никто не берет трубку.

Брайнин уходит к себе. Снова ему звонит Тенгиз:

– Слушай, Борис, не надо тебя совсем. Мы без тебя их найдем, Арканова и Измайлова.

Брайнин в полном недоумении. Деньги уплыли. На концерте он все это рассказывает. Мы с Аркановым говорим, что нам Тенгиз уже звонил и мы дали согласие, но мы не знали, что Брайнина не будет, а теперь мы из солидарности откажемся выступать.

После концерта мы едем в гости к нашим бакинским друзьям. Брайнин изрядно выпил. Мы ему рассказываем, что уже отказались от предложения Тенгиза. Брайнин говорит, что Тенгиза надо наказать. Аркан вспоминает, что у него есть знакомая в ЦК Азербайджана, некая Фатима.

Аркан идет в коридор к телефону и звонит Фатиме:

– Фатима, ты знаешь, какой-то у вас есть Тенгиз.

Фатима, конечно же, знает Тенгиза.

Дальше Арканов рассказывает по телефону всю историю.

Поддатый Брайнин требует Тенгиза наказать.

Мы – Задорнов, я и Дабужский – просто плачем от смеха.

Аркан просит Фатиму как следует наказать Тенгиза. Вешает трубку.

– Ну, она ему задаст, – говорит он Брайнину.

Брайнин доволен, Мы плачем.

На другой день Тенгиз звонит Брайнину:

– Слушай, Борис, зачем Фатиме пожаловался, она теперь меня с работы снимет.

– И правильно, – отвечает Брайнин. Тогда Тенгиз говорит:

– Давай, дорогой, не ссориться, давай в ресторан всех поведу, тебе денег дам.

– Ладно, – согласился Брайнин.

Во время концерта Брайнин ждет Тенгиза, но Тенгиз так и не появляется.

Наконец мы не выдерживаем и говорим Брайнину, что это был розыгрыш. Он нам не верит.

Тогда Аркан спрашивает:

– А по какому телефону ты звонил Тенгизу?

Брайнин называет номер.

– Так это же твой номер.

Вот только здесь Борис поверил.

А еще Аркадий Михайлович помог мне, когда я вступал в Союз писателей. Нужны были три рекомендации. Одну мне дал А. Иванов, вторую Г. Горин, а третьей не было. Аркан сам мне

дать ее не мог – у него был пик неприятностей из-за «Метрополя». С его рекомендацией меня бы точно не приняли. Тогда он позвонил Фазилю Искандеру и попросил рекомендацию для меня.

Фазиль, когда я приехал к нему, а я с ним был до этого не знаком, сказал:

– Я ваши рассказы в «Литературке» читал и рекомендацию с удовольствием дам.

Я еще многое могу рассказать об Арканове.

Мы сейчас почти не видимся, но, несмотря на это, я к нему испытываю самые нежные чувства. Кажется, он сам пишет книгу воспоминаний и сам о себе там расскажет. Я же только вспомнил разные забавные случаи из его жизни. То, что я слышал от него или чему сам был свидетелем.

Феликс Кандель (Камов)

У нас в МАИ в 60-е годы был сатирический коллектив «Телевизор». То есть существовал этот коллектив с 52-го года, но я в него попал в 65-м.

Тогда, в 65-м году, режиссер Александр Матвеевич Мокеев пригласил в руководители авторской группы «Телевизора» Феликса Камова и Эдуарда Успенского, которые до этого уже были в «Телевизоре» в свое студенческое время. Феликс еще в 50-е годы, а Эдик в 60-е. В 60-х они стали эстрадной парой. Я считаю, Камов и Успенский в те годы были лучшими авторами. Они да еще Арканов с Гориным. И не случайно вся эта четверка объединилась и выпустила лучшую юмористическую книгу на ближайшие двадцать лет.

Они вместе с Веселовским и Сусловым стояли у истоков «Клуба «12 стульев» «Литгазеты». Придумывали рубрики, которые существуют и по сей день.

Феликс ушел с инженерной работы, жил литературным трудом. Они с Мокеевым написали пьесу «Передай улыбку». Пьеса шла в театре им. Гоголя. На гонорар за эту пьесу Феликс смог купить кооперативную квартиру на Красноармейской улице. Замечательный подъезд был: Копелев, еще пара диссидентов. Так что потом, в 70-е годы, из черной «Волги» у подъезда следили сразу за всеми.

И вот начался новый «Телевизор». В него пришли студенты из факультетских сатирических коллективов. Но чтобы сделать спектакль, надо было сначала его написать. Для этой цели и была создана авторская группа, которой руководили Камов и Успенский. Нас было человек шесть-семь. Четверо уже махровые авторы – В. Наринский, В. Орлов, Э. Попов, Ю. Савостицкий, у них на счету уже было несколько студенческих спектаклей в факультетском «Вертолете». Я был с приборного факультета. У нас имелся свой коллектив – «Индикатор», куда я тоже писал миниатюрки.

На занятиях Феликс и Эдик как преподаватели стояли перед нами и, заводя нас, практически перед нами выступали. Когда определялась идея миниатюры, они начинали прямо с ходу сочинять ее.

Один кричал: «Нашел!» Второй отвечал: «А я нашел её, нашел!»

Это был какой-то фейерверк остроумия.

Они пытались включить в этот процесс нас. Каждую неделю мы должны были показывать, что написали. Все это обсуждалось,

отбрасывалось или развивалось.

Писался спектакль «Снежный ком, или Выеденное яйцо». Там высмеивалась очередная кампания по сбору яичной скорлупы, жутко необходимой для народного хозяйства.

Наринский и компания относились к нам, чужакам, довольно враждебно. И потому я даже не решился прочесть то, что написал. И эта миниатюра лежит у меня до сих пор. Я просто перестал ходить на эти собрания. Прочитать не решился, а не читать тоже нельзя.

Когда осенью спектакль был уже написан, я, встретив Феликса, извинился, что перестал ходить.

Он пошутил:

– А мы тебя все ждем и без тебя ничего не делали.

Спектакль был написан, и за осень его поставили.

Готовились к первому фестивалю студенческих театров.

Он состоялся в январе.

Спектакль получился по тем временам очень остроумным. Успех был потрясающий. Зал просто ревел.

Несколько первых показов шли с обсуждениями. На одном из них профессор Владимир Сидоров вышел и сказал:

– Да что тут такого, все и так понятно.

После него вышел на сцену я и сказал:

– В отличие от Сидорова мне не все понятно.

Зал засмеялся и зааплодировал.

А потом был фестиваль. Там выступали замечательные коллективы: Томский университет с программой «Есть ли в Томске медведи»; Казанский авиационный институт – от них выступил целый эстрадный оркестр с певцами и с миниатюрами под руководством Семена Каминского; хороши были коллектив из Челябинска с миниатюрой «А что я мог сделать один», Одесский театр миниатюр – уже с миниатюрами Жванецкого. Театр МГУ Марка Розовского выставил сразу несколько спектаклей. Это был настоящий театр со своим репертуаром, где Хазанов в то время был на десятых ролях. А на первых такие теперь признанные артисты, как Филипенко, Филиппов, Фарада. «Снежный ком» по остроте, по успеху превзошел всех. Когда шел спектакль «Телевизора», желающих попасть было столько, что присутствовала конная милиция.

Фарада, помню, потом показывал, как «Телевизор» бьет по физиономии советскую власть.

Председателем жюри был А. И. Райкин, а членами жюри – Л. Арканов, Г. Горин, Л. Миров, О. Фельцман и от ЦК ВЛКСМ Юрьев. После долгих дебатов решили первое место не давать никому. Дали пять призовых мест. И в том числе, естественно,

«Телевизору» за «Снежный ком», как ни сопротивлялись работники ЦК ВЛКСМ.

Я помню, что в МАИ на «Снежный ком» приезжали Тендряков с Евтушенко. Евтушенко после спектакля сказал: «Сатира – это соль, порой выступающая на боках верблюда».

Райкин встречался с коллективом. Говорил какие-то теплые слова. Все были счастливы.

«Снежный ком» прошел всего 24 раза, после чего скандальный спектакль прикрыли.

Понятно, что сами ребята без Феликса и Эдика так написать не смогли бы. Камов и Успенский абсолютно точно выбирали приемы миниатюр, а потом выжимали из ребят все что можно.

Конечно, артистам нашего «Телевизора» далеко было до эмгэушников. На том уровне работали, пожалуй, только трое: Л. Хавронский, В. Степанов и Э. Попов, но текст был такой, что равных этому спектаклю в то время на студенческой да и любой другой эстраде не было.

А летом «Телевизор» послали в Сибирь на гастроли. Так получилось, что я ехал в метро домой и где-то на «ВДНХ» в вагоне встретился с Леонидом Хавронским. У них для гастролей не было ведущего, и он позвал меня. Это приглашение имело для меня огромное жизненное значение. Именно в этой поездке мы стали писать с Наринским, вернее, я ему только помогал писать, но мы на этом подружились. И, вернувшись в Москву, попытались написать программу для Творческой мастерской, что была на ВДНХ и сейчас существует на ВВЦ. Там ставился спектакль для омской группы начинающих артистов. Именно там я познакомился с шестнадцатилетней Любой Полищук.

Однажды мы с Наринским сидели на Патриарших прудах и писали. Я вдруг встал, подошел к проходящей мимо красивой девушке и спросил:

– Скажите, вы могли бы меня полюбить?

Девушка рассмеялась и дала мне свой номер телефона.

Наринский сказал:

– Эх если бы ты так писал, как знакомишься.

Как-то мы вчетвером, всей своей авторской группой, пришли к Камову домой и попросили его продолжать с нами занятия. Феликс в это время работал в журнале «Фитиль» редактором. Редактор он хороший был. Всем недотянутым сюжетам придумывал концовки.

Времени у него на нас не было, и он свел нас с Лифшицем и Левенбуком. И мы стали писать им юмористические номера – написали миниатюру «Бабье лето», какие-то мини-басни типа:

Проказница была мартышка,
Зато теперь ее детишки -
Осел, козел и косолапый мишка.

А с «Бабьим летом» произошла такая история. Они делали этот номер на открытии сезона в «Эрмитаже».

И номер не шел. Ну никак! И вроде все написано нормально – это был парад женщин на стадионе. «Шире стали колонны – это идут жены ответственных работников» – так было написано, и так делали мы в самодеятельности. Но редактура эту фразу не пропустила, и пришлось написать: «Шире стали колонны, это идут женщины-повара». Лифшиц и Левенбук просто мучились этой миниатюрой до тех пор, пока Левенбук не сообразил, что в одном номере наложились друг на друга два приема: прямой и пародийный. Тогда Левенбук выкинул все пародийные репризы, и номер пошел, имел успех, и мы получили деньги сто пятьдесят рублей на троих. Поэтому именно 1968 год я считаю началом своей профессиональной деятельности.

Параллельно мы написали целый спектакль для журналистского коллектива «Верстка и правка» – это Хайт нас сосватал. А еще написали спектакль «Цирк», который так никуда и не пошел.

Мы иногда приходили к Феликсу и показывали то, что делали. И он нас учил. Но если Левенбук нас учил чистой эстраде, то Феликс правил и наши рассказы для «Литгазеты».

В 1969 году в моей жизни появился Хазанов. Этот шустрый носатый парень не любил платить деньги за тексты. И я помню, как Феликс, узнав, что я Хазанову написал одну репризу для «Кулинарного техникума», сказал:

– Звони. Прямо сейчас звони и требуй оплаты.

Я возразил:

– Но там же одна реприза.

– Он ее исполняет?

– Да.

– Реприза стоит в Москонцерте сорок рублей. Звони.

Я позвонил, но это ничего не изменило.

Кстати, именно Феликс в 1974 году после успеха первого монолога «Учащегося кулинарного техникума» предложил сделать серию монологов этого придурка.

Мы с Воловичем и Хазановым написали их три: «Военкомат», «Женитьба» и «В цирке», но идея серии, я точно помню, была Феликса.

Каким-то образом так получилось, что мы с Феликсом стали

сближаться. Инициатива, конечно, исходила от меня. Мне он очень нравился – не только тем, что он был профессионалом высокого класса, но и всем остальным. Мне нравилось, как он шутит, и какая-то необычная манера разговора – например, он говорил, как-то повышая голос в конце:

– Ну хорошо!

Я даже невольно подражал его речи.

Мне и внешне он очень нравился. Небольшого роста, худощавый, с правильными, красивыми чертами лица, седые волосы, и глаза чуть-чуть косенькие. Будь он большого роста, он бы вообще был красавец.

Одевался он всегда в одно и то же. Скромные брюки и свитер толстой вязки. По-моему, ему это было все равно. Просто в свитере было удобно. Ни разу, кажется, не видел его в костюме, да ещё с галстуком.

Но больше всего мне нравилось, что он умница. Мы его в своей компании называли «мудрый Соломон». Мы все ходили к нему со своими проблемами. Он, как ребе, разбирал ситуацию и давал мудрые советы. Помнится, Таничу кто-то пообещал за приличные деньги помочь вступить в кооператив. Танич взял Фелю, тот из-за угла посмотрел на человека и сказал:

– Не надо с ним иметь дело.

А Танич уже хотел отдать деньги на квартиру. Феля его удержал. Человек оказался аферистом.

Единственный прокол у него произошел уже году в 76-м, когда он был в отказе. Они собирались еврейской группой на какие-то тайные семинары, и один человек из их среды всех выдал. Как-то раз после этого мы сидели втроем: Феля, Хайт и я.

И Феля сказал:

– А вот интересно, у меня есть фотография нашего семинара. Вы по фото сможете определить предателя?

На фотографии было человек двадцать. Хайт указал на двоих – либо тот, либо этот. А я указал на одного из этих двоих. Феликс был поражен. Я точно назвал того, который дал слабину.

– Где же вы были раньше?! – кричал Феликс. Почему-то запоминаешь случаи, где ты выглядишь лучше.

Вот и я запомнил. Но нам с Хайтом было легче, чем Феле, мы-то уже знали, что кто-то здесь предатель, а они, общаясь, не могли этого знать.

Где-то в конце 60-х они вчетвером – Успенский, Камов, Хайт и Курляндский – пошли в мультипликацию, видно, понимая, что на эстраде – тупик, а зарабатывать надо. Мультяшки – дело чистое, не надо никакой идеологии.

Они все четверо были талантливые, у них все пошло.

Вчетвером они сделали сюжет о Волке и Зайце в «Веселую карусель».

Из этого сюжета потом Камов, Хайт и Курляндский создали первый советский бестселлер «Ну, погоди!». А Э. Успенский выпустил «Чебурашку и Крокодила Гену». Можно сказать, что все четверо – классики советской мультипликации. Выпусти они столько популярных фильмов в Америке, они бы были миллионерами, а здесь они только по нашим меркам были обеспеченными людьми.

Феликс – человек образованный, он много читал в то советское время, а сейчас в Иерусалиме читает еще больше, поскольку в этом есть производственная необходимость. Представляете, сколько надо прочитать, чтобы написать историю евреев в России. А он уже выпустил три книги и, кажется, выпускает четвертую.

Кроме юмора у Феликса уже тогда была тяга к серьезной прозе.

Ещё в начале 70-х годов он напечатал в журнале «Новый мир» рассказ «Я маленький». Чудесный рассказ. Свой, ни на кого не похожий стиль. А писатель, как мы знаем, это стиль.

В те времена напечататься в «Новом мире» было невероятно почетно.

В начале 70-х мы с Фелей, наши жены и Фелины дети ездили по подмосковным городкам и смотрели церкви и монастыри: Дмитров, Александров, Коломна и т. д. В те времена церкви пребывали в ужасающем виде. Чаше всего в них находились склады. Были, конечно, кое-где и музеи, и даже действующие церкви иногда попадались, но таких было совсем мало.

Мы ездили, смотрели. Какая же красота – зимняя Александровская слобода. Мы ехали на электричке, и ничего, получали наслаждение. Я из кожи вон лез, старался быть остроумным и веселил всех. Был я у нас ответственным за погоду, и чаще всего хорошая погода нам сопутствовала. Но потом, году в 74-м, появилась Лариса Рубальская, и уж она лучше меня обеспечивала погоду.

А появилась она со стороны Тамары, жены Феликса, красивой и очень бескомпромиссной женщины. Вот она правду-матку резала в глаза всем, включая Феликса. Но Феликсу, я так понимаю, наедине. Лариса ее обожала. Да и все мы ее любили.

А ещё у Феликса с Тамарой была подруга Раечка. Она одна воспитывала двоих близняшек. Дети были красавчиками, крепкими и сыпали анекдотами. Вы их могли видеть в фильме Ролана Быкова «Внимание, черепаха!». Ролан Антонович снимал их по очереди. Когда один уставал, он снимал второго. Раечка

очень хорошо знала архитектуру Москвы. Иногда по воскресеньям мы большой компанией встречались в центре Москвы, допустим, на Суворовском бульваре, шли вдоль бульвара, и Раечка нам рассказывала о каждом доме, что за стиль, что внутри, кому принадлежал до революции, кто строил.

Году в 74-м она с детьми уехала в Америку. Это про нее лифтерша в ее доме говорила:

– Куда ж она собралась с двумя детьми, тут за тридцать километров от Москвы есть нечего, а она – в Америку!

Из Америки Раечка писала нам письма, где по памяти рассказывала о домах на той или иной улице. И мы шли вдоль домов и читали ее письмо. Светлый была человек. Царство ей небесное.

В 69-м году я женился на Алле Боссарт. Ребята привезли на мою свадьбу Феликса. Один из гостей, художник Назаров, подарил нам мультипликационную картинку. Феликс ее увидел и стал очень интересно рассказывать, как делается мультфильм, а одна вредная гостья вдруг фыркнула и сказала:

– Тоже мне, генерал на свадьбе.

Я был возмущен: вот уж Феликс точно никогда никаких генералов не играл.

В 2001 году Феликс вдруг мне рассказал, что виделся в Иерусалиме с Аллой Боссарт, которая приезжала туда со своим нынешним мужем Игорем Иртеньевым и они были у Феликса в гостях.

И вдруг Феликс говорит Алле:

– А ведь я у вас был на свадьбе.

Боссарт не могла в это поверить. Но Феликс напомнил ей эпизод с этой злобной девицей. И он, и я помним этот эпизод.

– Потому, что мне было стыдно за эту мымру, а Феля – оттого, что такие вот вещи почему-то очень запоминаются, когда так несправедливо вдруг тебя обругают.

В 72-м году Феликс со всей семьей подал на отъезд. Их продержали в отказе пять лет.

У него началась совсем другая жизнь. Работать ему не давали. Авторские отчисления, естественно, тут же прикрыли, да к тому времени его исполняли совсем немного. Он уже давно эстрадой не занимался. Ему приходилось писать под чужими фамилиями. Я предложил ему деньги, но он, естественно, отказался. Я говорил ему, что Энгельс занимался торговлей и посылал деньги Марксу, а я что, хуже Энгельса?

Но его перспектива стать Марксом при таком Энгельсе не сильно увлекала.

Мы с Наринским и Таничем по заказу Министерства

культуры писали мюзикл «Янки при дворе короля Артура». Композитором должен был быть Никита Богословский. Танич, когда я шел к Богословскому, предрек:

– Ты придешь, и он ещё в прихожей скажет: «Пьянки при дворе короля Артура».

Точно так и произошло. Никита Владимирович сильно удивился тому, что я не смеялся его экспромту. Я пригласил Феликса принять участие в написании мюзикла в качестве руководителя нашей авторской группы. Он согласился, но аванса не взял.

Мы сделали не точную копию романа Марка Твена, а современный вариант, и неплохой, но, наверное, от нас ждали именно инсценировки классика, так что пьеса не пошла.

С 1973 по 1975 год я учился на Высших сценарных курсах. На одном из занятий Данелия с Габриадзе послушали заявку А. Кучаева. Суть ее такова. Двое молодых, любящих друг друга людей договорились разойтись через три года совместной жизни, поскольку любовь все равно умирает. И чтобы не присутствовать на похоронах любви, они решили разойтись, даже если будут любить друг друга. И вот три года прошли. Они расходятся и вспоминают эти три года. Вот такое кино. Услышав эту заявку, наши учителя так возбудились, что, долго цокая языками, рисовали картинку. Вечер, сумерки, набережная. Эти двое любят друг друга, но надо расходиться. Красиво.

Данелия сказал Кучаеву:

– Все, Андрюша, пиши.

Я пришел к Феликсу и рассказал всю эту историю. Феликс возразил:

– Все пустое. (Его присказка.) Здесь ничего нет. Если двое любят, зачем им выдерживать этот глупый договор? Если любят, будут жить дальше. Надо мысленно погрузить придуманную ситуацию в жизнь. Если все нормально, все сходится, все естественно, то замысел правильный.

Через месяц Кучаев принес первый вариант сценария. Данелия прочел и сказал:

– Извини, Андрюша, не получилось. Это не ты виноват, а я.

На этом примере я еще раз убедился в высоком профессионализме Феликса.

Кстати, Данелию Феликс очень уважал. Работал с ним как редактор «Фитиля» и говорил, что у него на площадке всегда железный порядок.

А какие замечательные дни рождения праздновали мы на даче Феликса в Абрамцеве!

День рождения Тамары в июле. Феликс с Хайтом тогда

снимали дачу на двоих. Приехали Танич с женой Лидией Козловой, мы с Леной, Гена Хазанов со Златой, мой соавтор Наринский с женой Инной и еще друг Феликса, писатель Анатолий Гладилин. До сих пор вспоминаю с удовольствием. Запомнил одну деталь. Гладилин в шутку ухаживал за Златой и все время кричал:

– Я три года без женщины!

На что я сказал:

– Будешь ухаживать за Златой – будешь еще три года без женщины.

Смеялись.

Хотя при таких гостях, как Танич, Хайт и Феликс, шутить очень трудно. У Феликса юмор совершенно необыкновенный.

Например, была у них с Эдиком такая реприза, которую потом многие выдавали за свою: «Археологи нашли подземный ход XVII века, длиной три километра, между мужским и женским монастырями. Ученые установили, что 2900 метров в скальной породе прорыли женщины».

А то еще помню, как мы сидели с Феликсом году в 1992-м в парке Иерусалимского университета. Я поднял с земли шишку, положил себе в сумку и сказал:

– Я собираю всякие памятные вещи: гальку с Байкала, шишки из Иерусалима.

И Феликс тут же добавил:

– Бриллианты из Оружейной палаты.

Итак, Феликс был в отказе и нигде официально работать не мог. Но трудности материальные были ничто по сравнению с гонениями, которые обрушивала на голову Феликса и его семьи советская власть. Возле дома даже ночью стояла «Волга», и там сидели оперативники.

Однажды в соседнем дворе напали на двадцатилетнего сына Феликса Женьку и сильно его избили. А Женька такой был в те времена безобидный парень, что просто грех было его трогать.

Второй сынишка, Лешка, был пухленький, с ямочками и совершенно замечательный парнишка. Когда ему было восемь лет, мы с ним как-то сели на диван и стали вдвоем читать книжку. На второй странице я вдруг заметил, что Лешка дочитал раньше меня. На следующей странице я ускорил свое чтение, но результат был тот же, и на третьей, и на четвертой. И вот мы повели Лешку записывать в школу, причем сразу во второй класс. Он ответил на все вопросы, кроме одного:

– Кто лежит на Красной площади?

– Пьяный? – спросил Леша. – Ну никак он не смог вспомнить про Ленина.

Телевизора в доме Камова не было принципиально.

– Не хочу отравлять детей пропагандой, – говорил он.

Мне очень хотелось помочь Феликсу хоть как-то. Однажды им пришла посылка от какой-то благотворительной организации. Там было вельветовое пальто. Его нужно было продать. Я сказал, что куплю его себе. Цену Тамара назвать не захотела. Договорились так: я отнесу пальто в комиссионный, и во сколько его там оценят, за столько я его и куплю.

– Только без вранья, – сказал Феликс.

Я обещал.

Пальто оценили всего в шестьдесят рублей.

И я, как дурак, назвал Феликсу и Тамаре эту цифру. Нужна она была мне, эта честность, в тот момент? Но соврать Феле я не мог. Так и купил за шестьдесят рублей.

Еще в 1970 году я устроил Тамару на курсы японского языка и сам потом пошел туда учиться. Курсы были единственными на всю Москву и жутко дефицитными, но директором этих курсов была моя теща, Нина Анатольевна, вот мы там и учились. Там же, кстати, и познакомились с Ларисой Рубальской. Интересно, что когда я приехал в Израиль в 1990 году, Тамара не могла вспомнить, как же она попала на эти курсы. И очень удивилась, когда я ей напомнил про свою тещу. Жизнь в другой стране сильно отбивает память о предыдущей. Другая жизнь.

Году в 76-м позвонил мне Хайт и сказал, что телевидение предлагает написать детскую передачу. Мы поехали на Шаболовку. Передача должна была быть по азбуке. Мы с Хайтом поняли, что это вместо «АБВГДейки» Э. Успенского. Редактор сказала, что к Эдику эта передача не имеет никакого отношения, что уже после Эдика двое или трое авторов делали передачи по азбуке, но ТВ они не устроили, и вот обращаются к нам. Она рассказала, что в Америке есть подобная передача, которую ведет кукла, шикарная, управляемая кукла, а когда проходили букву «W», то через всю Америку с запада на восток летела эскадрилья самолетов в виде этой буквы. Нам предлагали сделать без самолетов и без кукол, но чтобы не хуже. Платить будут тысячу рублей за сценарий одной передачи. А их предполагалось двадцать четыре. Мы обо всем этом рассказали Феликсу. Он согласился писать.

И вот началась работа. Я, собственно, сидел третьим лишним. Феликс и Хайт у меня на глазах сочинили первый вариант передачи, на букву «А», для двоих клоунов, Хазанова и Писаренкова, и одной актрисы, Ирины Муравьевой. Меня бы этот вариант вполне устроил, но они его переделывали еще семь раз. Итого восемь.

Я потом взял все материалы домой и записал, что-то приглаживая.

В следующий раз, на букву «Б», было то же самое. Я предполагал, что если мы запустимся, то три передачи будут делать Хайт с Камовым и одну мы с Наринским, если, конечно, у нас получится. Но Камову с Хайтом, наверное, не нужен был свидетель их творчества, и они одно из заседаний провели без меня.

А дальше мы поставили две фамилии – Измайлов и Хайт, поскольку фамилию Камова ставить было нельзя.

Мы прочли два этих сценария по пятнадцать страниц на худсовете, и все члены худсовета, не сговариваясь, подняли вверх большие пальцы.

Недели три мы ждали, когда нам что-либо скажут. Через месяц я не выдержал и позвонил редакторше.

Она сказала:

– А разве вам не сообщили? (Это обычное телевизионное хамство.)

– А кто, – поинтересовался я, – кроме вас, мог мне что-нибудь сообщить?

– Ой, вы знаете, а мы эту передачу снимать не будем.

И далее без объяснений.

Потом уже мне рассказал мой приятель, что они не могли пережить, что должны будут выплатить нам двадцать четыре тысячи за сценарии.

Как говорил значительно позже А. Я. Лифшиц: «Делиться надо». Мы тогда это понимали так: делиться надо с друзьями. Мы сказали Феликсу, что получили аванс двадцать пять процентов за две передачи, то есть пятьсот рублей, и отдали ему, скинувшись, причитающуюся ему половину.

Об этих сценариях и нашем участии узнал Э. Успенский и разозлился почему-то именно на меня.

А Феликс, кстати, просил меня не говорить Эдику, что он участвовал во всем этом. Не хотел с Эдиком ссориться. Да и сам Эдик с Хайтом не хотел ссориться, поэтому вся его злая энергия обрушилась на меня. Он говорил Феликсу, что видеть меня не может и даже может ударить. А когда они собрались обсуждать все это, ребята сказали, что я тоже должен присутствовать, Эдик был категорически против. Он, видно, понимал, что упрекнуть меня ни в чем не сможет.

Аргумент у него против меня был один, он его и выложил. Когда Левенбук, которого взяли третейским судьей, спросил, чем я ему не нравлюсь, Эдик заявил:

– У него лицо негодяя.

Я совсем не хотел с ним ссориться, более того, я к нему очень хорошо относился, и мы с ним даже хотели что-то вместе делать, но увы, его застопорило. В то время он бросал курить и был очень раздражен.

Когда Феликс уехал, через несколько лет он в письме попросил меня что-то передать Эдику. Я передал, Эдик выслушал и даже поблагодарил. После этого, встретив его в ЦДЛ, я, естественно, поздоровался с ним. Он вскочил со стула, подбежал ко мне и сказал:

– Не здоровайся со мной, не унижай себя.

С тех пор я с ним и не здороваюсь вот уже двадцать лет. А жаль. Мы бы с ним за эти двадцать лет могли много сделать хорошего.

Причем в первую встречу я попытался ему объяснить ситуацию с Фелей. Он не поверил, что писал Феля, а Камову потом было невыгодно в этом сознаваться. Вот так я и остался без вины виноватым.

Когда Феликс уехал, я с ним переписывался. Мне его очень не хватало. Он был моим настоящим наставником – не только в юморе, но и в жизни.

Года три он мне отвечал и писал замечательные письма, все они у меня лежат в целости и сохранности. А потом перестал отвечать.

А затем написал: «Не обращай внимания на то, что я не отвечаю, все равно пиши». Но с таким же успехом можно переписываться с телеграфным столбом. Поэтому я писать тоже перестал.

Феликс работал на «Радио Иерусалима». Делал передачи на Советский Союз. У меня это радио не ловилось. И я ездил к его брату, брал у него пленки Фелиных передач и слушал их. Передачи были очень хорошие, нормальный, спокойный рассказ о жизни в Израиле. Умный разговор с умными людьми. Многие в Союзе его передачи слушали и Феликса знали.

В 90-м году я впервые поехал в Израиль к родственникам. Но во многом я стремился в Израиль из-за Феликса. Я ждал встречи с ним тринадцать лет и очень хотел его увидеть. Тогда летели через Будапешт. В Будапеште мы сидели сутки в аэропорту, и там был Левенбук, который на предыдущем самолете тоже летел в Израиль – к Феликсу. Самолет Левенбука прилетел на час раньше. Феликс встретил Алика, и они уехали. Этот час он ждать не захотел. И еще неделю я ему звонил, а он все не мог со мной встретиться – так был занят.

Ну что было делать, кого-то другого я бы… а Феликса я любил. Через неделю мы все же встретились. И я увидел

совершенно других людей. К тому же они с Тамарой очень агрессивно приняли известие о том, что я крестился, хотя именно благодаря Феликсу я полюбил церкви как красоту. И вообще, они заняты были своими проблемами, и все мы там далеко, в Москве, были им уже на фиг не нужны. У них была другая жизнь. А впрочем, может, я не прав. Может, это именно я им был не нужен. И хотя Феликс потом ездил со мной и показал много интересного, прежней душевности по отношению ко мне я не ощущал.

Книжки, которые он здесь, о Израиле, написал, на меня не произвели впечатления. Мы в то время были отравлены политикой, разоблачениями, скандалами, и его спокойные, мирные истории от меня были очень далеки. Притчи, которые он писал, тем более о России, мне казались совершенно чуждыми нашему читателю.

Мне очень нравилась его книга «Зона отдыха». Он ее написал, отсидев десять суток после демонстрации, которую отказники устроили у здания приемной Верховного Совета. Они подняли плакаты в знак протеста. Их схватили, посадили в автобусы, отвезли за город, избили, а потом посалили на десять суток. За эти десять суток Феликс сочинил книгу, замечательную книгу, которую потом и написал. Она была точно про нашу жизнь и очень здорово написана, с потрясающими историями, наполненными и горечью, и юмором.

А эти новые книжки были вроде бы про нашу страну, но не про нашу жизнь, и мне не понравились.

Приехав года через три-четыре к нам в Москву, Феликс опять же был какой-то странный. Он, например, мог, придя ко мне домой, сказать:

– У тебя квартира хуже, чем у всех.

Вот такая вдруг появилась манера. Может, и хуже, но кто же об этом говорит?!

Он не прочел моей книги об отце Александре Мене, а прочел только фразу о том, что он, Феликс, «отрезанный ломоть», и очень обиделся. А что ж тут обижаться? Александр Владимирович правильно считал, что, уехав в то время за границу, когда был этот железный занавес, люди становились отрезанными от нашей жизни. Да если бы он не был «отрезанным ломтем», он, может быть, и не выжил бы на Земле обетованной. Люди, которые в Израиле жили интересами Советского Союза, говорившие только по-русски и не порвавшие с прошлой жизнью, не могли построить новой жизни в новой стране. Это же не из Бельгии переехать во Францию или даже в Америку. Там-то всегда можно вернуться. Феликс сам когда-то писал: «Если из страны можно уехать, то в ней можно жить». Из этой страны, СССР, можно было уехать

только раз, ни вернуться в нее тогда, ни дружить с ней не было никакой возможности. Выживали только «отрезанные ломти».

Паша Леонидов, знаменитый администратор, так и не нашел себя и Америке, потому что не выучил язык и бегал в советское посольство общаться.

Ну что ж делать, обидеть я Феликса не хотел, что написал, то и написал и считаю, что написал правильно, тем более не я, а поумнее меня человек сказал.

Потом, когда Феликс снова приезжал в Москву, я его отвез в Семхоз в дом Александра Меня. Думаю, если бы он был жив, они с Феликсом очень понравились бы друг другу. Оба очень талантливые и мудрые. Феликс сказал мне:

– Представляешь, какой из него бы получился раввин!

Да точно такой же, какой получился священник. Святой! Вот и все.

Для меня Александр Владимирович – современный пророк, и чем больше лет проходит с его кончины, тем он значительнее и значительнее.

Потом уже, когда стали мы ездить туда, в Израиль, а они сюда, как-то стали налаживаться связи. И Феля потеплел, и агрессии в нем поубавилось. Я даже надеюсь, что недавнее крещение семидесятишестилетнего Танича, друга своего, он воспримет совсем иначе, чем мое.

Всё это было написано в 2000 году, а сегодня – 2014 год. Феликсу исполнился 81 год. Он хорошо выглядит и хорошо себя чувствует. За эти годы я несколько раз был у него в Израиле, а он не раз приезжал к нам, в Россию.

Недавно я прочитал его последнюю книгу «Мой дом». Книга прекрасная. Она о его ушедшей жене Тамаре, о брате Борисе, о людях, которые были в его жизни и в СССР, и в Израиле. Он, Феликс, человек довольно закрытый, а здесь, в этой книге, открыл свою душу. Вот и книжка получилась душевная. Откровенная. С болью. И с радостью от подаренной ему жизни. Замечательная книга. Я прочитал её не отрываясь. В некоторых местах даже плакал.

В глушь, в Саратов

С Виктором Михайловичем мы познакомились в Карловых Варах весной 1984 года.

Он жил под Саратовом и там же работал председателем колхоза. Он не стремился стать начальником, но жизнь заставила. Он себе работал на поле и так бы всю жизнь и работал. Однако бригадир запил и его, работящего и довольно толкового, сделали бригадиром. А потом такое веяние пошло – посылали за государственный счет учиться.

Председатель спросил:

– В колхоз вернёшься?

– Да, – сказал Виктор.

Его и послали учиться. Вернулся он с высшим образованием, а тут и сам председатель запил.

Вот его, единственного образованного и поставили председателем.

В Карловых Варах он страдал. Ему все здесь, кроме пива, не нравилось.

– У нас, – говорил он, – под Саратовом, эма, простор, леса, река, а здесь что, как в углу – ущелье да речка теплая.

Жена моя, Лена, спросила:

– А архитектура какая?

– Ну что же, эма, архитектура, – посмотрел на неё, – дома и есть дома, эма.

Лена спросила, а почему он её всё время называет Эммой.

– Да пословица у меня такая, эма, одни говорят «значит», другие – «эх ма», а я говорю «эма».

Виктору Михайловичу не нравилось всё: и еда, и обслуживание, и чехи, которые считали его завоевателем.

Он, большой человек весом 130 кг, еле передвигался по горам Карловых Вар.

Я ему пытался объяснить, что мы в шестьдесят восьмом году вошли сюда танками, они этого забыть не могут.

– Правильно вошли, – сказал он, – если бы мы тогда братскому ихнему народу не помогли, знаешь, что бы здесь было?

– Что?

– Капитализм, и нас с тобой сегодня здесь не было.

– Может, оно и хорошо? – сказал я.

– Что – хорошо?

– Чтобы нас здесь не было.

– Ну, это ты брось, – сказал он и опасливо посмотрел на меня.

Шел 1984 год, и кто его знает, кто здесь мог отдыхать.

А отдыхали здесь в те восьмидесятые годы восемьдесят процентов рабочих и крестьян и двадцать процентов интеллигенции. Причем многие рабочие и крестьяне просто изнывали от этого отдыха.

– Еда плохая, – говорил Виктор Михайлович.

– Диета, – возражал я.

– Да брось ты. Вот ты ко мне приедешь, пойдем на склад, возьмёшь, эма, что хошь, хошь баранину, хошь свинину, отнесёшь в столовую и тебе что хошь сделают.

– А лес у вас далеко?

– Да рядом.

– А рыбу половить можно?

– Два пруда с карпами.

– А на лошади можно покататься?

– Рысака купил на развод, катайся, сколько хочешь. У меня колхоз, эма, тридцать национальностей. Недавно 52 семьи немцев приехали из Казахстана, работящие, непьющие, я им дал по дому кирпичному двухэтажному. Ну, их, эма, конечно сразу возненавидели, фашистами зовут. Ну, я одну, которая фашистами их называла, выгнал из колхоза, теперь не называют.

Виктор Михайлович в Чехии просто извелся.

Я однажды пришел к нему в номер, их сидело трое и валялось штук десять пустых бутылок. Так они с друзьями проводили время. Каждый вечер квасили. Сначала то, что привезли из СССР, а потом уж и на кроны покупали.

Виктор Михайлович половину денег на это пойло истратил. А особенно переживал, что там, на Родине, гречиху не так посеют.

Короче, Виктор Михайлович сократил пребывание в Карловых Варах на неделю и вместе с нами уехал в Москву.

В Москве в начале лета я написал письмо Виктору Михайловичу, он подтвердил приглашение, и мы с женой поехали к нему под Саратов.

Когда я ещё в Чехии спрашивал: «А где мы будем жить?» – Виктор отвечал: «В лаблатории. Я под тебя её оборудую». На том и порешили.

Лена очень не хотела ехать в глубинку, предчувствуя неладное. Однако я настоял, очень хотелось и рыбу половить, и по лесу погулять, и молочка свежего попить.

Нас встретил какой-то парень на «Москвиче» и повез в колхоз «Рассвет».

Вдоль дороги были посажены ещё в сталинские времена фруктовые деревья, смородина красная и черная. Так что многие останавливались и набирали ягод и фруктов.

Приехали уже в темноте. Шофер ввел нас в какой-то

свежепобеленный домик. Там стояли две железные кровати. Ни света, ни воды не было.

– Лаблатория, – сказал шофер и ушел.

Пошли в темноте искать дом Виктора Михайловича. Ухнули в какую-то канаву, потеряли туфель, перемазались в грязи.

Долго стучались в дверь дома. Хозяйка, открыв, закричала:

– Ой, батюшки! Он вас не нашел?

– Кто?

– Витя!

– А он что, вернулся?

– Да нет.

– Ну а как же он нас найти-то мог?

Хозяин приехал как раз к двенадцати ночи. Обрадовался, извинялся, что был занят.

– Эма, в общем, вы не волнуйтесь.

Я говорю:

– Там ни воды, ни электричества, ни туалета нет.

– Завтра будет, – сказал Виктор Михайлович.

Утром встали в своей «лаблатории», вокруг пустырь, обнесенный дощатым забором. А далее раскинулись бескрайние поля. Леса поблизости нигде не наблюдалось. Возле забора два солдата рыли яму, это они делали туалет. Потом с другой стороны забора появился пьяный и заорал мне:

– Па сюда… па сюда.

Я подошел.

– Вот ты писатель, да? – спросил пьяный. Народ, видно, был уже осведомлен о моем приезде.

– Вот ты и напиши, – продолжал пьяный, – пока тебя не было – и туалета не было. Куда было народу ходить? А ты приехал, и туалет делают. Вот ты и напиши.

– Обязательно напишу, – сказал я. И выполняю сейчас это обещание.

Мы позавтракали у председателя, пошли осматривать деревню. Чисто было только возле немецких домов. Мы поискали молока, но молока ни у кого не было. Не было ни коз, ни коров, колхоз оказался свекловодческим. Даже петрушки и укропа купить было невозможно.

Мы с женой вышли в поле. Где-то далеко у горизонта виднелся лес. В поле мы обнаружили «Волгу», а в окрестностях её самого председателя.

Какой-то мужик в промасленной спецовке крыл председателя матом, а Виктор Михайлович спокойно сидел и слушал.

Механизатор матерился минут пятнадцать. В конце председатель сказал:

– Ну, всё, иди работай, – повернулся к нам и сказал: – Садитесь, подвезу.

Мы поехали по полям.

– Ну, я тебе, эма, говорил, что они гречку не туда посадят?

– Говорил.

– Так оно и вышло. Теперь всё пересеивать надо. Вернулись в деревню или посёлок. Хотелось есть.

В столовой никого не было. Пошли домой к поварихе. Она открыла столовую и налила нам супа из котла, а также положила в железные миски кашу с тушенкой.

Всё съели, да ещё и миски хлебом вычистили.

– А склад-то у вас есть? – поинтересовался я.

– Есть, – согласилась повариха.

– А чего там есть?

– А что председатель выпишет, то и есть.

– А баранина есть? – не унимался я.

– Ну, ежели председатель выпишет, значит, есть. Вечером у нас в «лаблатории» уже был свет, правда, занавесок на окнах не было, так что мы просматривались отовсюду.

Утром шли по улице. Я вспомнил про карпов в прудах.

Спросил у прохожего:

– А пруд-то у вас есть?

– Да, вон, – сказал он, и показал на ручей.

На ручье была плотина. Вода была грязная, темная. Вопрос о карпах отпал сам собой.

– А карпы-то здесь есть? – не удержался я.

– Да вон там ещё пруд был, но его спустили. Там деревня была, – показал он на голое место.

– Как – деревня?

– Как-как, сядь да покак, – сказал мужик – Деревня была семьдесят дворов, а как объединили в колхозы, так деревня и вымерла. Тому уж лет двадцать.

Вот такая жизня наша, – сказал мужик и пошел себе в валенках посреди лета.

Поискав снова молока и овощей, вернулись в столовую.

Овощей никто не продавал, потому что самим мало. А коров почти ни у кого не было, потому что кормов нет.

Поели опять супа. Вернулись в «лаблаторию», а тут нас уже и конюх нашел:

– Велено на лошади прокатить.

Конюх вывел из конюшни шикарного коня. Запряг его в ландо, и покатили по аллее вдоль свекловичных полей.

Конь нёс ландо легко и быстро. Лена моя впервые ехала на лошади, поэтому очень боялась, что ландо перевернётся. Но

неприятности ждали её совсем с другой стороны.

Конь вдруг приподнял хвост, и, не замедляя хода, стал сыпать на дорогу большие зелёные котяки. Запахло естественными удобрениями.

– Всё, – сказала жена, – больше не могу. Давай уезжать.

– А деревня? – тихо сказал я.

– Нет здесь никакой деревни.

Действительно, никакой деревни не было. Поселок городского типа, под Москвой, но ещё и грязный.

Доехали до карьера. Сели на берегу. Тут же появился автомобиль. Из него вылезло пьяное начальство, искупалось в семейных трусах, ещё выпило и удалилось.

Пора было ехать назад, что и сделали.

И что интересно, пока конь пасся, он ничего себе не позволял. А как только поехали, он снова начал удобрять дорогу.

Может, у него рефлекс, а может, таким способом он выражал презрение к горожанам.

Вечером, в гостях у председателя, я решился. Я долго говорил ему, как мы его уважаем и какой он замечательный человек. Но хорошо бы нам куда-нибудь поехать, где можно и поесть, и искупаться.

– Верно, – поддержала нас жена Виктора Михайловича, – отвези их на турбазу.

Мы с ним выпили, и он рассказал, что и в Москву в министерство его звали, а он из своего колхоза уезжать не хочет. Действительно, любит свою деревню, действительно, фанат своего дела.

– У меня, – сказал он, – каждый третий будет машину иметь.

И я ему верю.

– Только вот деревни уже не будет, – сказал я.

– Да, той, которая была, с лесом, рекой, с огородом своим, не будет, а будет другая – с сахарным заводом, с «Жигулями», парком машин. Я сейчас уже полгорода снабжаю. Всё куда идёт? В центр. Нам хрен чего оставляют.

– Но ведь даже овощей в вашей деревне нет.

– Нет – и не надо. Парники построю, оранжереи, цветами город снабжать будем. Канализацию проведём. Паровое отопление. Приезжайте к нам через десять лет.

– Где-то я эти слова уже слышал, – засмеялся я.

– Хороший ты парень, – сказал Виктор Михайлович. – Давай я тебя на турбазу отвезу. Одни будете, еды завезу. Наша, эма, турбаза, мы туда начальство из Москвы возим.

Наутро на «газике» отвезли нас в районный центр к директору завода.

Директор, молодой, шустрый парень, год стажировался в Лондоне, посмотрел на меня хитрым взглядом и сказал:

– Ну, вы уже поняли, что не туда попали? Я вашему Виктору Михайловичу сразу сказал – давай к нам на турбазу. Только учтите – удобств никаких. Печь на улице, что сварите, то и съедите.

Поехали. Часа через два приехали в лес на турбазу. Домик человек на десять. Мы вдвоем. В соседнем доме какие-то две женщины. Они вышли нам навстречу. Увидев нас, не поздоровались и ушли. Потом одна из них вышла и спросила у шофера:

– А шо, директор, не приехал, што ли?

– Я из колхоза, – сказал шофер.

– Скажи директору, если кумыс не привезут, ни один из них, гадов, из Москвы в жизни не уедет с Павелецкого вокзала.

Оказалось, что она кассирша с Павелецкого вокзала. Она достает местному начальству билеты на поезд. За это она здесь живет в домике для начальства. Ей обещали привозить ежедневно кумыс, но вот уже неделю ничего не везут.

Физкультурник Володя показал нам две комнаты. Одна была 4х5. Четыре койки вдоль одной стены и пять вдоль другой.

Мы выбрали вторую, там было всего четыре койки.

Володя взял нашу баранину, которой снабдил нас Виктор Михайлович, и стал варить, разведя огонь в огромной печи.

Сидели, ели суп из баранины. На огонёк пришел лесник, сидел с нами, тоже ужинал. Билетерша, с другого конца стола кидая свирепые взгляды, молча поедала свою картошку, время от времени приговаривая:

– Попляшут они у меня все.

Язва без кумыса, по всей видимости, обострилась и выходила озлоблением.

Лесник жаловался на жизнь, он написал письмо в правительство о том, что губят лес, и вот уже полгода ждал ответа.

Пошли спать.

Жильбер Беко говорил: «Мы в детстве жили на юге Франции. Там такое яркое солнце, что даже наша бедность была привлекательна».

Утром светило яркое солнце. Покой и тишина. Я накопал червей, пошёл ловить рыбу в реке Медведице. Река текла в густых зарослях. От воды шел туман. Я стал ловить на пляже. Часа через два прибежали дети и стали купаться. Я полазил ещё для приличия по зарослям, поймал четыре мелких рыбёшки и пошел купаться. И тут я увидел рыбака, плывущего в лодке против

течения, а в лодке у него четыре крупных рыбины.

– Вот это да! – не выдержал я. – Неужели здесь?

– А где же ещё? – Рыбак причалил, ему хотелось похвалиться.

Дальше мы уже поехали вместе.

Причалили в деревне, поднялись в чистый светлый дом. Рыбак показал снасти. Похвалился:

– Однако и лучше у меня удочки были. Да сперли. Я на зиму-то уезжаю. Сперли. И даже знаю кто.

– Из местных?

– Ну, а из каких же. Посидели, покурили.

– Ну, я пойду, что ли?

– Пойди, – сказал рыбак, – только рыбину-то возьми.

– Да нет, неудобно.

– Да бери ты рыбину.

И отдал самую большую.

Он пошел меня провожать. Дома на улице были пустые. Почти пол-улицы на продажу. На всю деревню в сто с лишним дворов жили человек пятнадцать.

Походили по домам. Дома хорошие, крепкие, чистые.

Распрощались, пошел домой, встретил вчерашнего лесника. Пришлось зайти к нему.

Вышла во двор какая-то женщина, одетая в тулуп и закутанная в платок. Это среди лета, в жару.

– Что с ней?

– Зябнет.

– Почему зябнет?

– Сглазили.

– Ну уж.

– Я те говорю. Сглазили. Совсем плоха была. По врачам возил. Всё без толку. Вот только бабка помогает. Раньше совсем плоха была, а теперь только зябнет.

– Ас чего всё началось?

– Замужем она была, а тут телка одна была, ну, сучка одна. Она её приворожила, и мужа её приворожила. Эта хиреть начала, а муж-то к той ушел. Мы уж лечили, лечили, пошли к бабке в Ильинское. Бабка посмотрела, на воду погадала. Сказала, что сглаз. И точно определила, от кого вглаз. Определила, стало быть. Я говорю:

– Что же делать-то теперь? Бабка говорит:

– Помогу, но не совсем.

В общем, та, которая приворожила, она плохо кончит. Такие, которые на людей порчу наводят, они плохо кончают. В общем, бабка что-то нагадала. И ты не поверишь, эта сучка через месяц повесилась. Мужик после этого сбежал. И к сеструхе не вернулся.

Сбежал. А сеструха с тех пор зябнет. И ничего ей не помогает, ни наговоры, ни лекарства.

– А бабка, которая в Ильинке, она жива?

– Ну а как же, живее всех живых.

– А чем она занимается?

– Она покойников отчитывает и лечит.

– Как это – покойников отчитывает?

– Церквей-то нет поблизости, а отчитать-то покойника надо. Она у нас монахиня.

– Как это – монахиня?

– Монашеского поведения, обет на себя взяла.

– А повидать её можно?

– Ну, можно, только я её предупредить должен, а то очень она пугливая. Её и выселять хотели за лечебу. Поэтому и хоронится. А к ней отовсюду, даже из Москвы приезжают.

– А чем лечит?

– Водой, наговорами, мазью.

Я пошел домой. По пути зашел в магазин. В магазине продавались только соль и сахар, а больше ничего.

– А хлеба нет?

– А хлеб у нас по четвергам, – сказала пожилая продавщица.

Оставалось два дня.

У последней перед лесом хаты я остановился. Дом был с хорошим палисадником. Лаяли две здоровые овчарки.

Вышел хозяин – здоровый мужик лет шестидесяти пяти.

Поговорили. Мужик был когда-то репрессирован. Отсидел, вернулся и теперь живет вдали от города. О травах поговорили, о лекарственных средствах.

Пришел домой, на турбазу. Отдал рыбину Володьке на разделку.

Где-то через час приехал директор завода с компанией. Выскочила разъяренная билитёрша, стала кричать, но директор, не давая ей разораться, вытащил из кузова ящик кумыса. И пока билетёрша утаскивала в дом кумыс, директор втихаря дал и мне две бутылки кумыса.

– Очень способствует, – сказал директор. Но не сказал чему.

Сели за стол. Билетёрша оттаяла. Рыба сварилась. Выпили. Пришлось мне последнюю колбасу выставить.

Директор уехал и увез Володьку, единственного умельца в нашей компании.

Мы с женой пошли прогуляться в деревню. Дошли до дома культуры. Зашли в зал и обомлели. В зале не было стульев, а весь пол загажен навозом. Здесь осенью и весной от дождя и ветра прятались отары овец. А над сценой лозунг: «Вперед, к победе

коммунизма!» Жуткое зрелище. Вышли из этого дома так называемой культуры, а тут бабулька. Она жила совсем рядом. В какой-то покосившейся черной избе. Ей лет семьдесят пять, зубов почти нет, но ещё улыбалась. Она полола редиску на маленькой, в полтора метра грядочке. Крыша избы касалась земли.

– Сынок, ты небось грамотный, небось плитку мне починишь?

Вошли в избу пригнувшись. Грязь была такая, что Лена не выдержала, вышла, а мне пришлось чинить плитку. Темно, как в шахте. На кровати лохмотья. Плитку я починил. Включили спираль, нагрелась. Бабка была счастлива.

Жила бабка на пенсию. Пенсия 34 рубля. Просто так дать ей деньги было неудобно. Купил у неё банку земляничного варенья.

Рыбак потом сказал мне:

– Зря дал ей деньги, тут же пропьёт.

– Как же вы здесь живете? – глупо спрашивал я. Ничего подобного я в своей жизни не видел. И не предполагал, что через сорок лет после войны такое может быть.

Шли домой подавленные, молча.

На краю поля встретили всадника, рядом стоял мальчик, а неподалеку резвилась пушистая собака. Всадник был явно чеченец. И со всей своей компанией охранял овец. Чеченец, или как их называли местные, «чечен», гордо восседал на лихом скакуне. И когда мы подошли к нему, вежливо поздоровался. Я вдруг неожиданно для самого себя сказал:

– Дай прокатиться.

– Возьми, – сказал чеченец.

Мы обменялись, я получил лошадь, а чеченец остался с моей женой.

Я лихо вскочил в седло и поскакал. Это мне так показалось, что я вскочил и поскакал. На самом деле я влез в седло и небыстро поехал. Но стоило это мне немалых усилий. Сначала меня било задом о седло. Но потом былые навыки (когда-то я занимался конным спортом) всплыли в моей мышечной памяти, и я стал чувствовать себя уверенней. И даже попробовал пустить лошадь галопом, но вовремя опомнился и продолжал рысью.

И тут вдруг мальчонка вскочил на вторую лошадь и действительно помчался по кругу. Как же красива была его посадка! Её невозможно добиться городскому жителю. Для этого надо родиться в горах. Мальчик был как одно целое с лошадью. Пригнувшись к лошадиной шее, почти незаметно приподнимаясь и опускаясь, несся он независимо от коня, а конь лишь догонял его и подставлял свою красиво изогнутую спину.

Ах ты, боже мой, когда бы я умел так ездить, разве стал бы я писать всякую ерунду, я бы ездил, мчался, летал на коне, а уж

потом, утомленный до изнеможения, садился за стол и марал бумагу.

Дав круг, мальчик спрыгнул с коня прямо перед Еленой, видно, для неё он и скакал по кругу.

Тут же подъехал я и грациозно сполз с седла, довольный, что удалось не свалиться.

Чеченец с большим интересом беседовал с моей женой, а когда я вернул ему лошадь, пошутил:

– Меняюсь.

– С доплатой, – пошутил я.

– А меня уже никто и не спрашивает, – сказала жена.

– Когда горцы разговаривают – женщины должны молчать, – пошутил я.

– Ты, горец, лучше послушай, что здесь творится – сказала Лена.

А творилось вот что.

Местное население терпеть не могло приезжих чеченцев. Мне об этом и председатель говорил, и рыбак. Да и тетки возле магазина жаловались:

– По тысяче в месяц зарабатывают. Чеченец объяснил:

– Они здесь работать не хотят, поэтому и не зарабатывают. С овцой день и ночь заниматься надо. А они на праздники напились. Три дня – первого, второго и третьего мая, овцы орут, их никто не поит, не кормит, целых три дня без воды и пищи в загоне. Мы от поголовья работаем. Сколько выкормим, столько и получим. У нас тоже много овец дохнет. А у них, бывает, все дохнут. У нас так не бывает. Они нам гадят, но сделать ничего не могут. Потому что в каждой отаре каждый начальник своих овец имеет. Сейчас поздно, ты завтра приходи к нам, вон в ту избу, я тебе всё расскажу. Нас тут убить хотели, а когда мы ответили, чуть не засудили.

– Всюду жизнь, – говорил я своей жене, ложась спать. «Всюду жизнь» – картина художника Ярошенко.

Еда кончалась. От председателя, обещавшего прислать еду, не было ни весточки. Я пошел в пионерлагерь и попытался от начальника дозвониться хотя бы на завод, не говоря уже о колхозе.

Никуда, конечно, не дозвонился. С горя обыграл начальника в шашки. Подумал, что на крайний случай выступлю здесь перед пионерами за еду.

Подошел какой-то вожатый. Обыграл и его в шашки. Потом ещё человек трёх, после чего они все вместе привели какого-то заморыша в очках и красном галстуке. И этот заморыш три раза подряд буквально разгромил меня, хотя я играл довольно

прилично.

– Ладно, – сказал я на прощание, – в крайнем случае, если не пришлют еду, придём к вам обедать.

Директор не возражал, но и не настаивал.

Я пошел домой, на крайний случай, конечно, сошел бы и лагерь, но хотелось выкарабкаться и самому. Хлеб должны были привезти завтра. И завтра же предполагался поход к знахарке в Ильинское – это девять километров пешком.

Утром следующего дня встал пораньше и бодро отмахал девять километров.

В Ильинском была центральная усадьба. Главная и единственная улица длиной километров в пять, посредине стоял сельсовет, и, отсчитав от него четвертый дом, я как раз и вышел к дому Неонилы Никитичны.

На стук вышла сухонькая старушка с востренькими глазками, довольно сосредоточенная и не слишком любезная.

– Вот, – сказал я бабульке, – вчера с вами лесник говорить должен был.

– Говорил, – сказала бабка, – обожди. – И ушла. Не было её минут двадцать. Потом она вышла с трёхлитровой банкой, налила из крана воды, вернулась в дом, а минут через пятнадцать вышла с какой-то девицей. Девица держала банку с водой. Поклонилась старушке и ушла.

– Давай, – сказала бабка.

Мы вошли в маленькую горницу.

– А чего же банку не взял? Или лесник не сказал тебе, чтобы с водой приходил?

– Нет, ничего не сказал.

– А откуда ты?

– Из Москвы.

– И откуда только не ездят. У меня был один полковник из Москвы. Ты ни у кого не спрашивал, как ко мне пройти?

– Нет, ни у кого.

– Следят. Жизни не дают. Уже привлекали. Сельсовет выселить грозился.

– Только за то, что лечите?

– Ну, а за что ещё-то? Ведь и сами приходят лечиться, и сами же выгоняют. Ну что за власть такая?

– А вы деньги берёте?

– А тебе чего? Не беру я денег. Так все равно грозят выселить. Ты сам-то из Москвы? Я-то ведь уже и не лечу. А у тебя-то чего? Нет, погоди. Я сама.

Провела вдоль тела руками. Точь-в-точь как московские экстрасенсы.

– Вот тут болит? – показала на правый бок.

– Болит.

– И тут нелады, – показала вниз. Я кивнул.

– Всё чую.

– А как вы чуете?

– А в руках покалывает. Где у тебя болит, там у меня покалывает.

– Может, это у меня от сглаза?

– Нет, болезнь. А чего к врачам не ходишь?

– Да без толку.

– Не скажи. Вот я в прошлом годе в больнице лежала. Так очень толковые врачи. И очень помогли мне.

– А что, сами себя вылечить не могли?

– Нет, тут хирург нужен был.

Она вышла, вернулась с банкой воды. Встала над ней, над водой, помолилась, пошептала в течение минут пяти.

– Вот, – сказала, – будешь пить три раза в день, через десять дней придешь.

– Так я уезжаю скоро.

– Значит, ещё одну банку воды надо, и мазь «Бинго-бонго», знаешь? В любой аптеке. Вот я тебе коробочку дам.

Взяла с полки коробочку, на баночке фабричная этикетка, «Бинго-бонго» написано, и цена восемь копеек. Над мазью бабка тоже пошептала.

– Будешь мазать там, где болит.

Я растрогался, вынул носки ручной вязки, мёд, лесник предупреждал, что деньгами она не возьмёт.

Бабка поджала губы и от подарков гордо отказалась:

– Не надо мне от тебя ничего, и всё.

– Ну, может, вам из Москвы что прислать? Может, лекарства?

– Ничего мне от тебя не нужно.

– Может быть, вы мне адрес свой дадите, а я вам напишу из Москвы и пришлю, что вам понадобится.

Бабка вся сжалась:

– А ну, уходи! Давай уходи.

– Я что-нибудь не так сказал?

– Давай уходи! Ишь, грамотный какой.

– Я хотел сообщить вам, помогло или нет.

– Уходи, – твердила бабка, вся вмиг побелев. Глаза стали злые.

Пришлось уйти.

«Вот тебе и целительница», – подумал я.

Бабка смотрела через стекло, что-то ворчала. И рассержена была не на шутку.

Шёл расстроенный. Пытался восстановить разговор.

Первая тень неудовольствия появилась, когда заговорил про деньги. Но потом она вроде нормально разговаривала. А когда подарки предложил, разозлилась. Хотя вроде ничего обидного не было. Да и лесник говорил, что подарки она берёт. А вот просьба об адресе её разозлила как следует. Но ведь должно же ей быть интересно, помогла или нет.

Хотел попить воды, да что-то остановило. Был у меня уже опыт. Пил я «заряженную» воду. Сразу начиналась депрессия, подавленное состояние.

На краю Ильинского вышла навстречу женщина.

– Вы не в Ивановское идете?

– В Ивановское.

– Там за вами километрах в пяти Степаньково. Может, если сходите или кто пойдёт, так передайте Ивану Фролову, что отец у него помирает. Так хоть бы приехал попрощаться. Он там, в поле под Степаньково, работает.

– Попробую.

– Да если не сами, так может кого пошлёте.

– Сам схожу.

Но не сходил в этот день. А надо было.

На пятом километре начал воду пить. Зря, что ли, ходил. Надо же попробовать, а вдруг поможет.

Ничего вода. Сразу не повредила. А даже как-то бодрее стало.

Дошёл до деревни не скоро. Всё-таки с трёхлитровой банкой воды. Шёл по деревне, встретил рыбака. Слово за слово, дошли до травника.

– За что он сидел? – поинтересовался я.

– За воровство. До войны ещё за воровство посадили.

Вот тебе и репрессированный, невинно пострадавший.

– Ну что ты, кулак из кулаков, жена-то его в магазине продавщицей работает. Всех в руках держит. Помнишь, я тебе про удочки говорил, что у меня сперли. Его рук дело.

Пошел дальше. Следующая остановка у лесника. Рассказал ему об инциденте с бабкой. Он перепугался. Тоже ничего не понял. Обещал завтра разобраться.

– Я с тобой пойду, – пообещал я, – потому что непонятно. Может, я её обидел? Она мне ещё вторую банку воды дать хотела, но выгнала.

Договорились завтра пойти.

Подошел к магазину. Магазин был закрыт, видно, весь хлеб уже продали. Невезуха.

Пошел дальше. На том же вчерашнем месте сидел на лошади чеченец.

– Что, хлеба хотел купить?

– Так точно. Есть нечего. У вас ничего купить нельзя?

– Заходи вечером, у нас сметана будет. Сами на сепараторе делаем.

И снова последний дом деревни. Остановился уже специально.

Позвал:

– Хозяин!

Вышел травник.

– А хозяйку вашу можно попросить?

– Попроси.

– Я и прошу.

Вышла хозяйка. Я начал преувеличенно вежливо:

– Вы меня извините, я хотел хлеба у вас купить.

– А нету хлеба.

– Как это нет?

Мне было непонятно, как это хлеба может не быть.

– Да так, нет, и всё.

– А вы что, его весь себе взяли?

– С чего бы это? Народу продала.

– Какому народу, у вас здесь народу всего пятнадцать человек, – вскипел я.

– Ну вот, – закричала продавщица, – а привозят раз в неделю пятьдесят батонов.

– Так где же ещё тридцать пять? – уже кричал я.

– В манде, вот где, – сказала продавщица и ушла. Всё это время травник, стоя рядом, наливался злобой, но молчал. Я просто физически ощущал эту злобу. И мой гнев был направлен скорее против этого вора, чем против продавщицы.

– Вы тут! – повернулся я к этому амбалу. Травник повернулся ко мне спиной и пошёл в глубь двора.

Но не успел я отойти и пятидесяти шагов, как услышал, скорее даже почувствовал что-то неладное. Обернулся, ко мне неслись две оскаленные овчарки, спущенные с цепи травником. По спине побежали мурашки. Противно заныло где-то под ложечкой. Быстро поставил на землю сумку с банкой, вытащил нож, который всюду носил с собой. Успел открыть, сталь блеснула на солнце. Собаки тяжело прыгали ко мне. Что произошло – не знаю. То ли травник, увидев блеск, подал собакам какой-то свой сигнал, то ли собаки не были приучены к травле людей, но они как-то разом свернули в лес и замахали хвостами. А одна даже остановилась у дерева и задрала лапу.

Меня трясло. Я издали помахал травнику ножом. Мол, ещё встретимся, и на ослабевших ногах пошел к себе.

Сидел потом у печки и представлял себя с ружьём. Потом представил себе травника с ружьём. А что, запросто, пальнул бы издалека – и потом ищи этого уголовника. Если он у своего односельчанина поворовал удочки из дома, что от него ждать хорошего.

Подвел предварительные итоги. Хлеба нет, есть нечего, дозвониться ни до кого нельзя, уехать не на чем.

Из еды только банка земляничного варенья от бабки, да и то жена брезговала его даже попробовать.

Лена увидела мою банку с заряженной водой, выслушала рассказ о лекаре и расстроилась:

– Это ж надо, в такой глуши ухитрился найти экстрасенса. Мало тебе было в последние годы.

А я уже, надо сказать, достал её своими диетами, экстрасенсами и лекарями.

Поругались. Потом успокоились. Попили чай с медом, пошли к чеченцам за сметаной. Надо же что-то есть.

– Не боись, – сказал я, – завтра схожу в Ильинское, куплю хлеба, а рыбы мы и здесь достанем.

– По-моему, – сказала Лена, – надо ехать домой, чует моё крестьянское сердце, программа уже исчерпана.

И надо сказать, её крестьянское сердце почти всегда чует правильно.

Вечером были у чеченцев. Дом они у кого-то снимали. Во дворе было множество мух. В доме собралась вся семья: родители, братья, сестры. У одного мальчика была какая-то странная, тыквой голова.

– Вот с него всё и началось, – рассказал наш знакомый Алдан. – Он большой мальчик. Было это весной. Мы только начали работать. Взяли отару в тысячу голов. Сразу слух пошел по округе. Приехали, дескать, на машинах, местных оттеснили. А что тут оттеснять? Здесь работы сколько хочешь. Почему-то дома никого не было. Один этот пятнадцатилетний мальчик большой. Он так во всём нормальный, только головные боли постоянные, и не очень развит, а так очень хороший парень. Он книжку читал, как ворвались трое и начали его бить ни за что ни про что. Мы со средним братом Аликом приехали, а он лежит. Мы его в чувство привели, сели в машину и поехали их искать. Мы их часа полтора искали. И не нашли бы, но один из них на дорогу вышел и попросил закурить. А наш меньшой их всех троих описал, и я понял, что это один из них. За первым ещё двое из кустов вышли.

– Дай закурить, – первый сказал.

Я подошёл, а второй размахнулся и хотел кирпичом меня ударить по голове. Но у нас такие номера не проходят. Алик уже

сзади был и этого, с кирпичом, сбил с ног. А дальше мы их побили.

– Но их же трое было, – сказал я.

– Да хоть десять.

– Они что, сильно пьяные были?

– Они, конечно, пьяные, но несильно.

– Они что, слабее вас были?

– Один выше меня и поздоровее, а те двое – с меня.

– Ты занимался чем-то раньше?

– Я всем занимался, – сказал Алдан, – я хорошо дерусь.

Был он невелик, но жилист и энергичен.

– Я самбо занимался, боксом. У нас многие занимаются, у меня это неплохо шло. В общем, мы их побили так, что они остались лежать. На другой день они подали на нас заявление в милицию, и нас начали таскать. Мы привезли мальчика, освидетельствовали. Но ничего не помогло. Они хотели взять с нас деньги, но мы пошли к своему начальству, которому мы и так платили. От нас отстали.

Я спросил мальчика:

– Они тебе что-нибудь сказали?

– Да, спросили, где папа, братья? – Я сказал: «Не знаю».

– И после этого они тебя ни с того ни с сего начали бить?

– Нет, один сказал: «Ах ты, чеченская морда, зачем приехал сюда – нас объедать?» – А потом я уже ничего не помню.

Алдан сказал, что дня через два поедет в Саратов, и обещал захватить нас с собой.

Мать Алдана принесла банку сметаны. Сметана была как масло, только белая и совсем не кислая. Мы заплатили пятерку и пошли домой.

– Давай уедем, – говорила Лена, – самое время уехать.

Словно чувствовала.

На другой день я ещё успел сходить к трактористу в дальней деревне. Нашёл его где-то в поле и передал весточку об отце.

– Извините, – сказал я, – вчера хотел прийти, да не получилось.

Парень сказал:

– Вишь, а сегодня, видно, совесть замучила.

Сел на трактор и поехал в Ильинское прощаться с отцом.

Я тоже сходил в Ильинское с лесником. Помирился с бабулькой. Она, оказывается, испугалась меня, подумала, что я заслан к ней начальством, которое грозилось её выселить. Но лесник ей всё про меня объяснил, и она мне ещё одну банку воды зарядила.

Я вернулся на нашу турбазу, а Лена, жена моя, уже

почувствовала себя плохо. Она отравилась сметаной. Температура под 38.

Я побежал за помощью к чеченцам. И назавтра Алдан на своей «Ниве» отвёз нас в Саратов.

Нам повезло. В Москве был фестиваль молодежи, и туда пускали только по паспортам и командировочным удостоверениям, поэтому билеты на самолет были в свободной продаже. И мы добрались до Москвы.

Банки с водой я благополучно довёз до Москвы и там их вылил не принимая.

Вот так и закончилось наше путешествие в глушь, в Саратов.

Геннадий Андреевич

Геннадию Андреевичу 38 лет. Он инженер-металлург. Но я его знаю как председателя жилищного кооператива, в который вступает жена моя Лена.

Лена со мной разведена по разным причинам. Вот уже два года. Два месяца после развода мы не виделись. А потом снова стали встречаться. Сначала на квартирах друзей и подруг, а потом стали снимать квартиру. Квартира чужая, мебель в ней чужая, щели в окнах и дверях тоже чужие.

За год до развода моя жена встала в очередь на кооператив, потом мы разводились, потом мы сходились, а тут и появился этот ЖСК, в котором председателем Геннадий Андреевич.

Жена у него – Галя. А их дочь, Кира, в деревне у бабушки. Деревня Ивановская в Калининской области (ныне Тверь).

Геннадий Андреевич на неделю задержался в Москве из-за меня. Потому что надо было оформлять документы на вселение моей жены в кооперативный дом. А без него, без Геннадия Андреевича, нельзя получить ордер на вселение.

Ордер мы получили, и Геннадий Андреевич попросил меня отвезти их с женой Галей в деревню.

Вот мы с утра и поехали в Калининскую область, которая, по слухам, залита водой.

Было много дождей, реки разлились, и в Калининской области, судя по слухам, не проехать.

До города Кимры мы добрались без приключений. А перед Кимрами машину все время вело непонятно почему.

Это мне непонятно, поскольку вожу я машину только год.

Купил я её полтора года назад, полгода она стояла, потому что у меня не было прав. 20 апреля я сдавал на права, получив разрешение на сдачу без курсов.

Мы пришли с Евгением Петросяном в ГАИ. Знакомый Петросяна, капитан, вызвал лейтенанта и сказал многозначительно: «Прими у него экзамен. Только чтоб объективно, понял?»

Лейтенант кивнул и пошел со мной объективно принимать экзамен.

Правила я сдавал хорошо. Собрался народ вокруг моего телевизора, и какой-то сотрудник один ответ мне подсказал, причем неправильно, так что правила я сдал с одной ошибкой.

С вождением дело было хуже.

От волнения я всё делал не так, как надо. Мы остановились на полпути, я сказал экзаменаторам, что у меня машина уже

полгода стоит.

Они сказали:

– Надо, чтобы и дальше стояла при таком водителе.

И поскольку экзамен был сугубо объективным, права мне всё-таки выдали.

В общем, вожу я год. Пока мы в Кимрах ходили на рынок, колесо моей машины спустило окончательно. Поменяли колесо, поехали дальше.

В Кимры однажды ездил мой друг, Лёня Хавронский, за обувью. Кто-то сказал ему, что там, в Кимрах, есть магазин под названием «Теремок», в котором продают туфли по 2–3 рубля. Магазин при обувной фабрике и слегка бракованные туфли сплавляли в этот магазин.

Вот они с женой и поехали ради экономии. В первую поездку купить туфли не удалось – «Теремок» был закрыт. Но зато им удалось сесть под Кимрами в грязь и их за пять рублей вытаскивал из грязи трактор.

Тракторист предупредил:

– Будешь снова ехать – позови меня, за 3 рубля перетащу.

В следующий раз Хавронский решил сэкономить на тракторе и заехал в грязь так, что снова пришлось платить 5 рублей, чтобы вытащили.

Зато магазин был открыт. Они накупили детям туфель и ботинок по рублю, по два.

И себе Хавронский в полутьме магазина выбрал шикарные меховые ботинки за 5 рублей. Новые они стоили тридцать пять.

Когда ехали назад, их снова вытаскивал трактор. Но Хавронский все равно радовался, потому что 5 рублей – это не 35.

Радость была недолгой. Когда он дома развернул бумагу с ботинок, они ему понравились меньше, чем в темноте магазина. Один ботинок был коричневый, а второй – черный. Менять их он не поехал, а подсчитав, сколько он истратил на бензин, вообще расстроился.

Подъезжали мы к речке Медведице уже в Калининской области. И навстречу нам на мотоциклах трое знакомых Геннадия Андреевича. Они ехали в деревню Горицы. Ребята помоложе Геннадия – два брата Серега и Лёха и их дружок Матвей.

Они сказали, что дорога дальше хорошая – ехать можно. А совсем недавно река разлилась, и на мосту стояло 6 тракторов, чтобы мост не снесло. Мост мы проехали благополучно.

Дальше дорога шла по берегу, слева – речка, справа – лес. По реке байдарки. Красота такая – хоть останавливайся, ставь палатку и живи здесь.

А впереди лужа, но дорога вроде хорошая, можно ехать.

Дорога хорошая, а шофер я плохой. Вот мы и ухнули в лужу. Там же не заметно, что под водой. Оказалось – яма. Вот мы и попали в эту яму колесами. Руки и ноги у меня от страха отнялись, но мы выехали из ямы. Закурили, поехали дальше. Теперь уже ничего не страшно.

Геннадий Андреевич говорит: «Проедем».

И я ему верю. Поскольку он специалист, правда, в области металлургии. Что хочешь может отлить в металле. А в позапрошлом году доклад делал на симпозиуме литейщиков. Потом стал председателем кооператива, и уже не до докладов.

Он, кстати, и не собирался руководить кооперативом. Да и жена Галя была против. Но все жильцы выбрали Геннадия Андреевича. У него энергии на три кооператива и на две семьи. А у него всего один кооператив и одна семья.

И одна работа. А после всего этого он может поехать в Текстильщики к друзьям и просидеть всю ночь за преферансом.

Он в нашем будущем доме занимается переселением, въездом, ордерами, собирает деньги и сам ремонтирует водопроводные краны, хотя делать этого не обязан.

Собирается выгнать лифтёршу Люсю. Потому что она недавно увидела у своего лифта артиста Михаила Державина и долго вспоминала, где она его видела и откуда она его знает. И даже спросила Державина:

– Мы с вами случайно в техникуме не учились?

– Нет, – сказал, потупясь, Державин.

– А, значит, мы с вами работали на одном предприятии.

Михаил Михайлович ей не поверил, поскольку никогда в жизни ни на каком предприятии, кроме театра, не работал.

– Люся, – протянула лифтёрша руку для знакомства.

– Миша, – скромно ответил Державин и добавил: – Державин.

До лифтёрши дошло, откуда она знает Мишу. Это знакомство так её потрясло, что она выключила лифт с едущим в нем Державиным и стала звонить подруге:

– Нина, скорее ко мне, у нас Державин в лифте сидит! Поэт знаменитый.

Державин просидел в лифте минут пятнадцать, пока на него не посмотрели Нина с Люсей.

Поэтому Геннадий Андреевич решил её уволить.

Когда едешь по дороге не один, естественно, разговариваешь. А когда едешь с новыми знакомыми, поговорить есть о чем.

Столько к сорока годам собралось историй. Это мне 40, а Геннадию Андреевичу, как я уже говорил, – 38. А его жене Гале – 25.

Мы так решили – 25. Может, ей и больше, но для нас – 25, не

больше.

Они учились вместе в институте. Только она на два курса ниже. И вот так странно получилось, что ему – 38, а ей —25.

Галя – блондинка, родители её живут в Челябинске. А мы едем в деревню Ивановскую, там у Геннадия Андреевича дочь и мать.

Они нас ждут в деревянном доме, построенном аж в 1913 году. А сейчас 1980-й год.

По сравнению с тринадцатым годом дом покосился. Но ещё очень хорош собой. Правда, мы до него ещё не доехали.

Мы пока что подъезжаем к деревне Жалниха. Вот мы подъезжаем. Вот мы уже подъехали. Вот мы уже едем по деревне Жалниха. Вот мы приближаемся к грязи. Две колеи, наезженные грузовиками. Вот мы уже спускаемся в углубление. И вот мы уже садимся на днище.

Всё, завязли в грязи.

Вперед – не получается. Назад – тоже. Прочно сидим.

И к нам уже подъезжает трактор.

Геннадий Андреевич – он до 14 лет жил в деревне, поэтому он снимает туфли, носки и ступает босыми ногами в грязь. У меня от одного вида погружающихся в грязь ног по спине бегут мурашки величиной с перепелиное яйцо.

Я тоже выхожу в грязь и вытаскиваю трос.

Трактор начинает нас вытягивать.

Я по дурости своей включаю первую передачу, двигатель всё время глохнет.

Трактор вытаскивает нас на сухое. Тракторист и не заикается о трёх рублях. Уезжает. Он сделал своё дело, вытащил нас, хотя мы даже и не успели его об этом попросить.

Кто в Москве остановится на дороге, чтобы помочь вам? Просить будешь, редкий водитель поможет.

Включаю движок. Машина проходит два метра и глохнет.

Начинаем думать. Задние колеса не вращаются. Замечаем два жирных следа. Нажимаю на тормоз – не нажимается. Колеса заклинило. Из ближайшего дома выходит Витя, явно из-за стола. Специалист. Говорит, что пружина в тормозах лопнула, надо снимать колеса. Начинаю снимать колесо. Колесо сняли, барабан не снимается. Ложатся под машину, бьют коленом, вывинчивают винты – не снимается.

Возвращаются на мотоциклах братья с приятелем. Останавливаются, начинают помогать.

Геннадий Андреевич испытывает неловкость передо мной:

– Проклинаешь, наверное, меня.

– Честное слово, нет. Сам балбес, надо было ехать сбоку, а не

по колее.

Барабан не снимается. Все грязные.

Но почему так произошло? Один говорит – грязь попала в тормоза. Другой говорит, что колодки прикипели. У меня своя версия, которую я даже не озвучиваю, настолько она неубедительна.

К Виктору подходят его гости, оставленные за столом. Прощаются, уходят. А он таскает из дома инструменты – ремонтирует мою машину.

Барабан не снимается, спускают тормозную жидкость, какая-то гайка не отворачивается. Колодки не отходят.

Серега говорит:

– А ну, попробуй ручник.

Я пробую. Ручник заклинило.

Серега забирается под машину.

Всё понятно. Погнулся об землю кронштейн ручника. Вот его и заклинило. Колодки не расходятся. Машина не едет.

Пошел дождь.

А как же иначе.

Двое отходят к дому, распивают бутылку. Зря, что ли, за ней ездили?

Отжимают кронштейн, совершенно его разбив. Барабан снимается.

Дождь идет, ремонт – тоже. Ставят колесо, регулируют тормоз.

Выставляю две бутылки водки. Вообще-то у меня их четыре. Вынимаю шпроты, колбасу, помидоры. И зелени у меня полно – петрушка, укроп и сельдерей.

У меня в багажнике даже соковыжималка есть, но это потом.

Тут же во дворе, на лавке, всё это выпивается и съедается.

Я не пью.

– Да ты чего, нет здесь никакого ГАИ.

Но у меня недавно соли шли из почки, мне не до водки.

Прощаемся с Витей.

Геннадий Андреевич говорит мне:

– Думаешь, он ремонтировал из-за водки? Если бы водки не было, всё равно бы помогал. Здесь люди такие. Полдеревни бы вышло, всё равно бы отремонтировали.

Едем.

Сейчас мы в деревне Ивановское. Геннадий Андреевич лежит под окном на раскладушке. Он четыре часа ходил по лесу, собирал грибы, а я всё это время спал. Теперь я сижу, пишу, а он дремлет под окном на раскладушке. Тишина. И вдруг – крик, возня. Высовываюсь из окна. Это Лешка Грошев пришел вдупель

пьяный и упал на Геннадия Андреевича. Они друзья с детства, и Лешка борется с Геной, приговаривая:

– Начинаем Олимпийские игры. Москва против Калинина.

Геннадий Андреевич здоровый парень, но Лешка Грошев тоже не слабый, хотя и пьяный. Лешка Трошев требует выпить, а Геннадий Андреевич предлагает сделать это через полтора часа. Но Лешка Грошев чувствует, что через полтора часа он уже не сможет выпить, потому что он уже будет лежать в нетрезвом состоянии.

Вот он сейчас и борется. Вдруг внезапно встает с раскладушки и со словами «Пойду к Бархатову выпью» удаляется.

Село Ивановское (теперь деревня) большое. И дома большие. Самый большой дом – это правление колхоза. Школа каменная, в ней раньше сторожка церковная была.

А церковь снесли в 1952 году. Потому теперь и деревня. Мочаловский дом хоть и покосившийся, но ещё крепкий.

Сейчас сижу в комнате, на столе керосиновая лампа. Электричество выключилось. Приезжала машина. Электрики искали разрыв в сети.

Выскочили мужики из машины и в гости к «отцу». Это прозвище такое – «отец». У него двое детей, и зовут его поэтому «отцом». Мы с Мочаловым заходили к нему минут за двадцать до электриков. Он спал. У кровати стоял стул, на нём консервная банка с окурками. Жена растолкала «отца». Он продрал глаза, потребовал закурить. Жена подала «беломорину». «Отец» – электрик и к тому же охотник. Он за зиму отстреливает до 10 куниц и до 300 белок. Вот и шкурку белки вывернутую мне показал. Так её сдают государству, вывернутой.

– А сколько платят?

– Рубль шестьдесят.

– А мне вы можете продать дороже?

– А чего продавать, бери так, вон у меня ещё одна, – и обе протягивает.

– Нет, так я не могу.

– Бери, тебе говорят.

И тут эти электрики ввалились вдвоем. Все хлынули на кухню.

Жена вбежала в комнату:

– Ой, не готовила же ничего, а где же стопки-то? Мочалов сказал:

– Пошли к Бархатову, посмотрим шапку беличью, ему «отец» белок продал, а скорняк знакомый шапку сшил.

Подходим к дому Бархатова, а сынишка его спрашивает:

– Шапку смотреть пришли?

Шапка оказалась шикарная. 25 белок пошло на эту шапку.

А пить Бархатов отказался:

– Хоть один день нормально проживу. Завтра с утра за грибами пойду.

Короче, они с Мочаловым выпили. Вышли мы на крыльцо. А тут шофер стоит. Той самой машины, на которой электрики приехали. Шофер говорит:

– Зуб болит. Вот представляешь, вина выпью – проходит зуб. Весь день сегодня: заболит – выпью.

А сейчас вино кончилось, одеколона хлебнул. В жизни одеколон не пил. Знаешь, помогает. Не болит зуб.

– Ну да, – говорит Геннадий Андреевич, – зуб не болит. Ноги не держат и голова разваливается. Опять заболел, опять хлебнул. Упал в канаву, ногу вывихнул, ходить не могу, но зуб не болит.

– Не болит зуб, но вино кончилось.

Пошел в машину по рации говорить. Долго орал в микрофон, выяснял, куда ехать, где искать обрыв, чего отключать, чего включать.

А тут и сотрудники его от «отца» вышли. Электрики были хороши.

С трудом нашли машину. Один влез в кузов, другой в кабину. Опять начали орать в рацию. Куда ехать? Что искать? Веселые ребята. Дыхнул один на шофера – у него совсем зуб болеть перестал. Поехали искать обрыв.

А я сижу с керосиновой лампой. А перед столом Мочалов с дочкой танцуют под магнитофон. Дочка уже три года учится в балете. Она хорошо танцует. И Мочалов тоже старается. А иначе, без танцев, ему скучно. Он, если ничего не делает, тосковать начинает.

Садится, смотрит на меня.

– А в лес со мной сейчас пойдешь?

– Поздно. Темно там и мокро.

– Да ты ничего не понимаешь. Вот сейчас лес как осенний. Ты был когда-нибудь в осеннем лесу?

– Был.

– Нигде ты не был. Вот летом лес, даже в дождь, радостный. А осенью лес враждебный. Он против тебя. Он от воды темный. Он чувствует, что умирает.

А ты чужой пришел. И он тебе сопротивляется. Он шумит настороженно. Не любит тебя. Вот я летом в лес приду, по любимым местам пройду, и они меня встречают и радуются мне. А осенью ходишь, и всё не так. В прошлую осень ходили, а он враждебный, только на просеке луч блеснул, на опушку вышли – и пастухи пришли, костер разложили, хлеб жарили. Всего две

корзины грибов набрали. Да не в этом дело. Я в лес прихожу и чувствую, что я у него всегда в долгу. В Киверичах комбинат деревоотделочный, всего-то два цеха. А берут сосну, вдоль и поперек её распилят. Им всего-то пятьдесят на пятьдесят нужно, а сосна сто на сто. Осину мою любимую спилили. Я с дочкой, с Киркой, ещё туда ходил. Сидели под ней. Нет осины. Завтра хочешь, с утра в лес пойдем?

– Завтра в 9 машину чинить придут.

– После все равно пойдем.

– Пойдем.

– А тут тридцать километров можно лесом идти. И выйдешь прямо к городу. Ты 15 километров можешь пройти?

– Нет, наверное.

– Все равно пойдем. Потому что все должны в лес ходить. Я бы каждого туда водил, чтобы все поняли, что мы оттуда, из этого леса и пришли.

Постелил себе постель Мочалов. Я говорю:

– Спать хочешь?

– Я спать хочу? Пол-одиннадцатого, какой спать. Пойдем, по деревне пройдемся. Посидел, подумал: – Чего-то хочется такого. А чего – не знаю.

Приехали мы в Ивановское в воскресенье, часа в четыре. И мужики на мотоциклах – Сергей и Витька, его брат, дружок ещё их. И ещё трое парней подошли.

– Баня, – говорят. – Сейчас машину отремонтируем и в баню.

Колесо проколотое взяли, шину снимали просто. Положили колесо на землю и на машине на него заехали, вот и сняли.

Одни огонь развели, другие тормоза отлаживали. Очень скоро в баню пошли.

Баня раз в десять дней. Сегодня мужской день.

Мать Мочалова, Александра Васильевна, плохо слышит. Учительницей была в начальной школе. У неё в классе сразу все четыре класса учились. Первому классу задание даёт, второму – другое, третий класс отвечает, четвертый задачу решает. И все в поле внимания. Вот теперь плохо слышит. То есть даже если тихо говорить, без посторонних шумов, она слышит. А посторонние звуки совершенно перебивают ей слышимость. Она готовит нам еду. А мы в баню. Баня на берегу реки Городни. И там, в предбаннике, одежды человек с двадцати. Эти двадцать уже моются.

Я такую баню видел в 50-м году, под Клином, нас туда из пионерлагеря возили мыться. Печка в центре, у стены полки вдоль комнаты. Топят из предбанника. Старик топит. А когда женский день – его жена.

А уж внутри бани только водой поливают, для пара. Горячо. Веники ходят. Мне лично пяти минут достаточно. А им всем куда больше. Пар стоит, шумно, жарко. Я пошел в предбанник. Мы, конечно, с собой принесли. Тем более, что здесь ребята, которые мне машину ремонтировали.

Я не пью, а здесь никто и не настаивает.

Не пьешь – и не пей.

У меня приятель в Москве. Вид у него хулиганский, хотя он и пьесы пишет, а лицо – ну просто бандюган. И голос сиплый. К нему в бане алкаш пристал:

– Давай выпьем.

– Я не пью.

А он действительно давно завязал. А алкаш не отстает:

– Давай скинемся на двоих.

– Да не пью я.

– Ну, давай на троих.

– Пойми, – говорит приятель, – я не пью.

– Ну, хорошо, – говорит алкаш, – давай я возьму, ты в другой раз отдашь.

– Слушай, говорю же тебе, я не пью. Алкаш рассвирепел и сказал:

– Не пью. Ты на себя в зеркало посмотри. С такой рожей да не пить – застрелиться надо. Не пьет он!

Так и не выпили, но чуть не подрались.

Пришли мы с Мочаловым домой. Обедали. А кто-то ещё за окном камеру доклеивал и колесо собирал. А мы после обеда на мосту сидели. Мост – это такие сени. Дом состоит из кухни с печью и полатями. А в печи ещё люк такой есть. В него влезаешь и там, внутри печи, моешься после протопки. Комната разгорожена на две. При входе в дом этот самый мост. Что-то вроде сеней. Там прохладно, и продукты стоят, и в погребе тоже стоят, а справа в избе двор – пристройка, в ней обычно живет скот. А здесь, в мочаловском доме, просто сарай, да ещё и с туалетом, в который надо подниматься по лестнице. С моста ещё есть одна дверь в кладовую, которая называется сельник.

В этом сельнике с 1913 года складывались разные вещи. Здесь, в сельнике, и нашел Мочалов горшок с серебряными монетами. Коронационные монеты, начиная чуть ли не с Петра Первого. И штук двести николаевских рублей и полтиников.

Рубли были им сданы как серебряный металлолом, а коллекционные монеты Мочалов продал по дешевке любителям старины.

И из всего этого вместе взятого получилась шуба для жены

Гали.

Сил у меня уже не было никаких, когда пришла соседка Вера спрашивать, не поедем ли мы в Калинин, а то у неё зуб болит. В Калинин мы не поедем, но можем поехать в Киверичи, там больница. Верка – соседка. Здесь все соседи, но эта Вера, кажется, близка Мочалову как подруга юности. Она мне показалась удивительно красивой. Куртка голубая, брюки эластик, голубые, резиновые сапоги – голубые. И глаза тоже голубые. И все это на фоне березовой кладки.

Я наконец-то, глянув на Верку, понял, как встречаться только с красивыми девушками. Просто надо всех девушек, с которыми встречаешься, считать красивыми.

Ушла Верка, сказав, что подумает. В тот день много народу приходило и спрашивало, не поедем ли мы в Калинин. Я даже бумажку на калитке повесил, где написал «В Калинин не поедем».

Сил не было никаких. Встал в 6 утра. Пять часов за рулем. Авария, ремонт, баня.

Но Мочалов неутомимый. Сказал:

– Идём в кино.

И вот мы идем в кино. Клуб – двухэтажный дом: сверху библиотека, внизу кинотеатр.

Бархатов – директор клуба, на полставки киномеханик, на четверть ставки – кассир, на одну восьмую – контролер, все остальное на общественных началах.

Бархатову сорок лет. Он раньше механиком работал. Ездил каждый день в райцентр, а потом мать заболела. Ему сказали – давай на год в директора клуба, вот он уже 6 лет и директор.

– Сегодня детский фильм – «Мальчик и океан», – говорит Бархатов, – видишь, на двухсериный никто не идет, пустил детский.

– А какой двухсерийный? – спрашиваю я.

– Земля какая-то обетованная.

– Хороший фильм, польский, режиссер Анжей Вайда.

– Да не идут. «Ну, погоди!» пущу – идут.

Подошли брательники без мотоциклов:

– Давай Москву, которая слезам не верит.

– Давай. Откуда я вам дам? Мне что по маршруту пустят, то и даю.

Ещё человека три подошли.

Один начал рассказывать, как он в Калинине в зоне работает шофером:

– Он мне говорит – останься часа на полтора, а мы же кореша, я даю, а он накладывает, я туда-сюда, я что, отвез, а он не успеет, а мне что, больше всех надо? Все равно столько же, порядок

такой, я туда съездил, оттуда вернулся, наряды туда отдал. Толку никакого. Но он-то – кореш. Да я своё все равно возьму…

И так далее. И главное, что ему-то всё понятно.

Взяли мы два билета по 20 копеек.

Пошли в кинобудку, потому что Мочалов с собой принес ремонтников угощать.

Бархатов запустил «Мальчика с океаном», принял полстакана и сказал:

– Каждое утро думаю, зачем пью, ну его, думаю, больше не буду, а вечером приходят – и опять. А каждое утро снова говорю – зачем пью?

Стакан пошел по кругу. И Бархатов заметил: если стакан здесь, значит, все в кино. А если нет стакана здесь, то и в кино почти никого.

– Ну, мы пойдём, поглядим на океан.

– А идите, – смеется Бархатов, – все равно там сидеть не на чем.

– Как не на чем, были же стулья?

– А все поломали. – И мне объяснил: – Если деньги есть, то фондов нет, а фонды есть – денег нет.

Вошли в зал величиной метров 40 квадратных, рядов восемь, холод, и половина стульев поломаны.

– И чтоб не курить там, – напутствовал нас Бархатов. – Вы мне помогать должны, – и смеется, все время смеется. Смешливый такой.

В общем, посмотрели кино. К концу сеанса Галя пришла, жена Мочалова. Сдвинули стулья. Танцы начались. Под пластинку «Чингисхана». И под лозунгом «СССР – оплот мира». Топтались пять девушек.

Мочалов тоже рвался танцевать. Но жена Галя не пускала.

У входа курили кавалеры.

На сцену вышла собака. Грустно глядела на танцующих. Потом пришла другая собака и стала махать хвостом в такт музыке. Собака со сцены подошла к подруге, и они стали прыгать на танцующих, радостно повизгивая.

Мочалов рвался в бой, жена Галя стыдила:

– Завтра матери твоей скажут, что ты, старый дурак, в клубе прыгал козлом.

Собаки попали в такт с танцующими и тоже принялись прыгать, якобы танцуя.

Танец кончился, девушки пошли к стульям, а мы пошли домой, утащив упирающегося Мочалова.

Он не успокаивался и сказал:

– Тогда пойдём на реку, постоим на мосту.

Мы ему отказали и пошли спать. Ему тоже пришлось идти с нами, потому что Мочалов свою жену слушается.

В понедельник с утра сумрачно, давление низкое и хочется спать. Мочалов с Галей и Кирой пошли в лес за грибами. Мочалов болен грибами хронически и неизлечимо. Он если видит, как кто-то идет с грибами, обязательно остановит и долго выспрашивает, где собрал и сколько в каком месте.

Они пошли в лес, а я пошел мыть машину у колонки. Колонка рядом. Кто ни пройдет – здоровается. В деревне люди и по сей день здороваются даже с незнакомыми.

Может, оттого и здоровы, что друг другу желают здоровья.

Мою я, мою, бабка из избы вышла, дед какой-то проходил:

– У меня зять може машину умывает. – Здесь у всех зятей либо мотоцикл, либо машина. – Вода-то известкова, – говорит дед.

Бабка добавляет:

– Стекло помыла давеча, а оно аж налетом покрылось. Давай на речку, там дождевая.

Еду на речку, мою речной.

Идем с Галей в библиотеку и встречаем Верку, всю в голубом.

Она решила ехать в Калинин. Так что я лишаюсь чести отвезти её в Киверичи.

Книжку мы взяли, Шкловского «Жили-были». Сидим, едим. Потом курим на мосту. На домашнем мосту. Болтаем.

– Троица, Куликово, Жабино, Петраково, Дор, Кривцо, здравствуй рюмочка, прощай винцо, – так говорил дед Мочалова.

Дело в том, что все эти хутора, ныне превратившиеся в деревни, принадлежали мочаловской родне. Бабка его имела много братьев, они владели магазинами в Петербурге. И эти хутора тоже были их собственностью.

Бабка была грамотная, но вышла замуж за своего, деревенского, столяра-краснодеревщика. И дом их в селе Ивановском с тех пор. Мама Мочалова живет в нем теперь одна. Отец Мочалова работал до войны в милиции. Во время войны имел бронь. Ловил дезертиров, спекулянтов, бандитов. Фронт был недалеко. Немцы захватили Калинин.

Дом Мочаловых несколько раз поджигали, и семья жила по разным деревням.

А после войны, когда была денежная реформа, накрыл Мочалов-папа заведующего сельпо на каких-то махинациях. Арестовал его. А он возьми да и окажись приятелем начальника отделения милиции.

Начальник приказал освободить арестованного. Они с

начальником поругались. Мочалов-старший сгоряча чуть не застрелил начальника.

Его, Мочалова, и уволили из милиции.

Сельповца всё равно посадили, начальника уволили, но и Мочалову пришлось заняться другим.

Маляром был, штукатуром, потом агентом по заготовкам. Начал ездить по району и зарабатывать прилично. Но и пить стал значительно больше. Жена ругалась. Так вот в минуту отрезвления он и повесился.

А назначили его когда-то после того, как дезертиры предыдущего участкового убили. А один дед Мочалова сидел полтора года, в 1916 году его сослали, да в пути его революция застала.

Это все мне Мочалов уже в среду рассказывал, когда шли мы с ним по проселку в хутор Чепцы к Ширшиной Екатерине Петровне.

Вышли мы в одиннадцать. Парило, и облака низкие. А мы по селу топаем. Грязюка невозможная. Дорога разворочена тракторами.

– А раньше, – говорила Александра Васильевна, – село очень хорошо было. Чисто было. Вот снег сойдет – ив тапках идти можно. То ли народу больше было. Следили. А сейчас машины да трактора всё разворотили.

У дома Бархатова сам Бархатов и «отец». В ведре телячьи почки, лёгкие, сердце. Отмачивают. Они теленка колхозного забили. А им за это положено то, что в ведре лежит. Мочалов им, конечно, пятерку дает на бутылку, чтобы на обратном пути присоединиться.

Но Бархатов утверждает, что вряд ли что останется.

– Ну, два-то куска нам оставьте.

– Два – может быть, – обещает Бархатов и дальше начинает сетовать – Жить лучше стали, пить стали больше, видать, должно быть наши вечные попутчики – голод да страх. Как утро, так думаешь – чего пьём? А к вечеру опять собираются.

У «отца» на доме два ружья деревянных прибиты. Крест-накрест. Он охотник. О чем всем и сообщает этими ружьями.

Сдали пять рублей, дальше пошли. Через загоны, где стадо колхозное, и по насыпной дороге через лес. Дорога заброшенная, теперь по ней и не проехать, разве что на тракторе. Они и вывозят отсюда лес – трактора.

Вот так мы и шли часа два под мочаловские рассказы о предках, пока не дошли до поля с сараями. Просторные сараи. Мочалов удержаться не может, начал грибы собирать. А я залег в сарае. Из сарая поле просматривается.

Из такого сарая стрелять хорошо. Я лежу на сене и стреляю. Вон из-за леса выходят, или нет, выезжают на мотоцикле в касках, и стреляй по ним. Только мухи стрелять мешают. Много их здесь, мух. Мочалов утверждает – это оттого, что стрижи и ласточки при перелете замерзли. Мало в этом году птиц, вот мухи и расплодились.

Когда я всех врагов перестрелял, вернулся Мочалов.

В корзинке восемь штук грибов. Белый – крепенький, здоровенький, румяненький, а остальные подосиновики.

Стыдно Мочалову – мало грибов насобирал. Но мне к старушке не терпится, поэтому дальше идем.

Хутор Чепцы – шесть домов. Огорожены забором. У каждого дома – сарай.

И у одного сарая собака на цепи. Значит, в этом доме живут. Остальные дома брошенные, но на лето кто-то приезжает.

Бабуля наша, Екатерина Петровна, 77 лет ей, сено ворошит, а с ней родичи её – муж с женой.

– Ты чей же будешь? – спрашивает Мочалова.

– Мочалов буду.

– Это ж какие Мочаловы? Учились, кажись, у меня.

Екатерина Петровна учительницей была до 1948 года.

И тут же рассказывать. До 48 года она учительствовала и иконы реставрировала по церквам. Стали притеснять её. Пропагандист вызвал её и стал доказывать, что она живет не так.

– А я ему все и сказала напрямик. Вот из школы и пришлось уйти. Так у меня усадьбу отняли и ещё сена не дали. А как же корову кормить? Я тут и вспомнила.

У нас свояк был. Давно уехал. А сын его в центральном органе работал, в газете «Правда». Ему как на пенсию справки собирать, они мне письмо прислали, дескать, собери три подписи, что работал он в школе. А я же рисование и черчение преподавала. Я ему не то что три, все пять прислала. А он уж, как на родину приезжал, так меня благодарил, да ещё сказал: если нужно чего будет, ты мне пропиши. Я и пошла в соседнюю деревню – адрес брать.

А пропагандисту люди говорят: «Ты её не трожь, а то ведь он из «Правды», не то что, а всю область перевернет».

Они мне усадьбу и вернули.

А мне что, я свои деньги всегда заработаю. Я вон собор в Кашине реставрировала. А ещё в избу пойдём, покажу, на память себе срисовала, где Пушкин жил. Церковь там реставрировала, там именье Вульфа. Где Пушкин с Керн познакомился.

Поп там на медика учился. Да больно брезгливый оказался. Не могу, говорит. Пошел в духовную. А ему что, после

университета церковные книги выучить. Его и посвятили в эту церковь, а я уже потом её реставрировала. В 58-м году, ему лет 80 было. Очень благодарил.

Мочалов пошел сено перевозить, а я вручил бабуле печенье чешское.

– Ишь, подарок мне принесли, пошла готовить чой-то. И к дождю уже близится.

Нас в дом позвали. На столе мед в сотах. У неё и ульи свои, у бабушки Екатерины Петровны.

Икон в доме много и картин.

– Вот собор Кашинский. Это в 1909 году, когда открывали мощи святой Анны Кашинской, народу набралось. Так полк солдат на лошадях приехал. Все на белых лошадях, только главный на вороной. Лошади умные, народ давит, а они упираются. Умные, не то что наши дурехи.

Икона стоит Анны Кашинской и собор на той иконе Кашинский. Памятник Керн на картине вырезан по контуру. И та церковь, которую бабушка себе на память нарисовала. Вокруг церкви деревья, каждый листочек прорисован.

На стене портреты, один явно чужой рукой нарисован.

– Мужик деревенский. – А то – учитель мой. Он живописец был, и родня мне. Он меня рисовать учил. А это автопортрет свой сделал. В зеркало смотрел и рисовал.

И ещё «Совет в Филях» во всю стену. Явно с открытки срисован.

Во второй комнате тоже картины на стенах. Стол с книгами. Среди книг «Земная жизнь Иисуса Христа в живописи и литературе».

Под потолком лампа керосиновая, и на печке ещё одна. Эта, вторая, из монастыря.

– Монашенка принесла и подарила, а я ей за это икону нарисовала.

А уж Библию с рисунками Доре бабушка нам после обеда вынесла. Кормила нас медом, топленым молоком, кашей рисовой. Чай пили. Воск на стол складывали, его сдать можно и получить взамен пластмассовые основания для сот.

– А дикие пчелы, вишь, сами соты прикрепляют.

Так и живет бабушка при керосиновом освещении. И ещё может в свои 77 лет на велосипеде за 40 километров съездить за 4 часа.

А зимой рисовать будет и реставрировать. В 77 лет лезет на леса и работает. Во всяком случае, в прошлом году работала и в этом собирается. Не темная бабушка. В 29-м году в Академии художеств училась в Ленинграде.

Это значит, с 28-го на 29-й с 29-го на 30-й, с 31-го на 32-й, а уж в 32-м году сюда приехала. Так и живет в Чепцах. Корову доит, на велосипеде ездит, пчел разводит. Любит селедку. Вся еда её простая. Сухонькая бабушка, но ещё крепкая. Одна среди леса.

– А люди какие пошли. В соседнем доме иконы сняли.

– Живет ли кто там?

– Нет, не живет, вот они и сняли. Украли. А одна икона у меня из церкви Ивановской. Вот та, которая в золоте вся. Церковь-то сломали, а икону мне отдали.

Жена Мочалова – Галя. Ехали мы в Калининскую область и разные истории друг другу рассказывали. У Гали подруга есть. Решила эта подруга лет в 35 киноактрисой стать. Но во ВГИК уже не примут. Пошла в народную киностудию. Там разные отделения: режиссеров, сценаристов, операторов и актеров.

Она поступила на актерское отделение.

После актерского, считала она, легче стать киноактрисой.

План у Инны был простой и легко осуществимый. Закончить за два года актерское отделение, потом сниматься на родной киностудии в любительских фильмах. Играть, естественно, уникально. И потом, когда её незабываемую игру увидят профессионалы, её тут же пригласят сниматься в настоящем фильме. Дальше – больше. Один фильм, другой, до заслуженной рукой подать. А там, глядишь, и до Каннского фестиваля недалеко.

Осталось совсем немного – поступить.

Сдавала она все хорошо. Шла однажды на собеседование и вдруг вспомнила, что надо на это самое собеседование принести сочиненный ею рассказ. Времени у неё сочинять уже не было. Было у неё время только попросить Галю сочинить за неё рассказ, а самой причесаться и навести косметику. Причесывалась Инна минут сорок. За это время Галя напечатала ей рассказ. Галя описала действительный случай, как к ним в квартиру залетел попугайчик, живой такой, веселый попугайчик. Прыгал, летал, что-то выкрикивал, брал еду из рук. Время от времени садился Мочалову на голову, что-то там находил и с удовольствием склевывал.

Мочаловы повесили объявление о попугайчике. Потому что жалко было хозяина. Скучает по другу, ищет его. И дня через два пришел за попугайчиком мальчик. Белобрысенький мальчик попугая не признал. У него была самка, а этот – самец.

Мальчик прочитал часовую лекцию о попугаях и ушел, унося с собой находку.

Потому что он, мальчик, в попугаях разбирался, а Мочаловы даже не знали, чем птичку кормить.

Через неделю раздался звонок в дверь. Галя открыла и увидела огромный букет. За букетом не видно было мальчика. Он протянул Гале букет и сказал:

– Спасибо вам за заботу о попугайчике.

Вот и вся история.

Инна сдала эту историю, а не в моем конспективном изложении.

Через несколько дней Инне сказали, что у неё выдающиеся сценарные способности, и посоветовали ей поступать на сценарное отделение.

Рассказ очень понравился приемной комиссии, а Инна его даже и не читала.

Инна поступила на сценарное отделение. Закончила его с отличием, затем поступила на сценарный факультет ВГИКа, закончила и его с отличием, потом поступила на Высшие сценарные курсы и их тоже закончила с отличием. Сейчас ей 57 лет, она лауреат всяческих премий. У неё своя тема в искусстве – «Попугайчик и человек». Она достигла небывалых высот в развитии этой темы, но так до сих пор не прочитала того, что написала ей Галя.

Это всё мои фантазии, а на самом деле Инна уговорила комиссию принять её на актерское отделение. Проучилась полгода и бросила учебу, потому что у неё появилась другая мечта – стать парашютисткой. Она достала себе на толкучке подержанный парашют и сшила из него замечательные шторы.

Галя по-прежнему работает инженером, рассказов больше не пишет, потому что у неё есть муж, Мочалов, а это посильнее любых рассказов. Поскольку ни в одном рассказе нет столько жизненной правды, сколько её в одном Мочалове.

Да, вспомнил. Попугайчик увидел себя в зеркале и очень удивился. Поглядел на себя, что-то проверещал, потом заглянул за зеркало. Там никого не было.

Он опять глянул в зеркало и снова увидел себя. Увидел и возмутился.

Заглянул за зеркало – никого. Тогда он стал клевать ребро зеркала, пытаясь понять, что там внутри. Ничего не получалось. Он клюнул и полетел по комнате. Всё-таки не хватает попугаю терпения довести эксперимент до конца. Да и образования недостает. А недостаток образования не компенсируется избытком воображения. Так что загадка зеркала так и осталась неразгаданной.

Едем мы с Мочаловым в деревню Киверичи. Недалеко. Километров десять. В магазин едем. Как думаете, зачем? Правильно.

Едем медленно. Потому как повсюду ухабы.

Проехали деревню Воротнево, называется так потому что дошли до неё когда-то татары и назад воротились. А мы дальше поехали. Но лучше бы поверили татарам и тоже вернулись, потому что магазин в Киверичах до шести, а сейчас уже полседьмого. Мочалов кидается к двум пожилым женщинам, сидящим на лавке. Там ещё и девочка лет 14-ти. Одна из пожилых женщин родственница Мочалова. Тетка его – жена дяди. Девочка – внучка тети Насти. Мочалов разговаривает с тетей Настей, а я с девочкой, из машины, но через тетю Настю.

– А лет-то ей сколько?

– Четырнадцать.

Девочка смущается, улыбается, отводит глаза. Потом поворачивается ко мне, снова улыбается и снова глаза отводит.

– А зовут-то её как?

– Светой её зовут. Понравилась?

– Очень.

Мы идем в дом. Дядя умер несколько лет назад. Последние годы его жизни тетя Настя ездила по детям, то в Туркмению, то в Калинин. Детей много, в разных городах. Дядя пил. И умер. А тетя Настя даже на похороны не приехала. За что Александра Васильевна, сестра умершего, с ней и не общается.

А тетя Настя все говорит:

– Увидеться бы. Что ж Александра к нам не приходит? Давай в субботу, Нинка приедет с мужем, и ты приезжай.

А я всё гляжу на Светку, а она всё смущается. Я и говорю:

– А пусть Светка с нами поедет, заодно и Александра Васильевна на неё поглядит.

– А пусть поедет, – говорит тетя Настя.

И вот Светка едет с нами. Сидит на заднем сиденье и с Киркой, дочкой мочаловской, величественно беседует. Нет-нет да и глаза наши в зеркале встречаются, и снова она улыбается, но отводит взгляд. Ей игра эта нравится. Она делает вид, что ей неприятно такое к ней внимание. Но если я не смотрю на неё, то чувствую, что она ждет моего взгляда, чтобы снова отвернуться.

Светке очень подходит её имя. Светка она. И в то же время Светлана, поскольку шесть лет занималась художественной гимнастикой. Но бросила, не дотянула до звания мастера. А бросила, потому что надоело. Надоело, и всё. И вообще, у неё здесь, в Киверичах, много кавалеров. Что же они будут делать без неё сегодня вечером? А с ней бы они на мотоциклах ездили до поселка заготовщиков и обратно.

Мы приезжаем в Ивановское и идём в кино. Увидев наш клуб, Светка фыркает. У них, в Киверичах, клуб лучше. Что несложно.

Кино Светке тоже не понравилось. Она его второй раз смотрела. Почему-то во второй раз ей это кино понравилось меньше.

Я спрашиваю:

– А что же вы не сказали, мы бы не пошли?

– Да ну, – говорит Светка, вот и все объяснение. Её трясет от холода. Я даю ей куртку. Добегаем до дома.

– Света, есть хотите?

– Нет.

А чаю хотите?

– Нет.

Настроение у Светки подпорченное. Там кавалеры с мотоциклами, а тут не поймешь что.

– Я вам наливаю чай.

– Не хочу.

– Всё равно наливаю.

– Не люблю.

– Света, – вступает Александра Васильевна, – выпей чаю, согрейся.

– Не буду.

Говорим с ней о её гимнастике:

– Жалко, что вы, прозанимавшись шесть лет, бросили.

Я ей говорю «вы», она мне – ты. Я её спрашиваю:

– Света, а почему вы мне говорите «ты»?

– Хочу и говорю.

– А учителю тоже так говорите?

– Я ему никак не говорю.

– Но это же нехорошо, что вы «тыкаете» старшим.

– А я могу с тобой вообще не говорить.

– Ну и пожалуйста, – говорю я.

Она встает со стула, долго испытующе смотрит на меня, потом ложится спать.

Утром едем на речку. Мочалов тянет нас в какое-то удивительное место. До этого места мы не доезжаем. Переехали речку. Тормоза у нас свистят. Мы возвращаемся. Снова переезжаем речку. Останавливаемся. Пытаемся разобраться в тормозах. Подходит совершенно нетрезвый шофер, долго что-то советует, путая слова.

Света бродит по реке, издали поглядывая в мою сторону.

Мы с ней разговариваем. Но она ко мне никак не обращается, чтобы не «тыкать», но и не «выкать». Утром она с нами завтракала. И мы кричали:

– Ура! Светка соизволила позавтракать с нами.

Возвращаемся домой. Приходит дядя Витя. Подкручивает что-

то в тормозах. Надо сказать, что камера, заклеенная три дня назад, тоже спустила.

Дядя Витя в машинах разбирается. Он – инженер в колхозе. Начальник на станции. Мочалов выносит бутылку. Дядя Витя быстро хмелеет. Видно, легло на вчерашнее.

«И потекла печальная беседа» (Есенин).

Он, дядя Витя, был председателем в соседнем колхозе. Но как-то, в нетрезвом состоянии, перевернулся вместе с машиной. Из председателей пришлось уйти. Теперь машинами руководит на машинно-тракторной станции.

– А тракторов-то у меня – 26 штук, а шоферов – 13. Кто на одном, допустим, колесном, а завтра на другом, на гусеничном.

А ещё он секретарь профсоюзной организации.

– Значит, в тридцатых годах колхоз наш назывался «Пятилетку в четыре года», потом – «Имени Сталина», теперь – «Заря».

Значит, раньше семь бригад было, считай по 30 человек, значит, двести с лишним работников. Сейчас у меня на профсоюзном учете 82 человека.

А сколько работает? Председателю 25 лет. Он зоотехником был. На заочном учится. Нет, он парень ничего, только молодой, неопытный.

Я ему говорю: «Дождь, давай силос делать».

Он думает. А чего думать? Раз дождь – надо силос делать. Конечно, у коровы желудок так устроен, что ей твердый корм нужен. Но и силос, раз дожди.

А водить-то машину никто не умеет.

Я 25 лет вожу. Зять приехал, я говорю: «Не можешь ты водить. Я сел. Я-то могу водить. Я тебя провезу». А он говорит: «Так, как ты, я не могу». Я 25 лет вожу. В яму надо в накат, а уж из ямы газку немножко, чтобы не буксовала. Ну, извините, если что не так.

Везем Светку в Киверичи. Дождь проливной. Привозим. Жалуемся тете Насте, что она гимнастику бросила. У тети Насти глаз настороженный становится. Чувствуется, она так это не оставит.

Светка выходит в соседнюю комнату, ложится на диван, смотрит оттуда. Мы прощаемся. Я захожу к Светке. Тетя Настя с Мочаловым ушли из дома.

– До свидания, Светлана, – говорю я и протягиваю руку.

Светка поворачивает ко мне лицо в слезах, кидается мне на шею, плачет и шепчет: – Неужели никогда больше не увидимся?

Прошло тридцать лет. Мы снова увиделись. Я уже известный писатель. Она – мать-героиня, пришла ко мне. Я лежу с

радикулитом. На полках мои книги, фильмы в коробках, книги, переведенные на монгольский и мальгашский языки.

Светка поседевшая, я – совсем седой.

– Всю жизнь вас любила и любить буду. У меня трое детей, и все они названы в честь вас: Леонидом, Алексеем и Леопольдом.

– Вообще-то, меня Лион зовут, – обиженно говорю я.

– Ах, – вскрикивает она, – жизнь прожита зря.

– А гимнастикой вы больше не занимались?

– Ну как же, я заслуженный мастер спорта, чемпионка Спартакиады народов. На всю жизнь запомнила я ваши слова о том, что художественная гимнастика откроет мне дорогу в любой вуз.

– Ну и какой же институт вы выбрали?

– Ветеринарное училище.

– Молодец, не зря мы с вами когда-то встретились, Галя.

– Меня Света зовут.

– Неважно. Важно, что имя Галя вам очень идет. Она уходит вся в слезах. Радикулит прошел, я сажусь за очередной том своего собрания сочинений.

Надо, обязательно надо встречаться с народом. Это дает… Много чего дает.

Теперь я могу написать целую повесть о Гале и Свете.

Это всё мои фантазии. Просто Света пожала мне руку и сказала:

– Пока.

Но очень многозначительно на меня посмотрела.

А ещё в селе Ивановском можно ловить рыбу. Прямо в селе, в пруду, подъемником. Сетка такая на шесте. И будут проходить мимо пруда сытые коровы. Будет на них громогласно орать пастух.

Будут плыть по этому пруду две сестрички в очках – Ирка и Танька.

И Танька – шестилетний карапуз, открыв рот, будет любопытно смотреть на нас, а воды бояться не будет.

Выскочит на берег и притащит нам нашу сумку, в которой вы догадываетесь что.

Будет ещё заезжий москвич рассказывать нам, как он вкалывал, чтобы купить машину. А потом я уеду, субботним солнечным утром. Провожать меня поедет Мочалов, потому что как же меня отпустить одного по этим дорогам.

А Александра Васильевна с вечной болью за своего баламута-сына с Галей и Киркой будут стоять у моста и махать мне руками.

А я буду шептать на всю Ивановскую:

– До свидания, деревня. Мне здесь, у тебя, было хорошо. Я

снова хочу сюда приехать.

Догонит нас на дороге дядя Витя с молодым председателем. Попросят привезти фильтр от «Жигулей», и теперь уже точно надо будет сюда снова приехать. Но приехать не придется.